

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского Основан в ноябре 1946 г. университета

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 1 • 2008 • ЯНВАРЬ—МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

От главного редактора	3
Поздравление Ректора Московского университета	5
Поздравления от коллег, университетов, общественных организаций	6
Перевод в системе гуманитарного знания	
<i>Миронов В.В.</i> Интерпретация как выражение гуманитарной сущности фило- софии	13
Наука о переводе: теория и методология	
<i>Гарбовский Н.К.</i> Теория перевода. Век XXI: от эмпиризма к рационализму	29
<i>Ballard M.</i> Éléments pour une méthodologie réaliste en traductologie	48
<i>Балляр М.</i> К основаниям реалистической методологии в науке о переводе	49
<i>Костикова О.И.</i> К основаниям теории переводческой критики	82
Лингвокультурологические аспекты перевода	
<i>Бойко Б.Л.</i> Единицы социально-группового диалекта в языковой картине мира взаимодействующих культур (на материале русского и немецкого военного жаргона 1941—1945 гг.)	99
<i>Ковенева О.В.</i> Таинственный мир коннотаций в лингвистике и теории пере- вода	109
Вопросы устного перевода	
<i>Гасек Богумил.</i> Лексико-семантическая интерференция в процессе устного пе- ревода: значение <i>потенциальных положительных интерференентов</i> (на мате- риале польского и русского языков)	144
Дидактика перевода	
<i>Жаркова О.С.</i> Обучение переводческой скорописи в рамках профессиональ- ной подготовки переводчиков	151
<i>Пан Кёён.</i> Преподавание перевода и анализ исследований по переводоведению в Корее	159
Рецензии	
<i>Чайковский Р.Р.</i> Теория перевода сегодня	174
Хроника научной жизни	
<i>Костикова О.И.</i> Наука о переводе сегодня (Международная конференция по проблемам перевода, 1—3 октября 2007 г.)	176

Contents

Editor-in-Chief's Foreword	3
Congratulation from Rector of Moscow University	5
Congratulations from Colleagues, Universities, Organisations	6
Translation in the System of the Humanities	
<i>Mironov V.V.</i> Interpretation as Humanitarian Essence of Philosophy	13
Translation Studies: Theory and Methodology	
<i>Garbovsky N.K.</i> Theory of Translation. The 21 st Century: from Empiricism to Rationalism	29
<i>Ballard M.</i> Basis of Realistic Methodology in Translation Studies	48
<i>Kostikova O.I.</i> Basis of the Theory of Translation Criticism	82
Linguistic and Cultural Aspects of Translation	
<i>Boiko B.L.</i> Units of Social Group Dialects in the Language World View of Interacting Cultures (Based on the Material of Russian and German military jargons in 1941–1945).	99
<i>Koveneva O.V.</i> Connotation in Translation	109
Interpretation	
<i>Gasek B.</i> Lexical and Semantic Interference in Interpretation: the Meaning of Potential Positive Interferents (Based on the Material of the Polish and Russian Languages)	144
Translation and Interpretation Didactics	
<i>Zharkova O.S.</i> Interpreter's Notation Teaching	151
<i>Bang G.Y.</i> Teaching Translation and Interpretation in South Korea	159
Reviews	
<i>Chaykovsky R.R.</i> Review of the book "The Theory of Translation" by N.K. Garbovsky	174
Chronicle of Scientific Life	
<i>Kostikova O.I.</i> Science of Translation Today (the International Conference on Translation and Interpretation, October 1–3, 2007)	176

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Балляр Мишель.** Профессор, директор научно-исследовательского центра “Филология и языки” Университета Артуа, Arras (*Франция*)
- Бойко Б.Л.** Профессор Военного университета МО РФ, кандидат филологических наук, профессор
- Гарбовский Н.К.** Доктор филологических наук, профессор, декан факультета Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова
- Гасек Богумил.** Магистр славянской филологии, преподаватель Института славянской филологии Вроцлавского университета (*Польша*)
- Жаркова О.С.** Преподаватель Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова
- Ковенева О.В.** Преподаватель Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, магистр социологических наук
- Костикова О.И.** Доцент, зам. декана по научной работе и международным связям Высшей школы перевода МГУ им. М.В. Ломоносова
- Миронов В.В.** Доктор философских наук профессор декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Пан Кёён.** Профессор, директор Высшей школы перевода Ханкукского Университета иностранных языков (*Корея*)
- Чайковский Р.Р.** Доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Северо-Восточного государственного университета
- Ballard M.** Professor, Director of Research Centre “Lettres et Langues”, Artois University, Arras (*France*)
- Bang G.-Y.** PhD, Professor at the Graduate School of Interpretation and Translation Hankuk University of Foreign Studies (*Korea*)
- Boiko B.L.** PhD, Professor of the Military University. Moscow, Russia
- Chaykovsky R.R.** PhD, Professor, Dean of the Faculty of Philology North-Eastern University, Magadan, Russia
- Garbovskiy N.K.** PhD, Professor, Dean of the Faculty of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University
- Gasek B.** Master’s degree in Slavonic Philology, Teacher at the Institute of Slavonic Philology, Wroclaw University (*Poland*)
- Kostikova O.I.** Associate Professor, Vice-dean of the Faculty of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University
- Koveneva O.V.** Teacher at the Faculty of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; French Master’s degree in Sociology
- Mironov V.V.** PhD, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
- Zharkova O.S.** Teacher at the Faculty of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объем рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегль);
- текстовый редактор.

Требования к форме предоставления статей:

— текст представляется на трехдюймовой дискете, не содержащей компьютерных вирусов и механических дефектов, в формате RTF или на диске и в распечатанном на бумаге виде;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *примечания* в виде подстраничных сносок;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [Там же: 128] для русскоязычных источников или [Ibid.: 123] для иноязычных источников;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

РЕШЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА

от “7” марта 2008 г.

№ 9/11

О мерах по повышению эффективности использования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

Президиум Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России решил:

1. Утвердить систему критериев для включения изданий в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

2. Ввести систему критериев для включения изданий в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 01.01.2008 г.

3. Осуществить полный переход на использование индексов Web of Science для всех отраслей наук, кроме гуманитарных и общественных, с 01.01.2012 г.

4. Начать полномасштабную эксплуатацию системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) с 01.09.2008 г.

5. Объявить решение настоящего президиума ВАК Минобрнауки России в “Бюллетене Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России” и на официальном сайте ВАК.

Система критериев для включения издания в Перечень

Достаточное условие.

Присутствие текущих номеров издания (или его англоязычной версии) в одном из трех индексов цитирования Web of Science (Science Citation Index, Social Sciences Citation Index, Arts & Humanities Citation Index).

Необходимое условие: выполнение изданием (как традиционным, так и существующим только в электронной форме) всех перечисленных ниже критериев:

1. Наличие института рецензирования (экспертной оценки) рукописей. Обязательное предоставление редакцией рецензий авторам рукописей и по запросам экспертных советов в ВАК.

2. Информационная открытость издания

Наличие полнотекстовой сетевой версии в Интернете. Аннотации статей, ключевые слова, информация об авторах и пристатейные библиографические списки должны находиться в свободном доступе в Интернете на русском и английском языках, полнотекстовые версии статей — в свободном доступе или доступными только для подписчиков.

Регулярное предоставление информации об опубликованных статьях по установленной форме в систему РИНЦ.

Обязательное указание состава редакционной коллегии или совета на сайте издания.

Обязательное указание мест работы всех авторов, их должностей и контактной информации.

3. Другие требования

Строгая периодичность. Претендент должен представить не менее 4-х последних выпусков своего издания.

Наличие пристатейных библиографических списков у всех статей в едином формате, установленном РИНЦ.

Наличие ключевых слов для каждой публикации.

Наличие и строгое соблюдение опубликованных правил представления рукописей авторами.

Отсутствие платы за опубликование рукописей аспирантов.

Наличие ISSN.

Наличие подписного индекса Роспечати и/или “Объединенного каталога Пресса России” (не применяется для электронных изданий).

Для электронных изданий обязательным является регистрация издания в Информрегистре.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Н.К., *главный редактор*
Дианова Г.А., *зам. главного редактора*
Костикова О.И., *зам. главного редактора*
Матасов Р.А., *ответственный секретарь*
Бельский Е.В., Есакова М.Н., Забровский А.П.,
Кольцова Ю.Н., Мишуров Э.Н., Резниченко О.Л.,
Торсуков Е.Г., Шабага И.Ю.

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Корректоры *Н.И. Коновалова, Г.Л. Семенова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел. 203–31–28

Сдано в набор 5.04.2008. Подписано в печать 19.08.2008. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,5.
Усл. кр.-отт. 2,75. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 253 экз. Заказ № . Изд. № 8654.

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Типография ордена “Знак Почета” Издательства МГУ.

119992, Москва, Ленинские горы.

ИНДЕКС 20408

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2008. № 1. 1—184

Уважаемые коллеги!

Выход в свет нового научного журнала — важное событие в жизни всякого научного сообщества, уточняющего и приращивающего научные знания в той или иной области. Наш журнал — ещё один представитель “Вестника Московского университета” носит традиционное для отечественной науки о переводе название — “Теория перевода”. Он посвящён вопросам теории, истории, методологии, критики, дидактики и практики перевода. Центральным объектом публикаций в этом журнале является переводческая деятельность во всем своём разнообразии. Мы надеемся, что на страницах нашего журнала читатель сможет увидеть перевод во множестве оппозиций: научной и художественной, синхронной и последовательной, вольной и буквальной, профессиональной и учебной, межъязыковой и внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотической, адекватной и эквивалентной, а также во многих других.

Почти на всех научных конференциях филологической тематики в той или иной мере уделяется внимание переводу. Книжные прилавки пестрят от учебных пособий, раскрывающих “тайны мастерства” и объясняющих, как следует переводить.

В самом деле, эта весьма интересная область интеллектуальной деятельности, предполагающая особое психическое состояние человека, изучена далеко не полностью и во многом остаётся загадочной. Какова роль перевода в современном обществе? Как повлиял перевод на развитие цивилизаций? Как связан перевод с культурой народов? Почему одно и то же слово переводят по-разному? Устный и письменный перевод: что общего и какие отличия? Какова структура акта перевода? Почему одно и то же произведение может претерпевать множественные переводы? Почему один перевод кажется нам авторитетнее другого? Что лучше: корявая правда или изящная неверность? Всё ли переведено, и если не всё, то почему? Возможен ли идеальный перевод? Какой другой интеллектуальной деятельности близок перевод? Что такое верность и адекватность перевода? Какими способами и методами осуществляется перевод? Можно ли научить переводить?

Разумеется, эти вопросы далеко не исчерпывают всю проблематику современной науки о переводе. Несмотря на более чем двухтысячелетнюю историю теоретических размышлений о переводе, в теории перевода и сегодня, пожалуй, больше вопросов, чем ответов.

Думая о сложности объекта, изучаемого теорией перевода, вспоминаешь высказывание о переводе английского философа и филолога Айвори Ричардса, процитированное одним из основоположников отечественной теории перевода, Л.С. Бархударовым: “Очень может быть, что здесь мы имеем дело с самым слож-

ным процессом из всех возникших когда-либо в ходе эволюции космоса”*. Даже если это высказывание содержит некоторое преувеличение, оно заставляет задуматься над сущностью явления, которое в русском языке обозначено одним словом — “перевод”.

Современная наука о переводе невозможна без тесного переплетения многих отраслей научного знания: философии и логики, герменевтики и семиотики, этики и эстетики, психологии и социологии, лингвистики и литературной критики, культурологии и этнографии, теории коммуникации и политологии, математики и информатики, а также многих других.

Переводческая деятельность не перестаёт привлекать внимание не только исследователей, но и широких масс “потребителей перевода”, тех, кто пользуется услугами переводчиков, иногда даже не подозревая об этом. Переводчики издают многочисленные журналы и газеты разного теоретического уровня, объединяются в союзы и ассоциации. О переводчиках снимаются фильмы и телевизионные сериалы, переводчики пишут о себе песни и снимают клипы.

В этой связи знаменательно, что именно в Московском университете, имеющем непрекаемый авторитет в области естественно-научных и гуманитарных знаний, выходит новый журнал, специально посвященный научным размышлениям в данной области. Это лишний раз подтверждает, что наука о переводе состоялась и получила признание как самостоятельная отрасль научного знания, а не как прикладная область лингвистики.

Новый журнал, посвященный теории перевода, имеет одно важное, данное ему изначально преимущество: он позволяет сконцентрироваться на одном объекте — переводческой деятельности — ученым самых разных университетских научных дисциплин. В этой интердисциплинарности — сила университетского научного знания.

Но наш журнал открыт не только для учёных Московского университета: мы хотели бы видеть на его страницах рассуждения об общей теории, истории, методологии, критике, дидактике и практическом переводческом опыте наших коллег из России и других стран, как признанных мастеров, известных всему миру, так и молодых учёных. Чем шире и разнообразнее будет палитра представленных в нём взглядов, тем чётче будет вырисовываться её объект — переводческая деятельность во всей своей вариативности. Надеемся, что наш журнал найдёт своих читателей.

*От редакционной коллегии
главный редактор Н.К. Гарбовский*

---

* Бархударов А.С. Язык и перевод. М., 2004. С. 231.

Поздравление
Ректора Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

В новом, 2008 г. в Московском университете начинает выходить новая серия “Вестника Московского университета” — “Теория перевода”.

Выход в свет новой серии научного журнала Московского университета является важным событием в жизни научного сообщества нашей страны.

Теория перевода — это та область науки, в которой тесно переплетаются знания самых разных научных дисциплин, — филологии, философии, этнографии, психологии и многих других.

Выражаю надежду, что новый журнал, освещая результаты научных исследований ученых Московского университета в важной для жизни общества области, быстро обретёт популярность и авторитет в научных кругах как у нас в стране, так и за рубежом.

Поздравляю профессоров, преподавателей, аспирантов и студентов факультета Высшая школа перевода с выходом в свет первого номера журнала и желаю дальнейших творческих и научных успехов.

*Ректор
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
академик РАН*

В.А. Садовничий

Поздравления
от коллег, университетов,
общественных организаций

Уважаемые авторы, читатели и редакция журнала
“Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода”!

Факультет психологии Московского университета сердечно поздравляет Вас с выходом первого номера журнала!

Высшая школа перевода — недавно созданный факультет — готовит специалистов в области переводоведения, которые должны владеть не только профессиональными навыками в области устного и письменного перевода, но и глубокими теоретическими знаниями по вопросам истории и теории перевода, культуры России и стран изучаемых языков. Поэтому не вызывает сомнений, что преподаватели и студенты одного из самых молодых факультетов МГУ нуждаются в специальном периодическом издании, на страницах которого освещались бы проблемы теории, истории и методологии перевода, анализировались бы различные аспекты перевода — философские, социальные, лингвистические и др. Именно поэтому появление журнала представляется актуальным и своевременным.

Мы выражаем уверенность в том, что “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” станет изданием, востребованным не только сотрудниками факультета Высшая школа перевода, но и специалистами смежных областей знания. Будем рады установлению продуктивных отношений между нашими факультетами, в том числе и на страницах нового издания, в котором найдут отражение психологические аспекты перевода.

Надеемся, что выход новой серии в журнале “Вестник Московского университета” будет способствовать развитию отечественной научной мысли.

*Декан
факультета психологии МГУ
профессор*

Ю.П. Зинченко

Дорогие коллеги!

Поздравляем Вас с выходом первого номера Вашего журнала. Проблема перевода всегда была одной из важнейших при изучении языков и взаимодействии культур. Её актуальность в настоящее время ни у кого не вызывает сомнений. Наши преподаватели и сотрудники опубликовали много работ, посвященных переводу древних и современных текстов с восточных языков на русский, столкнувшись в процессе работы с необходимостью трансформации феноменов одной культуры в другую и поиска адекватных языковых реалий. Сам подход к переводу как к культурологической и семиотической проблеме создает нить, которая соединяет культуры мира в единое целое и обеспечивает взаимопонимание разных народов.

Мы будем рады сотрудничать с Вашим журналом, желаем Вам творческих успехов, интересных статей и популярности среди профессионалов-переводчиков.

С уважением,

*от коллектива преподавателей
и сотрудников
Директор
Института стран Азии
и Африки при МГУ*

М.С. Мейер

Уважаемый Виктор Антонович!

Уважаемые коллеги!

От имени научного сообщества Казанского государственного университета разрешите передать Вам свои искренние поздравления по случаю выхода в свет новой серии научного журнала “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода”. Выражаю надежду, что с выходом этого научного издания традиционное многогранное сотрудничество ученых Казанского государственного университета и Московского государственного университета получит новый импульс.

С глубоким уважением и пожеланиями творческих успехов.

*Ректор
Казанского государственного
университета*

М.Х. Салахов

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Так и хочется написать, используя избитый штамп прежних времен: научная общественность страны, а вместе с ней и весь народ НГЛУ им. Н.А. Добролюбова с глубоким удовлетворением восприняли сообщение об учреждении новой серии № 22 “Вестника Московского университета” “Теория перевода”. Однако эта некогда расхожая фраза вряд ли поможет точно обозначить значимость того события, которое мы имеем в виду, значимость, которую, возможно, не осознают в полном объеме и сами организаторы серии № 22. Мы испытываем чувство удовлетворения, ибо появление нового научного издания — это всегда важное событие, причем не только для вуза, который инициировал новое издание. Чувство удовлетворения усиливается и от осознания того, что Москва как университетский город укрепляет позиции одного из центров переводоведческих исследований. И очень важную роль в этом играет факультет Высшая школа перевода МГУ и его руководители. С огромным энтузиазмом, упорством и настойчивостью ученые МГУ, в частности Высшей школы перевода, предлагают новые проекты, способствующие объединению лучших и наиболее активных исследовательских сил страны. Представители НГЛУ им. Н.А. Добролюбова имели возможность принять участие в Международной научной конференции “Наука о переводе сегодня” (октябрь 2007 г.), которую проводила Высшая школа перевода МГУ, и отметили не только высокий организационный уровень и широкий размах в проведении конференции, актуальность и разнообразие представленных тем, но и стремление ее организаторов обеспечить высокий уровень проводимых переводческих исследований, готовность к конструктивному сотрудничеству в области изучения перевода и методики его преподавания.

Все это внушает надежду, что новая серия “Вестника Московского университета” “Теория перевода” принесет элемент планомерности и систематичности в процесс переводоведческих исследований, который сегодня в целом отличается некоторой стихийностью. Мы надеемся, что сама серия сможет выйти на уровень, сопоставимый с уровнем “Тетрадей переводчика”, и восполнит отсутствие общепризнанного научного журнала, посвященного изучению перевода. Нам также хочется надеяться на дальнейшее развитие и укрепление сотрудничества между МГУ им. М.В. Ломоносова и НГЛУ им. Н.А. Добролюбова в области гуманитарных исследований, столь успешно начатое несколько лет назад.

От имени коллектива Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова и переводческого факультета НГЛУ приветствую организаторов серии “Вестника Московского университета” “Теория перевода” и желаю им успеха в реализации данного проекта.

С уважением,

*Ректор Нижегородского
государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова*

Г.П. Рябов

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Ректорат Пятигорского государственного лингвистического университета и с нами все лингвисты Юга России с большим воодушевлением и профессиональной гордостью восприняли известие о выходе в свет в Московском государственном университете — флагмане российского высшего профессионального образования — нового журнала “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода”.

Сердечно поздравляем инициаторов, организаторов и вдохновителей новой серии “Вестника Московского университета” “Теория перевода” с большим событием в нашей профессиональной жизни. С южнороссийских лингвистических форпостов это явление нам представляется знаковым, ибо перевод был и остается главным средством межкультурной коммуникации, надежным инструментом достижения взаимопонимания в условиях языковой диверсификации и поликультурности. Его Величество Перевод, несмотря на все проблемы непереводимости, составляет основу межкультурной коммуникации.

Нам особенно приятно, что у истоков серии “Теория перевода” находите Вы, глубокоуважаемый Николай Константинович, один из крупных лингвистов, доктор филологических наук, профессор, талантливый ученик великого В.Г. Гака, который за короткое время сформировал собственную научную школу перевода, хорошо известную у нас в стране и за рубежом.

Ваш журнал, мы уверены, будет способствовать развитию и укреплению отечественных научных школ перевода, развитию и становлению новых направлений в переводоведении.

Теоретики и практики перевода ПГЛУ выражают готовность к плодотворному сотрудничеству с Высшей школой перевода МГУ и Вашим журналом.

С уважением,

*Ректор
Пятигорского государственного
лингвистического университета,
профессор*

А.П. Горбунов

Горячо приветствуем выход в свет новой серии журнала “Вестник Московского университета” — “Теория перевода”.

Надеемся, что журнал станет открытой трибуной для обсуждения актуальных научных направлений, а его публикации будут способствовать дальнейшему развитию и процветанию переводоведения — науки, важность которой в современную эпоху трудно переоценить.

Желаем коллективу редакции новой серии “Вестника Московского университета” интересной и плодотворной работы в тесном сотрудничестве с российскими и зарубежными переводоведами.

*Проректор по НИР
главный редактор “Вестника
Иркутского государственного
лингвистического университета”
профессор,
доктор филологических наук*

А.М. Каплуненко

Руководство, профессорско-преподавательский состав, курсанты и слушатели факультета иностранных языков Военного университета сердечно приветствуют создание нового теоретического журнала по проблемам теории, истории и методологии перевода — серии “Теория перевода” “Вестника Московского университета”. Огромная значимость перевода для обеспечения межъязыковой коммуникации во всех областях политической, научной, культурной жизни, а также в сфере безопасности и обороны требует глубокого и всестороннего изучения этой сложной и многогранной деятельности. Уверены, что широкий обмен мнениями ученых по вопросам теории, истории, методологии, техники и дидактики перевода, научные дискуссии, публикации результатов новых научных исследований на страницах нового научного журнала будут способствовать дальнейшему развитию этой важной отрасли науки и повышению качества подготовки переводчиков в самых различных областях жизни общества.

С уважением,

*Начальник
факультета иностранных языков
Военного университета*

Д. Джамалов

Уважаемый Николай Константинович!

Союз переводчиков России и журнал “Мир перевода” приветствуют рождение нового теоретического журнала “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода”.

Желаем братскому изданию успешной деятельности, интересных авторов и оригинальных творческих находок. Готовы сотрудничать с Вами на благо переводческого сообщества России и российского перевода.

*Президент
Союза переводчиков России*

Л.О. Гуревич

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Позвольте сердечно поздравить Вас с началом издания 22-й серии “Вестника Московского университета” — журнала “Теория перевода”.

Появление этой новой серии “Вестника Московского университета” — долгожданный прорыв в области профессионального осмысления проблем теории перевода. Наконец-то начинает выходить журнал, которому суждено — мы в этом уверены — стать общероссийской кафедрой теории перевода. Кафедрой как трибуной передовых идей науки о переводе и кафедрой как объединением всех отечественных и зарубежных переводоведов, преподавателей перевода, переводчиков — всех, кто связал свою судьбу с этой наукой, с этим видом творчества, с этим уникальным ремеслом. Нет сомнения, что профессионализм, талант и объективная позиция членов редколлегии Вашего журнала обеспечат высокий уровень публикуемых материалов.

Теория перевода — это наука, которая неисчерпаема. Желаем “Теории перевода” долгого плодотворного служения благородному делу устранения межъязыковых и межкультурных барьеров и объединения людей, творческих открытий и успешного решения многих насущных вопросов науки о переводе.

С искренним уважением

*Переводоведы Северо-Восточного
государственного университета
(г. Магадан)*

*Роман Чайковский,
Елена Лысенкова,
Елена Харитонова*

От всей души поздравляю с выходом нового журнала “Теория перевода” “Вестника Московского университета”!

Уверена, что он станет авторитетным научным изданием в области исследований устного и письменного перевода.

Желаем бесконечного процветания Высшей школе перевода МГУ, которая создана недавно и переживает период юности. Но я верю, что ее молодость и потенциал как раз и являются залогом ее успешного будущего развития. В этом я смогла убедиться, посетив прекрасно организованную Первую Международную научную конференцию “Наука о переводе сегодня”, проходившую в октябре 2007 г., на которой были представлены интересные и содержательные доклады декана школы Николая Константиновича Гарбовского и профессорско-преподавательского состава.

Я также надеюсь, что сотрудничество и контакты между переводческими кругами Республики Корея и России будут расширяться из года в год.

*Заведующая русским отделением магистратуры
устного и письменного перевода
университета иностранных языков “Ханкук”,
Директор
Научно-исследовательского института
устного и письменного перевода
профессор*

Пан Кёён

In a world where anyone can declare himself to be a translator or interpreter, it is most gratifying to see plans for a journal that will help to raise and maintain professional standards in the field. The academic “global village” stands to benefit from an international exchange of ideas on many aspects of translation and interpretation in this new journal at MSU.

*Graduate School of Translation
and Interpretation (GSTI)
Monterey Institute
of International Studies (MIIS)
California, USA*

Dr. Lynn Visson

ПЕРЕВОД В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В.В. Миронов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ СУЩНОСТИ ФИЛОСОФИИ

The present article deals with the specific character of philosophy as a field of knowledge and cognition. Philosophical research is focused on a human being, which determines its approach and methods. Philosophical study is represented by a dialogue of two parties, and it is not aimed at absolute objectivity and accuracy. Philosophical dialogue is a dialogue of texts, and the comprehension of a text can be achieved only by individual interpretation, hence multiple ways of understanding are possible. A dialogue as a method is inherent in other disciplines of the humanities. For instance, history can be perceived as the dialogue of a source text (e.g. a chronicle) and a researcher, who interprets facts or, rather, primary narration of facts; and history can be regarded as a collection of texts. In general, the object of the humanities is a text as a system of signs. Texts include particular facts, events and phenomena as well as complex systems (e.g. science, arts, religion, etc.). Philosophy is a hermeneutical activity; it is an interpretation of interpretations. Philosophical interpretation is an independent creative process of meaning search and creation; it can be considered as the consciousness of culture which determines the values of human existence.

Ключевые слова/Keywords: *философия, интерпретация интерпретаций, текст, герменевтика, монолог, диалог, “вторичная” реальность, познание.*

Философия является самосознанием культуры, что придает специфику её предметной сфере. Она размышляет над феноменами, попадающими в предметную область как естественных, так и гуманитарных наук, объектом её исследований являются и иные, внерациональные формы постижения бытия (искусство, религия и т.д.). Выйдя из поэзии и мифа, стремясь в некоторых случаях к позиционированию себя как научной теории, философия продолжает нести на себе печать мифопоэтического творчества и вряд ли сможет когда-либо стать наукой, подобной другим. Однако всегда одной из существенных характеристик философии останется выявление значимости постановки и решения тех или иных проблем как для отдельного человека, так и для человечества в целом с позиции некой предельной интерпретации решения так называемых “вечных” вопросов бытия.

В то же время гуманитарная сущность философии доминирует в ней, ибо чем бы ни занимался философ в своих размыш-

лениях, будь то вопросы логики, онтологии, этики или эстетики, в центре его внимания всегда оказывается Человек, который мыслит, живет, верит, оценивает и преобразовывает мир. Иначе говоря, он рассуждает всегда о живом объекте, “а не о безгласной вещи и естественном явлении”, что как раз и выступает, по определению Бахтина, главным признаком гуманитарной науки¹. Конечно, философию нельзя прямым образом считать только гуманитарной наукой, но, как мы уже отметили, гуманитарный подход составляет её важнейшую сущностную характеристику.

Конкретные науки, определив собственный объект исследования, даже если последний не является проявлением только естественных закономерностей (например, человек), рассматривают его вне системы иных присущих ему связей и отношений. Человек здесь может трактоваться и как биологический, и как биохимический, и как механический, и как социологический, и как исторический объект соответствующей науки. Это главное условие конкретно-научного познания, делающее возможным под таким же углом так взглянуть на исследуемый феномен, чтобы раскрыть в нем специфически предметные закономерности, исследуемые данной наукой с одновременным обязательным отвлечением от несущественных черт объекта данной предметной области. Такой подход позволяет достигать “однозначности” понятийного аппарата науки, а также высокой степени точности и доказательности, к которым стремится наука, но своеобразной платой за это является значительное, иногда предельное “огрубление” действительности. Именно эти огрубления и задают специфику предметной области науки, которая реализуется в виде идеализированного концептуального каркаса, отличающего одну науку от другой. Соответственно точность науки — это всегда предметная точность идеализированного объекта познания, пределом которой “является идентификация ($a = a$)”². Чем выше степень идеализации объектов предметной области науки, тем заведомо выше точность её результатов, которая в ряде случаев, например в логике, может быть заведомо задана системой принятых доказательств.

Стремление к точности (и доказательности), конечно, выше в естественных науках, но и гуманитарные науки также вырабатывают собственные критерии точности, опирающиеся на специфику данной сферы действительности. В онтологическом смысле абсолютная точность недостижима уже в силу субъектно-объектного характера познавательной деятельности. Только непонимание этого факта может лежать в основе утверждений, например, *о большей точности естественных наук по отношению к гуманитарным, а тем более к философии, заведомо задающей онтологи-*

ческую предельность исследований. Да и в конкретных науках дело обстоит не столь однозначно. Вряд ли мы можем сказать, что, например, математика более точна, чем физика, или наоборот. В естественных науках точность связана с возможностью формализации и использования математической интерпретации, что, как известно, имеет очень серьезные ограничения даже для заведомо формальных систем. Неслучайно именно в математике (этой “точнейшей из точных наук”) все время продолжаются дискуссии о характере доказательства и точности³. Тем не менее целевая установка на определенность и точность знания присуща всем наукам, в том числе и гуманитарным, но относительно последних есть существенная оговорка. Чем выше будет точность гуманитарного знания или, иначе, его “научная объективность”, тем в большей степени наука будет терять свой статус гуманитарности.

Философия отличается от других областей знания не по принципу различения предметов, по типу отличия, например, физики от социологии, а тем, что она исследует то, что другие науки воспринимают в качестве осознанной или неосознанной предпосылки, т.е. наиболее общие, предельные закономерности бытия, чем не занимается ни одна из наук. Соответственно философия не стремится к точности наподобие частных наук, и ее важнейшей особенностью выступает меньшая однозначность и гибкость используемых понятий. Упреки в том, что, в отличие от науки, понятия философии часто слишком многозначны, туманны и неопределенны, справедливы и лишь отражают ее специфику. “Неточность” философии компенсируется ее возможностями наиболее широко (так как ее предметная область — это область предельных всеобщих закономерностей) охватывать бытие. Точно так же как “точность” математики недостижима не только в гуманитарных науках, но даже во многих естественных науках, где более существенное значение имеет качественная (предметная) сторона исследуемых объектов, не всегда доступная математической количественной обработке. И это сказано не в упрек математике, а лишь как констатация факта относительности понятия математической точности с общегносеологических позиций.

Научная объективность и точность (как предельная характеристика адекватного соответствия предметной области) естественных и математических наук реализуется как своеобразное “безразличие” к исследуемому объекту. Ученый отстраняется от целостной внутренней сущности объекта, и объективность достигается за счет чрезвычайно сильного огрубления исследуемой действительности. Такой подход эффективен при исследовании недуховных образований, но слишком искажает реальное

положение дел, например, при исследовании человека, культуры, общества. В таком опредмечивании исследуемых феноменов заключается сила науки и залог практической реализуемости ее результатов (для создания инвалидной коляски понимание человека как совокупности рычагов более эффективно, чем философские рассуждения), но в этом неизбежно и заключается ее слабость, связанная с невозможностью выйти за границы предметной области. Именно это порождает и агрессивную экспансию наук, которая направлена на решение любых проблем, когда их нерешенность или нерешаемость объясняется лишь временным фактором или отсутствием материальных условий (средств, приборов и т.д.). Наука точна внутри собственной предметной области, но абсолютно неточна и всегда неполна по отношению к исследованию сущности объекта как такового. При исследовании некоторых объектов и феноменов человеческой культуры такой ограниченный подход просто неправомерен.

Указанное отношение к объекту исследования приводит к тому, что наиболее адекватной **формой конкретно-научного знания** выступает **монолог**: “Интеллект созерцает *вещь* и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь”⁴. Философ имеет перед собой в качестве объекта исследования человека, от качеств которого он полностью абстрагироваться не может, даже если сущность последнего реализована в каких-то отчужденных структурах (тексты, другие произведения). Поэтому **формой выражения гуманитарного знания** является **диалог**, в котором активность обеих сторон (субъекта и объекта) очень высока и важна не точность, достигаемая за счет сильного огрубления, а глубина проникновения в исследуемый объект. “Познание здесь направлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узнаваний, сообщений. Здесь важна и тайна, и ложь (а не ошибка)”⁵. И это не недоразвитость гуманитарной сущности познания, как склонны считать сциентистски настроенные мыслители, а его важнейшая особенность.

Познание в гуманитарной науке выступает как **постижение** или понимание **смыслов**, заложенных в исследуемом явлении. Достигается это на особом идеальном уровне, который реализуется через диалог текстов. Текст есть особое смысловое единство или смысловая целостность. Понять текст и через него целостный смысл явления — это намного шире по охвату, чем просто познать его. Познать в узком смысле означает наложить на исследуемый объект некую познавательную форму или структуру, заведомо пренебрегая его целостным смыслом.

При этом философия как гуманитарное знание исследует не бытие как таковое, не совокупность каких-то явлений или феноменов, а их смысл, зафиксированный в текстах. Посредством текста бытие говорит с нами. Целостность текста, т.е. появление в нем смысла, который отсутствует в той совокупности знаков, из которой он состоит, возникновение нового как бы из ничего, является важнейшей особенностью, с которой неизбежно имеет дело представитель гуманитарного познания. Как отмечал Бахтин, «всякая система знаков (то есть всякий язык)... принципиально всегда может быть расшифрована, то есть, переведена на другие знаковые системы (другие языки)... Но текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведен до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов. Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов»⁶. Поэтому познание текста осуществляется в диалоговой форме. Это как бы общее коммуникационное поле двух сознаний, а в более широком смысле — двух культур. В таком диалоге глубинное значение текста (не формально-логическое) определяется всем социокультурным контекстом, который исследователь-гуманитарий также должен учитывать.

Абсолютно адекватное понимание текста невозможно, что и порождает как следствие бесконечное множество его истолкований. Текст содержит некое (вряд ли ограниченное) потенциальное множество смыслов, которые постигаются людьми, вносящими в эти смыслы свое собственное «Я», признаки собственной культуры. Полностью адекватного понимания текста в узком смысле (как достижение смыслового тождества) смог бы гипотетично достичь только человек, его создавший (автор), и то если бы он предстал перед нами как некий идеальный участник диалога с самим собой, находящийся в сходной пространственно-временной ситуации. Текст вовсе не предназначен для абсолютного понимания. Последнее как идеальная модель абсолютного понимания, которое, даже если бы оно было возможным, представляло бы собой скучное, зеркальное понимание, подразумевающее совпадение жизненных пространств субъектов, — это сфера тождественности. Понимающий субъект в данном случае «не может внести ничего *своего*, ничего нового в идеально понятое произведение»⁷. Но такого совпадения достичь невозможно, так же как невозможно отождествить жизненные пространства отдельных людей или их общественных совокупностей. Любое реальное понимание смыслов текста есть особое взаимодействие в рамках диалога, субъектами которого могут выступать как отдельные личности, так и целые культуры. Можно сказать,

что любое понимание текста осуществляется через его личностную интерпретацию, которая представляет собой адаптацию не менее двух индивидуальных “Я” или культур друг к другу. Интерпретация — это поиск смысла сквозь призму собственного “Я”. Поэтому точность здесь не может выступать в качестве единственного критерия адекватности той или иной интерпретации. Перевод Пастернаком Шекспира — это уже отдельное самостоятельное произведение, а не просто постановка одной системы знаков в однозначное соответствие с другой. Более того, формальная точность может исказить понимание смысла. Передача смысла может быть осуществлена за счет таких языковых средств и приемов воспринимающей культуры, которые при первом взгляде могут показаться даже искажением⁸. В гуманитарной интерпретации важна передача смысла, а это неизбежно связано с поиском механизма смыслообразования воспринимающей культуры, в отличие, например, от математического познания, которое отражает сущность объекта по определенной характеристике.

Исходный базис философских обобщений чрезвычайно широк, и их результатом становится создание своеобразной **“вторичной” реальности**, внутри которой работает философ. Результатом философской рефлексии выступает прежде всего **текст**, который фактически представляет собой собственную, личностную интерпретацию проблем, что в свою очередь порождает известную многозначность философского понимания даже одних и тех же проблем. Поэтому для философии текст является источником информации, источником новых смыслов и прочтений, и не только. Здесь не менее важны ценностно-эмоциональные критерии, а философский текст в некоторых случаях может доставлять чисто эстетическое удовольствие. Философским текстом можно восхищаться как продуктом высокохудожественного творчества, можно удивляться и даже оскорбляться, встречая слишком обыденную терминологию, и почти всегда испытывать трудности, связанные с пониманием философского языка. Последнее проявляется в особой “непереводимости” философского текста на язык другой культуры. Многие философские тексты (хотя бы таких философов, как М. Хайдеггер или Ж.-П. Сартр) представляют огромную проблему для переводчиков. Перевод философского текста, т.е. языковой системы, насыщенной различными смыслами и значениями, связанными с данной культурой, всегда представляет его интерпретацию и адаптацию к воспринимающей культуре. В философском переводе как особом произведении вполне допустима ситуация, когда авторский текст после интерпретационно-адаптационной работы над ним пере-

водчика может значительно отличаться от своего изначального варианта с позиции передачи смысла и значения при сохранении внешней схожести с ним. В свою очередь понятно, что читатель перевода в этой ситуации может быть введен в заблуждение, так как различия между содержанием первичного текста и переводом могут оказаться весьма существенными.

Философия реализуется в создании текстов, являющихся личностными смысловыми конструктами разных культур, представляя собой **разновидность особой, предельной интерпретации**. Интерпретационное поле философии носит безграничный во времени характер, что определяет смысловую вечность философских проблем, которые независимо от времени интерпретации могут приобретать новый смысл и значение для современника, переходя от эпохи к эпохе. С позиции философии важен привносимый и интерпретируемый смысл. В этом проявляется вечность и значимость текстов Платона и Аристотеля, Шекспира и Гёте, которые предоставляют нам безграничные возможности их интерпретации с наших сегодняшних позиций. “Предмет гуманитарных наук — выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении”⁹. Конечно, и в естественных науках определенная персонификация научных теорий происходит, но это не является ведущей тенденцией, тогда как в процессах, исследуемых с гуманитарных позиций (с позиций наук о духе), без учета этой особенности постижение смысла просто не состоится. Читая Платона, я персонифицирую его текст: я не могу его читать так, как читал бы его сам Платон. Я вношу в него свое “Я”, развиваю близкие мне смысловые возможности текста, которые детерминированы иным пространственно-временным положением, другими социокультурными обстоятельствами.

С этим связана присущая всем гуманитарным наукам сложность “объективного изложения” исторических событий. Научная объективность здесь выполнима лишь в простых случаях, например в более или менее полном перечне имен, дат рождений. Но это формальное (математическое или, как говорил Хайдеггер, калькулирующее) познание не затрагивает глубин целостного исторического процесса. Ведь пишется бесконечное количество историй стран и народов, хотя в основе их лежат одни и те же факты, и, казалось, достаточно лишь один раз дать их полный перечень, составить список дат и деяний, что и было бы полной и окончательной единой историей. Идеи, выраженные в истории каким-либо автором, “принадлежат прошлому, но это прошлое не мертво; понимая его исторически, мы включаем его в современную мысль и открываем перед собой возможность,

развивая и критикуя это наследство, использовать его для нашего движения вперед”¹⁰.

Ю.М. Лотман обращал внимание на то, что история прежде всего хорошо “объясняет настоящее”¹¹, поэтому, как только общество оказывается на эволюционной стадии своего развития, интерес к истории превращается чаще всего в ее переписывание, интерпретацию. Происходит конструирование, “но уже не будущего, а прошлого. Рождается квазиисторическая литература, которая особенно притягательна для массового сознания, потому что замещает трудную и непонятную, не поддающуюся единому истолкованию реальность легко усваиваемыми мифами”¹². Отделить квазиматериал от научного исследования — безусловно важнейшая задача исторической науки, которая тем не менее вряд ли выполнима, как и попытки провести демаркацию между философией и наукой, между научными и ненаучными высказываниями.

Такая противоречивость истории как разновидности гуманитарного познания, нравится нам это или нет, неизбежна. И причина заключается в том, что реальная **история** предстает перед нами в **виде совокупности текстов**, в основе которых могут быть смешаны как реальные, так и вымышленные события. Первичный текст может зависеть от личных и социокультурных обстоятельств, в которых оказался летописец, дающий оценки действиям исторических лиц и событий, ранжируя их согласно собственным представлениям. Следовательно, здесь мы имеем дело не с самой реальностью, не с фактами, а со вторичной действительностью, выраженной в текстах. Весь массив исторических текстов представляет для нас лишь своеобразную цитату из прошлого. Поэтому часто и получается, что у одних историков Иван Грозный — это собиратель земли русской, у других — разрушитель экономической структуры, подорвавший ее основы с помощью опричнины. При написании истории очень часто первичным оказываются не столько сами исторические события, сколько идея автора, который интерпретирует данные события. Оказывается, что история представляет собой систему текстов, удаленных от действительности, это своеобразный вторичный уровень бытия, полная объективность в ней трудно достижима, и она всегда будет представлять собой интерпретацию, более или менее точную. Перед нами не объективное описание событий (мы не находимся здесь в ситуации отвлечения от субъективных моментов хода исторического процесса), а особого рода историческая интерпретация — интерпретация не только самих фактов, но и первичных интерпретаций этих фактов. Да и само понятие исторического факта нетождественно его естественно-научной форме, так как

при изложении истории большую роль выполняют идеи, позволяющие из отдельных фактов создавать общую историческую картину даже за счет сознательного или несознательного их игнорирования. На эту особенность исторического познания указывает и Р.Дж. Колингвуд, являющийся сторонником объективной научной истории. В частности, критикуя позитивистский подход к изучению истории, он указывает на то, что исторический текст не может быть понимаем нами как исторический факт. А поскольку мы имеем дело с историческим текстом, то необходимо применять другие методы, в частности филологические. Использование же такого метода на примере анализа сочинения Ливия, сделанного Нибургом, доказало, “что большая часть того, что обычно принимали за раннюю историю Рима, на самом деле является патриотической выдумкой, относящейся к значительно более позднему периоду; самые же ранние пласты римской истории у Ливия, по Нибургу, — не изложение истинных фактов, а нечто, аналогичное балладной литературе, национальному эпосу... древнеримского народа”¹³. Это дало повод ученому иронизировать и представлять историю, как “историю ножниц и клея”.

Идея, мысль оказываются первичными даже в написании истории, быть может самой “научной” из гуманитарных наук, так как она претендует на звание фактического материала. Однако этот фактический материал изначально вторичен и несет нам информацию об области вторичного бытия и уже проинтерпретированных фактов. История есть “не что иное, как воспроизведение мысли прошлого в сознании историка”¹⁴. Собственно говоря, именно поэтому история всегда излагается в близкой к художественной манере форме, имея целью убедить нас в истинности прежде всего идей, а не фактов, т.е. воздействуя не только на рациональные, но и на эмоциональные структуры нашего сознания. Это справедливо и для других гуманитарных наук, но в наибольшей степени для философии, которая представляет собой интерпретацию смыслов, уже проинтерпретированных текстами.

Таким образом, **объектом гуманитарного знания выступает текст в его наиболее широком значении как знаковой системы, “которая способна быть (или в действительности есть) носителем смысловой информации и имеет языковую природу”**¹⁵. Соответственно в качестве такой системы носителя смысла может выступать как некоторая сложная, особым образом организованная система (например, наука, искусство, религия и т.д.), так и отдельный факт, явление, действие, которые могут стать источником раскрытия иных смыслов. Но текст — это не только некая совокупность знаков и предложений в виде книги, текст — это

еще и конкретный язык, на котором данная совокупность фиксируется, т.е. это средство коммуникации. Таким образом, текст реализуется как особая форма общения между людьми, в котором в конкретно-историческом виде фиксируется культура человечества в целом и в ее конкретных вариантах. Таким образом, **культуру** можно рассматривать как знаковую систему, как **Текст** с большой буквы, а значит, она также выступает источником смысла, т.е. имеет коммуникационную и символическую природу¹⁶.

Исходя из этого выяснение сущности всей системы культуры является предметом философии, которая исследует культуру как текст в его наиболее широком понимании как некой смысловой вторичной реальности. Задача философского исследования заключается в расшифровке символов данного текста посредством интерпретации, исходящей из сегодняшней социокультурной и пространственно-временной заданности. Именно поэтому философию часто обозначают как самосознание культуры. Философское исследование культуры — это сознательная постановка познающего субъекта одновременно внутрь конкретной культуры с целью уяснения ее синхронной сущности¹⁷, т.е. со стороны такого ее качества, как локальная (этническая, национальная и др.) стабильность. А с другой стороны, — постановка познающего субъекта вне рамок отдельной культуры, его освобождение от локальных ценностей и традиций, что позволяет осуществлять познание собственной культуры сквозь призму иной культуры. Исследуя культуру, философ участвует в межкультурном диалоге в рамках особого семиотического пространства.

Философия представляет собой вторичный интерпретационный уровень, на котором происходит **“интерпретация интерпретаций”** (Поль Рикёр). Она осуществляется как особая герменевтическая деятельность. «Герменевтика — один из методов, при помощи которого возможно понимание, — соединяется с природными свойствами философского знания. Герменевтика — искусство интерпретации, постижения смысла диалогических отношений — “сплетается” с философскими методами исследования, обогащает их и сама выводится на рациональный уровень, приобретает философский статус»¹⁸. Конкретное гуманитарное знание посредством интерпретации текста пытается соотнести находимые смыслы с фактами, сориентировано на них. Направленность интерпретации здесь понятна — это как можно более адекватная интерпретация, т.е. по возможности приближение к действительному положению дел. В целом, как мы видели, данная задача также представляется достаточно сложной (вряд ли вообще полностью выполнимой), но тем не менее сам вектор интерпретационной деятельности, например, историка направлен именно к такой цели.

Философская интерпретация основана на том, что ее объектом выступает текст, который вообще может не иметь никакой связи с реальной действительностью, с материальными фактами и явлениями. Любая интерпретация представляет собой работу мышления, “которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенного в буквальном значении”¹⁹. Философская интерпретация, основываясь на этой общей основе, одновременно выступает как деятельность мышления, преумножающая смыслы. Философия, таким образом, является особым гуманитарным знанием, своеобразной его квинтэссенцией, так как она увеличивает, если так можно сказать, сам массив смыслов. Она стоит в центре того, что когда-то было принято называть “науками о духе”. Она оперирует не просто со вторичным бытием, представленным нам в виде текстов, а с интерпретациями этого бытия. Более того, даже та часть философии или те философские концепции, которые претендуют на познание мира как такового, на самом деле представляют лишь его интерпретации. Философ фиксирует тот или иной взгляд на мир лишь в тексте (произнесенный или написанный — неважно), который, став частью истории философии, также подвергается дальнейшей интерпретации. Поэтому предметная область философии, т.е. область применения герменевтического метода, принципиально неограниченна. Анализируя “вторичный” материал в качестве “первичного”, философ имеет дело с иной реальностью, чем фактическое, материальное бытие. Работая на уровне понятий и категорий, на уровне идей, он в каком-то смысле всегда является идеалистом.

Если наука пытается добиться однозначности результатов, то в философии такая познавательная установка вторична. В ней слишком тесно переплетены субъект и объект познания. В качестве объекта могут выступать субъективные переживания, мысли субъекта о мире. Иначе говоря, философия всегда имеет личностный характер, фиксируя самовыражение человека посредством создания особого образования — философского текста. Последний возникает как результат особого “вживания” в текст, т.е. постановки себя в каком-то смысле на место автора текста. Это позволяет освободиться от его первичной субъективной формы, приблизиться к первичному уровню интерпретации, который тем не менее всегда является вторичным по отношению к бытию. Поэтому и понятие объективности в философии столь многозначно и не должно рассматриваться лишь как адекватное соответствие действительности. Философ исследует не только действительность как таковую, но в качестве неё может высту-

пать, как мы уже отмечали, вторичная действительность, действительность текстов.

Таким образом, философия представляет собой особое смысловое пространство (семиосферу — термин Лотмана), в котором осуществляется вневременной диалог между эпохами и мыслителями, их представляющими. Здесь нет понятия истории как чего-то прошедшего и нет понятия будущего как чего-то наступающего. Здесь царство одновременности, в котором все мыслители и реального прошлого, и настоящего становятся современниками, ведут между собой диалог, взаимоотрицая и взаимодополняя друг друга. Преодолевая временное расстояние, “становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого он хочет сделать его своим, собственным; расширения самопонимания он намеревается достичь через понимание другого. Таким образом, явно или неявно, всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого”²⁰. Имея перед собой первичный текст, смысл и значение которого заданы конкретно-историческим социокультурным фоном и самосознанием мыслителя, являющегося творцом данного текста, философ изначально проникает внутрь текста, чтобы затем разыскать в нем новые смыслы и значения, связанные с его самосознанием и новыми социокультурными обстоятельствами.

Осуществляя герменевтическую работу, философ выступает как наиболее *свободный интерпретатор* текста, что выводит его размышления за рамки самого текста, т.е. степень интерпретаторского творчества здесь может достигать силы импровизации. В науках открытый однажды смысл, зафиксированный в соответствующей концепции, остается в истории. Даже если он подвергается интерпретации, то на его базе возникает другая концепция, а к той первой концепции возврата нет. Поэтому научные концепции, как только возникают новые теории, превращаются в научно-исторические памятники, которые интересны прежде всего историкам науки. Смысловое поле науки как бы “вытянуто” к будущему, и связь с предшествующими концепциями выступает лишь только как генетическая, и смысловое богатство ушедшей в историю концепции незначительно. Философский текст (кроме специальных историко-философских задач) не является только культурно-историческим памятником, смысл которого был задан раз и навсегда, а представляет собой открытую для других концептуальную систему, в которой массив смыслов ничем не ограничен. Философ ищет в тексте новые смыслы, более того, он вправе допустить такую интерпретацию (крамольную лишь с позиции историка философии), которая может даже исказить изначальный смысл текста, так как его значение сопря-

гается с личной рефлексией философа над сегодняшним бытием, вставляется в канву его собственных рассуждений.

Философ интерпретирует с целью поиска смысла и ценностей, которые заложены в тексте потенциально и раскрываются в контексте новой социокультурной и пространственно-временной заданности. Философское понимание текста есть такая его интерпретация, которая делает его нужным сегодня. И то, что в результате такой интерпретации мы в некоторых случаях отступаем от канонизированного философского текста, давая ему продолжение в мыслительной деятельности современников, является одной из задач философии. Это один из источников приращения философского знания. Часто именно поэтому мысль философа, которая была второстепенна в контексте ушедшей эпохи, может оказаться современной в наше время. Изучение истории философии поэтому осуществляется не само по себе ради того, что было, а для уяснения наших сегодняшних мыслей о бытии и человеке. Платон или Кант современны для меня не в силу внутренней ценности их размышлений (что само по себе важно), а в силу потенциальной возможности интерпретации их текстов сегодня.

Особенностью философской интерпретации является то, что создаваемые новые смыслы могут значительно перерастать рамки интерпретируемых произведений даже по объему. Это самостоятельный творческий процесс смыслообразования, поиска и создания новых смыслов. Именно этот процесс переводит работу любого философа как бы во вневременные рамки, создавая предпосылки для уже упоминаемого нами вневременного диалога философов друг с другом посредством текста, в рамках единого смыслового семиотического пространства, границы которого определяются общей философской проблематикой, а решения тех или иных проблем чрезвычайно разнообразны за счет растянутости указанных проблемных границ. Философия реализуется в пульсирующем многообразии вариантов решения тех или иных проблем, исторических подходов, и все вместе это создает творческое пространство философской деятельности. В ней предшествующий материал никогда не отбрасывается полностью как устаревший и ненужный (как это бывает в конкретных науках), но компенсируется это его постоянной интерпретацией последующими философами, которые могут весьма значительно изменить смысл, стиль и даже ценностные ориентиры автора.

Философия интерпретирует исходя из анализа предельных взаимоотношений (закономерностей), которые существуют между миром и человеком на всех уровнях, и личностных переживаний мира, самого себя. Именно масштаб личности философа будет прежде всего определять и метафизическую глубину отправляемого им в мир философского текста, и новые смысловые

истолкования тех текстов, которые он получит от предшествующей традиции. Именно личностная позиция философа, постоянное обращение к истории философии как источнику общечеловеческой мудрости порождают ситуацию принципиальной незавершенности философии. “В абстракции завершенного знания нет места ничему неопределенному, но там нет места и философским категориям... есть знание, но нет познания. В любом реальном (человеческом) познании всегда существует непознанное, для предварительного охвата которого необходимы ступени познания — философские категории”²¹. Конечно, эта неопределенность может быть в некоторых случаях абсолютизирована, и тогда характеристикой философской концепции является только “смутность” и непонятность, затрудняющая ее трактовку как формы рационально-понятийного освоения бытия. Философия вообще, в отличие от естественных наук, не претендует на обязательное открытие чего-то нового. В философии такое событие чрезвычайно редко. И непонятно, кто может оценить нечто произошедшее в философии как новое. Или, напротив, кто может сказать, например, о том, что устарела философия Сократа, Канта или Платона? В философии, как мы уже отмечали, огромную ценность представляет как анализ проблем, в том числе и тех, которые были поставлены задолго до нас, так и постановка новых проблем. Философ не только отвечает, но и спрашивает.

Таким образом, повторим еще раз: философия является двойственной формой сознания, в которой органично переплетаются рационально-теоретические и ценностные аспекты духовного взаимодействия Человека с Миром. Разброс философских направлений от попыток строить ее по образу и подобию наук до отказа видеть в ней форму рационального познания не опровергает вышесказанного. Если рассматривать философию как некую общую модель, то все разнообразие концепций в ней лишь отражает различные стороны философского отношения к миру, и человек, прикасающийся к философии, в конечном счете сам выбирает то, что для него наиболее истинно и убедительно. Как рационально-теоретическая форма сознания философия выступает самосознанием теоретической деятельности, как ценностная форма сознания она является самосознанием всех форм ценностно-мировоззренческого постижения мира, что позволяет ей быть самосознанием общечеловеческой культуры, выдвигая рациональные и ценностные ориентиры перед Человеком и Человечеством в целом. В основе философской рефлексии как наиболее общего метода рассуждения лежит герменевтическая интерпретация, осуществляющая нахождение и конструирование общекультурных и личностных смыслов бытия и человеческого существования.

Примечания

¹ См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 300.

² Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст-1974. М., 1975. С. 205.

³ Так, например, Морис Клайн (известный математик и историк математики, член редколлегии многих известных математических журналов, долгие годы возглавлявший математический факультет Нью-Йоркского университета и отдел Математического института им. Р. Куранта), исследуя проблему неопределенности математического знания и оценивая, в частности, особенности математического доказательства, приводит ряд высказываний известных математиков по этому поводу: “Строго говоря, того, что принято называть математическим доказательством, не существует... Любое доказательство представляет собой то, что мы с Литтлвудом называем *газом*, — риторические завитушки, предназначенные для психологического воздействия... средство для стимуляции воображения учащихся” (Годфрид Гарольд Харди). “Совершенно ясно, что мы не обладали и, по-видимому, никогда не будем обладать критерием доказательства, не зависящим ни от времени, ни от того, что требуется доказать, ни от тех, кто использует критерий... В математике не существует абсолютно истинного доказательства, хотя широкая публика убеждена в обратном” (Реймонд Луис Уйдлер). “По моему убеждению, окончательный вид, принимаемый философской мыслью, не может опираться на точные утверждения, составляющие основу специальных наук. Точность иллюзорна” (Уайтхед). Таким образом, делает вывод М. Клайн, «доказательство, абсолютная строгость и тому подобные понятия — блуждающие огоньки, химеры, “не имеющие пристанища в математическом мире”. Строгого определения строгости не существует... То, что некогда считалось неотъемлемой особенностью математики — неоспоримый вывод из явно сформулированных аксиом, — навсегда отошло в прошлое. Неопределенность и способность впадать в ошибку присущи логике в той мере, в какой они ограничивают возможности человеческого разума» (Клайн М. Математика. Утрата определенности. М., 1984. С. 363—364).

⁴ Бахтин М.М. К методологии литературоведения. С. 206.

⁵ Там же. С. 204—205.

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 300—301.

⁷ Бахтин М.М. К методологии литературоведения. С. 204.

⁸ Приведу еще один любопытный пример, почерпнутый мною в 70-е годы из периодики. Существует известное стихотворение Гёте, которое выглядит следующим образом на немецком языке (1) с подстрочным переводом (2) и в стихотворном широко известном варианте Лермонтова (3):

(1)	(2)	(3)
Über allen Gipfeln ist Ruh. In allen Wipfeln spürest du kaum einen Hauch. Die Vögelein schweigen im Walde. Warte nur, balde ruhest du auch.	Над всеми вершинами тишина. Во всех кронах деревьев Ты едва ли ощущаешь дыхание. Птицы молчат в лесу. Подожди, скоро отдохнешь и ты.	Горные вершины Спят во тьме ночной; Тихие долины Полны свежей мглой; Не пылит дорога, Не дрожат листы... Подожди немного, Отдохнешь и ты.

Изумительный перевод Лермонтова, которому удалось достаточно близко к оригиналу передать смысл и настроение автора. Хотя уже здесь мы видим безусловное расхождение формального значения смысла отдельных слов.

Но история стихотворения на этом не завершилась. Дело в том, что оно странным образом попало в Японию, но в варианте перевода на японский со стихов Лермонтова как самостоятельное произведение. Затем оно вновь вернулось в Германию и было переведено на немецкий язык как японское стихотворение и еще раз вернулось в Россию как перевод (подстрочный) немецкого стиха. Вот как выглядел последний вариант (за полную точность я не ручаясь, так как привожу текст по памяти): “Мы с тобою простились // Я сижу в беседе один // Надо мною летят журавли // Я сижу и плачу”. Как мы видим, перед нами совершенно иное стихотворение, адаптированное к иной культуре. Но самое поразительное, что даже в этом виде оно передает изначальное настроение Гёте (который написал бы это стихотворение на японском языке, если бы он сам был японцем).

⁹ Бахтин М.М. К методологии литературоведения. С. 205.

¹⁰ Колингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 219.

¹¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 12.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Колингвуд Р.Дж. Указ. соч. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 218.

¹⁵ Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 128.

¹⁶ См.: Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 6.

¹⁷ Синхронная культура, т.е. ее “организационная структура, объединяющая людей живущих в одно время” (Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 6).

¹⁸ Кузнецов В.Г. Указ. соч. С. 4.

¹⁹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 18.

²⁰ Там же. С. 25.

²¹ Баженев Л.Б. Строение и функции естественнонаучной теории. М., 1978. С. 79.

Список литературы

Баженев Л.Б. Строение и функции естественно-научной теории. М., 1978.

Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст-1974. М., 1975.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Клайн. М. Математика. Утрата определенности. М., 1984.

Колингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 1995.

НАУКА О ПЕРЕВОДЕ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Н.К. Гарбовский

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. ВЕК XXI: ОТ ЭМПИРИЗМА К РАЦИОНАЛИЗМУ*

The article deals with the philosophy of translation as a particular type of speech activity. It particularly focuses on the translator's personality and the freedom of decision-making. The theory of translation is represented as an interdisciplinary field of studies that goes far beyond the limits of linguistics.

Ключевые слова/Keywords: *теория перевода, закономерности переводческой деятельности, адекватность, свобода выбора переводчика, личность переводчика.*

Если обратиться сегодня к преуспевающим переводчикам, нашедшим своё место в жизни и получившим признание общества как истинные мастера своего дела, с вопросом: “Что дала вам теория перевода?” — то не менее половины из них ответят: “Ничего!”

Более двух тысяч лет отделяет нас от того времени, когда Цицерон в трактате “De optimo genere oratorum”¹ поделился с современниками своими мыслями о переводе. По мнению некоторых историков перевода, небольшой фрагмент этого трактата, посвященного в целом мастерству оратора, положил начало европейской теории перевода².

И вот через два тысячелетия с момента начала теоретических описаний переводческой деятельности переводчики-практики с пафосом заявляют о том, что их блестящие переводы никоим образом не обусловлены хорошим знанием теории, но что в их основе — неповторимый переводческий талант их личности.

Стоит ли теоретикам перевода обижаться на подобное отношение практиков к теории и считать, что они, практики, просто не доросли до великой теории, что практики во все времена с недоверием относились к теоретикам, если те не давали им тотчас готовые рецепты, способные принести большой доход?

---

* Статья подготовлена по материалам выступления на Международной конференции “Наука о переводе сегодня”. Москва. 1—3 октября 2007 г.

В самом деле нет. Ведь подобное отношение к теории перевода практиков порождено в немалой степени самими теоретиками, которые в определённый момент становления этой теории (начало второй половины XX в.) согласились с мнением, что теория перевода — это прикладная отрасль языкознания. Обратившись к авторитетному лингвистическому научно-справочному изданию — Лингвистическому энциклопедическому словарю, читаем: “Прикладная лингвистика — направление в языкознании, занимающееся разработкой методов решения практических задач, связанных с использованием языка. Традиционными прикладными задачами в языкознании являются: создание и совершенствование письменностей, создание систем транскрипции устной речи, систем транслитерации иноязычных слов, систем стенографии, систем письма для слепых, повышение скорости типографского набора на основе рационального использования свойств языка, упорядочение, унификация и стандартизация научно-технической терминологии, изучение процессов и создание правил образования названий новых изделий, товаров, химических веществ, разработка методов смыслового отождествления текстов (например, при информационном поиске), методов аннотирования, а также методов адекватного преобразования текстов в иноязычную форму (перевод)...”³. Таким образом, теория перевода оказывается прикладной отраслью языкознания, решающей сугубо практические задачи разработки методов преобразования текстов.

Разумеется, при таком понимании предмета науки о переводе вполне объяснимо, почему практики перевода, не дождавшись от теоретиков перевода оптимальных методов решения задач по “преобразованию текстов в иноязычную форму”, решили, что теория им ничего не даёт. Но ведь теория перевода честно и самоотверженно искала эти методы на протяжении всей обозримой двухтысячелетней истории её развития, т.е. ещё задолго до того, как появилась сама царица наук — лингвистика.

Этот поиск привёл к накоплению огромного эмпирического знания на материале десятков языков, сотен тысяч разных “случаев” перевода. Перевод представлялся в массе явлений, в неисчерпаемых примерах переводческого опыта. Один из основоположников современной лингвистической теории перевода, Жорж Мунен, писал: “Имена Цицерона, Горация, Св. Иеронима, Данте, Эразма, Этьена Доле, Жоашена Дюбеле, Амио, Лютера, Ламонтт-Удара и другие лишь открывают список писателей, которые, почти всегда по иному поводу, высказывали своё мнение о переводе. Но даже в лучших случаях они предлагали и описывали общие впечатления, собственные интуитивные пред-

ставления, результаты экспериментов, ремесленнические рецепты. Обобщив по своему усмотрению весь этот обширный материал, которым, разумеется, ни в коем случае нельзя пренебрегать, можно достичь определённого эмпирического знания о переводе, но оно останется лишь эмпирическим”⁴.

Но зрелые переводчики-практики, имеющие свой собственный опыт, довольно уверены в себе и отмахиваются от чужого эмпирического знания. Они сами могут привести массу примеров любопытных решений, которые они вынуждены были принимать в тех или иных ситуациях “преобразования текста в иноязычную форму”, и нередко готовы поделиться рецептами своего творческого ремесла.

Во множестве работ о переводе, написанных на разных языках в разные исторические эпохи, уже два тысячелетия цитируются отрывки трактата, где Цицерон объясняет избранный им метод преобразования эллинского текста в формы латинского языка — передавать не значения слов оригинала, а их смысл: “non verbum pro verbo necesse habui reddere, sed genus omne verborum vimque servavi”⁵. Обычно в исторических описаниях переводческой мысли весь пафос высказывания Цицерона сводится именно к этому методу, в основе которого лежит понимание того, что значения отдельно взятых лингвистических знаков не равны системе смыслов всего высказывания.

Возможно поэтому Ж. Мунен, осознававший неоправданную повторяемость примеров переводческого опыта, тормозящую развитие теории переводческой деятельности, обратился к молодой динамичной лингвистике, выросшей на идеях структурализма, полагая, что именно с этой стороны в теорию перевода придёт почти математическая точность приёмов и методов межъязыковых преобразований. В начале своей книги “Теоретические проблемы перевода” он обосновывает предлагаемый им проект разработать теорию перевода на основе новейших и наименее спорных положений лингвистики (Mounin, 1963: 7).

Он видит по меньшей мере три причины такого подхода: 1) резко возросший объём переводческой деятельности во всех сферах жизни общества, 2) использование электронно-вычислительной техники как возможных переводческих машин и, наконец, 3) необходимость разрешить скандальное противоречие между постулатами современной лингвистики, согласно которым системы языков являются непроницаемыми друг для друга, и реальной переводческой деятельностью, т.е. изучить, “когда, как и почему достоверность переводов не ставится под сомнение в практике общественной жизни, в то время как теоретически лингвистика стремится его отрицать” (ibid.: 9).

Лингвистический подход к решению проблем перевода свойствен огромному множеству и других работ. Ведь именно лингвисты, начав разрабатывать современную теорию перевода, внесли основной вклад в развитие этой науки.

Исследование вопросов перевода с позиций современной лингвистики, казалось, должно было придать этой теоретической дисциплине более строгий научный характер. Ведь лингвистика второй половины XX в. уже претендовала на статус точной, почти математической науки. Было очень соблазнительным попытаться построить такую теорию перевода, которая, оставаясь прикладной областью языкознания, выявив на глубинных уровнях ядерные структуры, аналогичные для разных языков, попыталась бы привести их к единому знаменателю и тем самым не только решить проблему нахождения межъязыковой эквивалентности, но и попытаться построить некие алгоритмы, способные служить надежным основанием для автоматического перевода.

В то же время лингвисты, реально занимавшиеся переводом и изучавшие переводческую проблематику, очень быстро осознали недостаточность только лингвистического подхода для решения многообразных проблем перевода. Они попытались выявить **закономерности** переводческой деятельности. Обратившись только к работам наиболее известных отечественных теоретиков перевода, можно увидеть “закономерные соответствия” (Рецкер, 1974) и “закономерные несоответствия” (Миньяр-Белоручев, 1996), проявляющиеся при столкновении языков, культур, психологических и этнических типов личности, в них строятся модели переводческой деятельности (Швейцер, 1973; Гак, Григорьев, 1997; Комиссаров, 1973, 1980 и др.), т.е. формируются некие **категории** науки о переводе, значения которых выходят за пределы собственно лингвистических представлений о “методах преобразования текста в иноязычные формы”.

Вернёмся к трактату Цицерона, — положением о методе “смыслового” перевода, на сегодняшний день уже ставшим переводческим трюизмом, идеи Цицерона о переводе не ограничены. Если изучаешь историческое наследие предшественников, то, видимо, важно не подтверждать новыми примерами из собственного переводческого или исследовательского опыта метод, предложенный более двух тысяч лет тому назад, а попытаться найти в высказывании человека, размышлявшего над сущностью речевой деятельности, нечто более важное для теории перевода.

Трактат Цицерона заставляет задуматься над многими важными, поистине сущностными аспектами переводческой деятельности. Вспомним, что на это высказывание римского оратора

в IV в. ссылался автор знаменитой Вульгаты св. Иероним, **оправдывая** свой переводческий выбор. Цицерон упоминается в трактатах о правилах перевода итальянца Леонардо Бруни и француза Этьена Доле, когда они, **критикуя** неумелых переводчиков, выводили правила “хорошего перевода”. Слова Цицерона как непререкаемого авторитета в области искусства речи вспоминали многие переводчики последующих поколений, как правило, в тех случаях, когда их **упрекали** в некоторых вольностях по отношению к тексту оригинала, или, как принято было говорить, “к автору”.

Размышлениями о собственном переводческом опыте Цицерон открыл целое направление в истории познания сущности перевода, которое, не являясь ещё собственно теорией, может быть определено как “переводческая рефлексия”, представляющая собой одну из наиболее распространённых форм теоретической деятельности переводящего человека, направленную на осмысление своих собственных действий, предпринятых в переводе. Лучше не называть этих переводивших людей (и, как правило, писателей) переводчиками, так как с древних времен за словом “переводчик” закрепилось представление не столько о переводящей личности, сколько о конкретной социальной функции, далеко не всегда имевшей весьма заслуженный высокий статус. Это отмежевание переводивших те или иные произведения писателей, ораторов, поэтов от переводчиков также восходит к Цицерону. “Перелагал не как переводчик (*interpres*), а как оратор”, — заявил он.

История теоретических размышлений о переводе, построенная на доступных современному исследователю источниках, имеет в своей основе немало довольно кратких текстов, похожих на тот, что встречается в трактате Цицерона. Жанр этих текстов можно было бы определить как переводческие “исповеди” или “отповеди”. В самом деле, в них отражается попытка людей, переведших какие-либо произведения, оценить или оправдать собственные действия. Выражения “переводческая исповедь” и “переводческая отповедь”, разумеется, не являются терминами современной науки о переводе. Но эти метафорические выражения можно использовать, пока теория переводческой критики не предложит более точных терминов для обозначения ответов переводчиков на критические суждения по поводу принятых ими решений, т.е. документальных свидетельств об их сомнениях и размышлениях, о том, что было сделано ими и предано общественной оценке.

В самом деле, эти размышления, обращенные в глубь веков на осмысление собственной переводческой практики, составляют

важнейший источник сведений о том, как развивалась теория перевода на протяжении двух тысячелетий, прошедших после появления трактата Цицерона. В этой истории теоретических размышлений о переводе можно обнаружить немало более или менее развёрнутых и подробных “отповедей” и “исповедей” переводчиков, принявших формы предисловий или послесловий к собственным переводам, переводческих комментариев, писем и посланий, ответов на критические статьи и т.п. Достаточно перелистать лишь некоторые антологии высказываний об опыте перевода, чтобы обнаружить массу подобных “откровений”⁶.

Размышления о собственном переводческом опыте, иногда затрагивавшие саму суть переводческой деятельности, приводившие к выводам о закономерно повторявшихся в переводе операциях, о целесообразности принятых решений, заложили эмпирическую базу современной науки о переводе.

Рефлексивный характер этих размышлений очевиден: переводчики обращаются назад, к собственному опыту, к своим сомнениям, поискам, находкам и неудачам, пытаются осознать и разъяснить реальным критикам или виртуальным читателям свои принципы и методы перевода.

Не следует полагать, однако, что “переводческие исповеди” и “переводческие отповеди” представляют интерес лишь для истории перевода. Жанр оказался чрезвычайно жизнеспособным и существует до сих пор. В самом деле, переводчики, даже самые талантливые и знающие, оказываются во все времена объектом критических замечаний, далеко не всегда справедливых и обоснованных, вызванных непониманием самой сущности перевода, его границ и возможностей. Они вынуждены разъяснять и аргументировать принятые решения, обосновывать свой выбор. Это требует “переводческого самоанализа”, серьёзных размышлений над собственным опытом. Однако глубоких теоретических обобщений и выводов в таких рефлексиях обычно довольно мало. Поэтому описанные переводчиками наблюдения над обнаруженными в результате анализа собственного переводческого опыта явлениями, составляющие, безусловно, ценные отдельные находки, остаются на уровне лишь эмпирического знания.

Вернёмся к противопоставлению переводчика оратору, которое мы встречаем в трактате Цицерона. Для теории перевода оно оказывается не менее важным, чем противопоставление принципов буквального и вольного перевода. Почему Цицерон противопоставил себя переводчику? Отражает ли это противопоставление превосходство оратора над переводчиком, различный социальный статус писателя и оратора, с одной стороны, и переводчика — с другой, мол, оратору — “ораторово”, а толмачу —

“толмачёво”? Возможно, противопоставляются разные уровни мастерства в использовании языка перевода или степень свободы в обращении с оригиналом? Читая трактат, улавливаешь в нем нотки самооправдания автора. Можно предположить, что Цицерон **оправдывал** свой стиль перевода перед современниками. В пользу этого предположения говорит фрагмент, в котором римский оратор напоминает о том, в чём его **упрекали**: “Huic labori nostro duo genera reprehensionum opponuntur”. Иначе говоря, он не провозглашает преимущества “ораторского” перевода и стремится объяснить, почему в данном конкретном случае он переводил именно так, а не иначе. Смысл дискуссии сводится к тому, что, по мнению оппонентов Цицерона, оригинал лучше его перевода. Цицерон парировал как истинный оратор: “Кто из них на латинском языке мог бы сказать лучше?”⁷

Однако интересен не смысл обвинений в адрес Цицерона, а его мысль о том, что тексты, созданные в разных ситуациях и с разными целями, различны. Поэтому их нужно переводить различно и оценивать их достоинства также следует различно.

Это положение соотносится с категорией современной теории перевода, а именно с категорией **адекватности**, о которой написаны уже сотни тысяч страниц.

Но для теории перевода важно не только это. Вполне очевидное и банальное на первый взгляд аксиологическое положение о том, что переводить **нужно** различно, раскрывает онтологическую сущность перевода, которая состоит в том, что переводить **можно** различно и, более того, что переводить одинаково **невозможно**. Из этого положения легко выводится один из основных законов науки о переводе — *закон о неповторимости перевода*, который может быть сформулирован следующим образом: *невозможно разным людям в разных ситуациях перевести одинаково один и тот же текст подобно тому, как нельзя дважды войти в одну и ту же воду*.

Каким бы простым ни был исходный текст, разные люди, взявшиеся его переложить на другом языке, скорее всего сделают это различно. Продукты их переводческой деятельности будут отличаться друг от друга настолько, насколько различны условия, в которых воспринимается исходный текст и рождается текст перевода, но прежде всего сами люди, взявшиеся за перевод.

Этот закон весь процесс перевода фокусирует на главном действующем лице — переводчике. В истории перевода по поводу роли переводчика в процессе перевода нередко высказывались полярные точки зрения. Одни, мечтая об идеальном переводе, полагали, что переводчик должен полностью “самоустраниться” в создаваемом им тексте перевода и превратиться в некое

“прозрачное стекло”, через которое виден только автор оригинального произведения. Другие, напротив, полагали, что “переводчик от автора лишь именем разнится”, что он соперник автора и может проявить всю свою личность в переведённом тексте.

Закон о неповторимости перевода, выводимый из тезиса, предложенного Цицероном и подкреплённый двумя тысячелетиями эмпирического опыта, даёт основания задуматься над одним из центральных философских вопросов теории перевода — над вопросом о свободе воли переводчика.

Проблема свободы переводчика в своих действиях по передаче сообщения средствами иной языковой системы представляет собой одно из частных проявлений одной из наиболее сложных и спорных проблем философии — проблемы “свободы воли”. В философии проблема свободы воли встает прежде всего как проблема философско-этическая в связи с вопросом об ответственности человека за свои действия.

Если попытаться построить философские основания переводческой деятельности, то необходимо будет в первую очередь решить вопрос о свободе воли переводчика. От того, как решается проблема свободы воли переводчика именно в философско-этическом плане, зависит решение многих краеугольных вопросов теории перевода, в частности таких, как вопросы о личности переводчика, об ответственности переводчика перед автором оригинального речевого произведения и перед получателями созданного им текста, о более высоком уровне ответственности переводчика перед обществом, перед историей, перед культурой и в конечном итоге перед человеческой цивилизацией в целом, как ни высокопарно на первый взгляд звучат эти слова. То или иное решение вопроса о свободе воли переводчика лежит в основе определения критериев оценки успешности или, напротив, ошибочности его решений, т.е. переводческой критики. Вопрос о свободе воли переводчика возникает и при решении более частных методологических, технологических и дидактических вопросов теории переводческой деятельности.

Проблема свободы воли предстаёт как один из так называемых “проклятых вопросов” философии, не поддающихся однозначному решению. Гегель отмечал, что идея свободы “неопределённа, многозначна, доступна величайшим недоразумениям и потому действительно им подвержена”⁸. Не менее проблемным вопрос о свободе воли оказывается и для теории перевода. Однако если в философии обсуждается главным образом вопрос о самом существовании свободы воли или же, напротив, о её отрицании, как во многих теориях детерминистского толка, утверждающих, что все предопределено, то в теории перевода вопрос о свободе воли переводчика может решаться несколько иначе.

Прежде всего, разумеется, придётся выбрать определённую философскую позицию в отношении данной категории, т.е. либо признать, что свобода воли переводчика существует, либо поставить переводчика в полную зависимость от обстоятельств, к которым следует отнести абсолютно все факторы, проявляющиеся в конкретном акте перевода: вторичность по отношению к оригиналу, отношение к автору оригинала, герменевтические способности переводящей личности, историческая, социальная, психологическая, лингвистическая обусловленность и многое другое.

Свобода воли — это возможность осуществления различных действий в одной и той же ситуации, по отношению к одному и тому же объекту. Таким образом, свобода воли переводящей личности предстает прежде всего как свобода выбора.

Но свобода выбора оказывается непосредственно связанной с этическими аспектами действий переводящей личности. Если эти действия полностью предопределены внешними факторами, обстоятельствами, если переводчик не имеет выбора, то они оказываются вне какой бы то ни было критической оценки.

Признание свободы выбора есть необходимое основание нравственности, условие возможности критики действий переводящей личности. В самом деле, если переводчик не мог поступить иначе, чем он поступил, если его решения предопределены и строго обусловлены, если для него исключена возможность выбора, то его действия не могут быть подвергнуты критике, они не могут быть вменены ему в вину или поставлены в заслугу. Всякая нравственная оценка действий переводящей личности возможна лишь в том случае, если понятие свободы рассматривается как необходимо присущее ей свойство.

Именно к этим этическим аспектам переводческой деятельности и реакции общества на его труд обращает нас трактат Цицерона и вся последующая практика цитирования его высказывания переводчиками разных эпох.

Неопределённость категории свободы воли в философии, множественность взглядов на вопрос о сущности свободы и сомнения в признании того, что свобода воли в самом деле возможна, осложняют решение вопроса о свободе выбора переводчика.

Прежде всего представляется, что, как и в более общем случае решения вопроса о свободе воли вообще, решение вопроса о свободе выбора переводчика не будет однозначным. Весь исторический опыт анализа переводческой деятельности как самими переводчиками, так и критиками и исследователями перевода, непрекращающиеся споры о качестве “верности” перевода, попытки установления критериев оценки переводов, извечное лавирование между “вольным” и “буквальным” показывают,

что философский вопрос о свободе выбора переводчиком характера своих действий, видимо, следует решить положительно. С другой стороны, конкретная функция в соотношении с определенными условиями её реализации конкретизирует представление о личности переводчика по сравнению с представлениями о личности человека вообще. Личность переводчика предстаёт более отчетливо по сравнению с личностью человека вообще, взятой безотносительно к объекту и условиям его действий. Разумеется, философская система теории перевода не может представлять решение проблемы свободы воли человека в целом, однако она способна проанализировать свободу выбора в условиях вполне конкретных ограничений.

“Переводчик от творца только что именем разнится”⁹, — полагал Третьяковский. “Переводчик в *прозе* есть раб; переводчик в *стихах* — соперник”¹⁰, — утверждал В.А. Жуковский. Соперник и раб суть два противоположных по степени свободы состояния личности. Пожалуй, ни одно из этих абсолютных состояний полной свободы или полной несвободы неприемлемо по отношению к переводческой деятельности. Иначе говоря, как философская концепция детерминизма, так и концепция индетерминизма в их абсолютных проявлениях не могут составить философскую основу ни переводческой методологии, ни переводческой критики. Свобода выбора переводчика, равно как и детерминированность принимаемых им решений, имеет относительный характер.

Основной вопрос, возникающий в отношении свободы воли переводчика, заключается в определении границ “переводческого произвола”. Вопрос стоит не о том, детерминирован или самоопределяем переводчик в своих действиях, а о том, насколько действия переводчика предопределены внешними факторами. Прежде чем рассуждать о степени свободы переводчика, необходимо как можно точнее определить объект, в отношении которого осуществляются его действия. Обычно в лингвистических теориях перевода в качестве объекта действий переводчика предстаёт текст оригинального речевого произведения, так называемый исходный текст. Поэтому переводческие действия определяются как некая последовательность операций по преобразованию исходного текста. Но текст есть двусторонняя сущность, система формы и смысла. На первый взгляд задача переводчика состоит в том, чтобы очистить “яйцо смысла” от формальной скорлупы исходного кода и облечь его в формы иного кода. Такое видение переводческой деятельности основано на сугубо лингвистическом подходе к переводу как операции по преобразованию текста в иноязычные формы. На самом деле “чистый

смысл” оригинала ни один переводчик передать не сможет только лишь в силу того, что он не может превратиться “в такое прозрачное стекло, что кажется, как бы нет стекла”¹¹.

Переводчик — это прежде всего личность с определённым когнитивным и лингвистическим опытом, продукт своего общества, определённой исторической эпохи. В основе деятельности переводчика лежит выбор. Постигать смысл в хитросплетениях значений слов — это выбор. Создавать новые формы из множества теоретически возможных — это тоже выбор. Делать непонятное понятным — и это выбор (*понятное кому, когда, насколько?*). **Но свобода выбора переводчика ограничена жесткими рамками семантического, семиотического, исторического, языкового, социального, психического и иных порядков. В этом вся сущность перевода.**

Рассуждения о переводе длятся уже более двух тысячелетий, но сегодня можно констатировать, что перевод как особая интеллектуальная деятельность человека глубоко ещё не изучен. И одной из причин этого является именно пристрастие к эмпирическому знанию. Многообразие решений, открывающееся в переводах и обусловленное неисчислимым многообразием переводящих личностей и бесконечностью ситуаций перевода, неисчерпаемо. Эмпирика продолжает доминировать в науке о переводе.

В современном обществе в рассуждениях о переводе нередко встречаются по меньшей мере *три* весьма дискуссионных мнения.

Первое состоит в том, что **перевод — это элементарно просто.** Оно присуще людям, созерцающим перевод со стороны и не задумывающимся глубоко о сущности этого явления. Выучил иностранный язык — иди и переводи. О родном языке и вовсе говорить не приходится: он якобы усваивается нами с молоком матери и не требует дополнительной отработки. Что сложного в том, чтобы прочитать или услышать какой-то текст и изложить его на другом известном тебе языке? Из этого заблуждения, иногда свойственного даже специалистам в области межкультурной коммуникации, вытекает второе, более серьёзное, заключающееся в **отрицании или** в лучшем случае **в недооценке науки о переводе.** В самом деле, зачем строить теории того, что и так просто и внешне общедоступно?

Но вдруг возникают вопросы:

- Почему одно и то же произведение претерпевает множественные переводы?
- Почему один перевод кажется нам авторитетнее другого?
- Что лучше: корявая истина или изящная неправда?

- Всё ли переведено и если не все, то почему?
- Возможен ли вообще перевод?
- Что общего в устном и письменном переводе?
- Какой иной интеллектуальной деятельности близок перевод?

И еще бесконечное множество вопросов, только перечисляя которые вспоминаешь высказывание английского философа Айвори Ричардса: “Очень может быть, что здесь мы имеем дело с самым сложным процессом из всех возникших когда-либо в ходе эволюции космоса”¹².

Многие из этих вопросов, возникавших на протяжении многовековой истории переводческой деятельности, до сих пор остаются без однозначных, достаточно аргументированных ответов. И одной из причин этого является очевидная связь перевода с языком.

Язык — неперенный участник переводческого процесса, его инструмент, поэтому изучать перевод в категориях и понятиях лингвистики представляется вполне естественным. Перевод без языка так же невозможен, как игра на скрипке без скрипки. Из этой очевидной связи перевода с языком возникает *третье*, широко распространённое, но, на наш взгляд, дискуссионное мнение о том, что **теория перевода — лингвистическая наука**. Нельзя отрицать того, что современная наука о переводе родилась как лингвистическая дисциплина.

Чуть более полувека тому назад один из основоположников современной науки о переводе А.В. Федоров во “Введении в теорию перевода” — первой отечественной большой теоретической работе по переводческой проблематике — отмечал, что вопросы перевода могут рассматриваться с различных точек зрения (Федоров, 1953: 13). “Но, — продолжал он, — поскольку перевод всегда имеет дело с языком, всегда означает работу над языком, постольку перевод всего больше требует изучения в лингвистическом разрезе — в связи с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств” (там же). С этого момента отечественная теория перевода заявляет о себе как новое научное направление, почти всецело расположившееся в русле языкознания и квалифицируемое как прикладная отрасль науки о языке.

Сугубо лингвистический подход к решению извечных вопросов, ставившихся как самой переводческой практикой, так и критикой переводов, определил разыскания в этой области и в западной науке.

Американский исследователь Ю. Найда, как и Федоров, считал лингвистический характер теории перевода естественным

следствием того, что перевод всегда имеет дело с двумя языками (Nida, 1964).

Для англичанина М.А.К. Хэллидея теория перевода — это часть сопоставительного языкознания на том основании, что перевод лежит в основе любого сопоставления языковых единиц и структур (Halliday, 1964).

Его соотечественник Дж.К. Кэтфорд (Катфорд), автор книги “Лингвистическая теория перевода”, отмечал, что “теория перевода имеет дело с определенным типом отношений между языками и является, следовательно, отраслью компаративной лингвистики” (Катфорд, 2004: 43).

Канадцы Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне построили свою теорию перевода как сопоставительную стилистику французского и английского языков (Vinau, Darbelnet, 1958).

А.В. Федоров на заре современной науки о переводе отмечал, что предметом изучения могут быть и выбор переводимого материала, и отражение в переводе индивидуальности переводчика, и вкусы, литературные манеры страны и эпохи перевода, и собственно сам психический феномен перевода. Но все это, по его мнению, оказывается менее значительным по сравнению с языковыми аспектами перевода и остается за пределами лингвистического переводоведения.

Ю. Найда в одной из более поздних работ предлагал различать четыре возможных подхода к изучению проблем перевода:

- филологический, основанный на интерпретации переводимых текстов;
- собственно лингвистический;
- коммуникативный, использующий категории теории коммуникации, такие, как сообщение, источник, код и пр.;
- социосемиотический, при котором основное внимание сосредоточено на социальных аспектах функционирования знаковых систем в коммуникативных актах с переводом (Nida, 1991).

Интересную, но весьма опасную идею высказывал В.Н. Комиссаров. Признавая, что “лингвистика не может раскрыть всю многогранность этого сложного вида человеческой деятельности” (Комиссаров, 1999: 5), исследователь предположил, что существуют две языковедческие дисциплины — так называемые **микролингвистика** и **макролингвистика**.

Микролингвистика концентрирует свое внимание на описании языковых систем. “Понятно, — отмечал он, — что такая микролингвистика, действительно, не может претендовать на всестороннее описание переводческого процесса”. Что же касается макролингвистики, то эта научная дисциплина появилась в ре-

зультате того, что “современное языкознание — по мнению исследователя — преодолело столь ограниченное понимание своего предмета” (Комиссаров, 1999: 4).

Макролингвистика представляется ему как комплекс лингвистических дисциплин, “изучающих все многообразие форм, способов, результатов и особенностей существования языка в человеческом обществе” (там же). Поэтому, по мнению Комиссарова, “при макролингвистическом подходе лингвистическое переводоведение может заниматься проблемами, традиционно считавшимися нелингвистическими” (там же: 5).

Таким образом, вырисовываются по меньшей мере три взгляда на теорию перевода:

1. Теория перевода — это лингвистическая наука, затрагивающая “самую его основу — язык, вне которого неосуществимы никакие функции перевода — ни общественно-политическая, ни культурно-познавательная его роль, ни его художественное значение и т.д.”.

2. Теория перевода как раздел некоей всеобъемлющей дисциплины — “макролингвистики”.

3. Множественность теорий перевода, отражающая множественность возможных подходов к переводу — филологического, лингвистического, коммуникативного, социосемиотического, психологического и др.

Однако все три исследовательские позиции остаются по своей сути эмпирическими, основанными на наблюдениях некоторого множества явлений перевода, т.е. переводческого опыта. Исследователи перевода сталкиваются не с абстракцией как таковой, а с ее конкретно-историческим воплощением в виде реально существующих условий (отсутствие или наличие печатного станка, современной информационной техники и т.п.), а также социальных, культурных и даже экономических отношений, которые обуславливают переводческие решения, воплощенные в конкретных вполне осязаемых переведенных произведениях.

Первый взгляд представляется уже несколько устаревшим. Необходимо признать, что исследования языковых аспектов перевода, осуществлявшиеся в разных странах в течение более 50 лет, дали многообразный и весьма полезный материал, что позволило сделать немало важных в теоретическом отношении обобщений.

В то же время, сосредоточившись на явлениях, они так и не сумели ответить на основной вопрос о сущности перевода, т.е. о том, что такое перевод. Об этом свидетельствует тот очевидный факт, что ни одно из множества существующих на сегодняшний день определений перевода нельзя считать ни исчерпывающим, ни точным.

Вспомним хрестоматийное, часто цитируемое, определение перевода, данное А.В. Федоровым и напоминающее многие другие: “Перевести — это значит выразить **точно и полно** средствами одного языка **то**, что уже выражено средствами другого языка **в неразрывном единстве содержания и формы**” (Федоров, 1953: 7).

Это определение, совершенно справедливое и почти непогрешимое, вызывает тем не менее ряд вопросов. Что такое выразить полно и точно? Как охарактеризовать категории полноты и точности выражения? В каких единицах их можно измерить?

Более того, категории полноты и точности, применяемые к переводу, оказываются взаимоисключающими. Если даже закрыть глаза на многообразие и сложность системы значений любого речевого произведения, с которым может столкнуться переводчик, если абстрагироваться от того, что грамматические системы языков в самом деле взаимно непроницаемы, и попытаться огрубленно посредством лингвистического компонентного анализа определить семный состав исходного и переведенного высказываний, то противоречие между полнотой и точностью окажется вполне очевидным.

В самом деле, если мы зададимся целью передать в переводе всю полноту семного состава исходного высказывания, то в переведенном высказывании в силу естественной асимметрии лексико-семантических систем языков возникнет множество новых элементов смысла, отсутствующих в оригинале. Экспериментальные данные показывают, что в переведенном речевом произведении в среднем сохраняется лишь 50% семного состава исходного выражения и добавляется еще около 50% дополнительных элементов смысла. О какой полноте и точности с лингвистической точки зрения можно говорить?

Можно ли оценить полноту и точность устного перевода? Почему в западной традиции устный перевод и письменный определяются как разные понятия и называются разными терминами? Действительно ли это разные виды деятельности или разновидности одной деятельности, как считает отечественная школа переводоведения? Если в основе устного перевода лежит интерпретация, то не является ли она основой и для письменного перевода?

Следующий вопрос еще более сложный: что такое “**то**, что уже выражено средствами другого языка”? Система значений? Эмоциональная окраска? Скрытые смыслы? Эстетическая функция? Коммуникативная значимость? За этим “**то**” скрывается почти все, над чем переводчики, критики, философы размышляют уже не одну тысячу лет, так и не находя удовлетворительного

ответа. Не подняла завесу таинственности с этого “то” и лингвистическая теория перевода второй половины XX в., а ведь за этим “то” скрывается содержание основного сущностного понятия теории перевода — категории эквивалентности.

И наконец, постулат о неразрывном единстве содержания и формы. Исходное высказывание обладает несомненным единством содержания и формы. Это можно принять как аксиому. Но в переводе возникают по меньшей мере два альтернативных варианта:

- либо сохранить единство содержания и формы оригинала в ущерб естественности восприятия переведенного текста получателем;
- либо создать новое единство в соответствии с новой речевой ситуацией, новыми условиями коммуникации, отличными от тех, в которых создавалось исходное сообщение.

А они, как это ни странно на первый взгляд, отличны даже тогда, когда перевод объединяет в один коммуникативный мегакт порождение исходного сообщения коммуникантом 1 и восприятие его перевода коммуникантом 2 (*пример обычного переговорного процесса с переводом*).

Обратимся ко второму взгляду на научный статус теории перевода — это раздел некой “макролингвистики”. Подобный подход, весьма распространенный, если не доминирующий в современной науке, представляет опасность как для теории перевода, так и для самой лингвистики. Теория перевода, располагаясь в лоне “макролингвистики”, так и не приобретает собственного предмета. Она оказывается разведённой по разделам современного языкознания:

сопоставительная лингвистика, рассматривая сходные и асимметричные черты языковых систем и их функционирования, показывает, как эти черты проявляются в переводе;

социолингвистика изучает социальные аспекты речевого поведения переводчика в обществе;

психолингвистика изучает процессы восприятия и порождения речи участников коммуникативного акта с участием переводчика;

генеративная лингвистика предлагает исчисление глубинных и поверхностных структур для наиболее объективного выбора эквивалентов в переводе и т.п.

Лингвистика же при таком подходе множит свой предмет до такой степени, что определить его сегодня можно только в весьма расплывчатых понятиях. Стремясь построить целостную теорию своего нового объекта, уже не языка, а речевой деятельности

во всех её проявлениях, лингвистика вобрала в себя множество предметов иных научных направлений, изучающих тот же объект, — философии, социологии, психологии, медицины и др.

Все эти научные дисциплины действительно изучают важнейшие аспекты переводческой деятельности. Но что же в этом случае изучает собственно теория перевода? Каков ее предмет?

Наконец, рассмотрим третий подход — множественность теорий перевода, обусловленную множественностью возможных подходов, — филологическим, лингвистическим, коммуникативным, социо семиотическим, психологическим или каким-либо другим.

Такой взгляд на теорию перевода оказывается “лингвистически” более умеренным, так как позволяет предположить, что лингвистика все же имеет свою собственную область интересов, отличную от филологии вообще, от литературоведения, от теории коммуникации, психологии, социологии, семиотики и других дисциплин, которые также могут иметь в качестве объекта изучения язык во всем многообразии его существования и функционирования.

В этом случае приходится признавать наличие множества теорий перевода — лингвистической, филологической, коммуникативной, социо семиотической, психологической и, возможно, какой-либо иной теории перевода, — у каждой из которых есть собственный предмет.

Итак, можно констатировать, что в современный период существует научная дисциплина — наука о переводе или переводоведение, объект которой — перевод и которая являет собой некий комплекс взглядов, представлений и идей, направленных на истолкование и объяснение разных сторон этого явления соответственно с разных научных позиций.

Такая научная дисциплина уже вполне состоялась.

Но можно ли говорить о теории перевода в более узком смысле, как о наиболее сложной и развитой форме научного знания, которая давала бы целостное представление о закономерностях и существенных связях этой области действительно? Такая теория должна не только содержать некую сумму связанных между собой знаний, накопленных в ходе эмпирического изучения явлений многовекового переводческого опыта, но и заключать определенный механизм построения знаний вокруг теоретической модели перевода как гипотетического, рационального представления о существующих в переводе связях и отношениях, т.е. о сущности объекта.

Различение сущности и явлений чрезвычайно важно для методологии науки о переводе. Длительное время эта наука всеце-

ло концентрировала свое внимание на феноменах, т.е. на переводе как явлении или, точнее, множественных явлениях перевода.

Сущность находит свое выражение в единстве всех многообразных, а иногда и противоречивых форм его существования. Категории сущности и явления отражают переход научного познания объекта от наблюдения многообразных форм существования предмета (его бытия) к пониманию его внутреннего содержания. Постигание сущности перевода и должно составить задачу теории перевода в науке о переводе.

Теория перевода в собственном смысле — это не совокупность связанных между собой знаний о переводе, а некая программа исследований, теоретическая модель, сквозь призму которой могли бы изучаться все многообразные аспекты переводческой деятельности: лингвистический, психологический, эстетический, коммуникативный и др. Такая теория придаст науке о переводе целостность единой системы знания. Развитие аппарата научных абстракций, теоретическое обобщение множества явлений переводческого опыта сделают теорию перевода мощнейшим средством решения фундаментальных задач познания одной из древнейших и сложнейших интеллектуальных видов деятельности и позволят вывести **законы**, без которых никакая наука не может считать себя состоявшейся.

Примечания

¹ De optimo genere oratorum. (О лучшем роде ораторов) — предисловие к собственному переводу Цицерона “О венке” на латинский язык речей греческих ораторов Эсхина и Демосфена.

² См., напр.: Ballard M. Introduction // Bachet de Meziriac C. De la traduction [1635]. Artois, 1998. P. XXXVI.

³ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 397.

⁴ Mounin G. Les Belles Infidèles. P., 1955. P. 12: “Les noms de Cicéron, d’Horace, de saint Jérôme, de Dante, d’Erasmus, d’Etienne Dolet, de Joachim du Bellay, d’Amyot, de Luther, de la Motte-Houdar, [etc.] ébauchent à peine la bibliographie des écrivains, qui, presque toujours à propos d’une autre chose, ont donné leur opinion sur la traduction. Mais, dans les cas les meilleurs, ils proposent ou codifient des impressions générales, des intuitions personnelles, des inventaires d’expériences, et des recettes artisanales. En rassemblant, chacun selon son gré, toute cette matière, on obtient un empirisme de la traduction, jamais négligeable, certes, mais un empirisme” (перевод мой. — *Н.Г.*).

⁵ Sed cum in eo magnus error esset, quale esset id dicendi genus, putavi mihi suscipiendum laborem utilem studiosis, mihi quidem ipsi non necessarium. Converti enim ex Atticis duorum eloquentissimorum nobilissimas orationes inter seque contrarias, Aeschinis et Demosthenis; nec converti ut interpres, sed ut orator, sententiis isdem et earum formis tamquam figuris, verbis ad nostram consuetudinem aptis. In quibus non verbum pro verbo necesse habui reddere, sed genus omne verborum vimque servavi. Non enim ea me adnumerare lectori putavi oportere, sed tamquam appendere. Hic labor meus hoc assequetur, ut nostri homines quid ab illis

exigant, qui se Atticos volunt, et ad quam eos quasi formulam dicendi revocent intellegant.

⁶ См., напр.: Русские писатели о переводе. М., 1960; *Horguelin P.A.* Anthologie de la manière de traduire. Domaine français. Montréal, 1981; и др.

⁷ A quo quaeratur ecquid possint ipsi melius Latine?

⁸ Гегель А. Соч. М., 1956. Т. 3. С. 291.

⁹ Третьяковский В.К. Езда в остров любви. К читателю. 1730 // Русские писатели о переводе. М., 1960. С. 36.

¹⁰ Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова. 1809 // Русские писатели о переводе. С. 86.

¹¹ Гоголь Н.В. Письмо к В.А. Жуковскому, 28 февраля 1850 г. // Русские писатели о переводе. С. 191.

¹² Цит. по: Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975. С. 230.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.

Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. М., 1997.

Гегель А. Соч. М., 1956.

Катфорд Джон К. Лингвистическая теория перевода: Об одном аспекте прикладной лингвистики. М., 2004.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М., 1973.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М., 1980.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М., 1999.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.

Русские писатели о переводе. М., 1960.

Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М., 1953.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.

Ballard M. Introduction // Bachet de Meziriac C. De la traduction [1635]. Artois, 1998. P. XXXVI.

Mounin G. Les Belles Infidèles. P., 1955. P. 12.

Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction. P., 1963.

Nida E. Towards a science of translating. Leiden, 1964.

Halliday M.A.K. Comparison and Translation // Halliday M.A.K., McIntosh A., Stevens P. The Linguistic Sciences and Language Teaching. L., 1964.

Vinay J.P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. P., 1958.

M. Ballard

ÉLÉMENTS POUR UNE MÉTHODOLOGIE RÉALISTE EN TRADUCTOLOGIE

La traductologie a été définie comme l'étude scientifique de la traduction. Afin de mener à bien ce programme, on propose d'étudier la traduction à partir des productions des traducteurs; ceci signifie la pratique d'études sur corpus, seules capables de fournir une base objective pour l'observation. Cette démarche suppose l'établissement d'outils d'observation et d'analyse: il s'agit de l'unité de traduction et de l'analyse textuelle comparée comme moyen d'accès aux décisions du traducteur. Cette démarche suppose la prise en compte de traductions multiples et le redéploiement de l'acte par le traductologue lui-même comme participant à un acte collectif de compréhension et de réécriture. Cette démarche devrait déboucher sur la mise en évidence de ce qui relève de l'individuel et du collectif ou de l'inconscient dans l'effectuation de l'acte de traduction; elle devrait également permettre d'explorer les limites de la déductibilité de l'acte, sa prévisibilité ainsi que sa part d'imprévisibilité et de fantaisie.

Mots-clés/Ключевые слова: *traductologie, corpus, unité de traduction, théorisation réaliste.*

Mon introduction sera partagée en deux points. Tout d'abord l'évocation brève de manières d'envisager la traduction et la traductologie qui me permettront d'esquisser par défaut ce que j'entends par 'méthodologie réaliste en traductologie'. Puis l'évocation d'un cadre général fondé sur la nature de la traduction, permettant de situer la manière dont j'envisage cette méthodologie.

Une part non négligeable de ce qui s'est écrit sur la traduction repose sur des approches idéalistes, normatives ou exogènes (j'entends par là des approches qui nous détournent du travail du traducteur).

La conception idéaliste de la traduction est perceptible tout au cours de son histoire dans les métaphores de la dégradation qui ont été utilisées pendant des siècles pour parler d'elle ou la décrire. Une telle conception révèle une appréhension erronée de la nature des langues et de leurs différences; elle débouche sur l'idée que la traduction est impossible, même si ce n'est pas dit pas ouvertement; elle se manifeste souvent par le désir que la traduction ait la même apparence qu'un original.

Les conceptions normatives découlent de la dualité linguistique sous-jacente à la traduction et d'une estimation de ce qu'est une bonne traduction. Une tendance, incarnée en France par Antoine Berman, estime qu'il faut amener le lecteur à goûter la langue étrangère via la

М. Балляр

К ОСНОВАНИЯМ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В НАУКЕ О ПЕРЕВОДЕ

Translatology has been defined as the scientific study of translation. In order to carry out this program the present paper proposes to study translation from the translators' productions, in other words the study of translation corpora, as the best basis for an objective observation of the process. This approach supposes the implementation of specific tools for the observation and analysis of the translation process: the unit of translation and comparative textual analysis as a device to trace back to the translator's choices and motives. Such an approach involves as well the taking into account of multiple translations and the re-enactment of the process by the researcher himself as a participant in a collective act of comprehension and rewriting. This kind of approach should eventually lead to a qualified estimation of the share and weight of the individual, the collective and the unconscious in the accomplishment of the act of translating; it should also allow a related exploration of the limits of the predictability (in terms of deduction) of the process and integrate, within the inevitable portion of imprevisibility, an analysis of its sometimes (apparent) erratic nature.

Mots-clés/Ключевые слова: *traductologie, corpus, unité de traduction, théorisation réaliste.*

Хотелось бы осветить два вопроса. Прежде всего краткий обзор способов изучения перевода и взглядов на перевод, что позволит мне обозначить содержание понятия “реалистическая методология в науке о переводе”. Затем очертить область исследования, основываясь на самой сущности перевода, что позволит мне выбрать способ описания данной методологии.

В основе немалой части того, что написано о переводе, лежат идеалистические, нормативные или экзогенные (внешние по отношению к переводческой деятельности) подходы.

Идеалистическая концепция во всей истории перевода просматривается сквозь уничижительные метафоры, в которых его представляли на протяжении столетий. Для этой концепции характерно ошибочное восприятие природы языков и их различий. В итоге она сводится к идее о невозможности перевода, даже если об этом и не говорится, во всяком случае открыто. Она часто проявляется в желании, чтобы перевод походил на оригинал.

Нормативные концепции основываются на идее о языковой двойственности, присущей переводу, и на представлении о том, что есть хороший перевод. Во Франции одно из направлений этой концепции, восходящее к работам Антуана Бермана, пола-

traduction et s'efforcer de rendre la relation des formes à l'effet du texte. L'autre, incarnée en France, et au-delà, par la Théorie interprétative (de l'ESIT) prône une réexpression du texte qui se détache des formes de départ.

Les conceptions exogènes se sont en partie développées sous l'effet d'une réaction contre l'emprise linguistique et les insuffisances d'une vision de la traduction gérée par cette science; par réalisme aussi, on a vu se développer un autre corps de doctrines qui se détachent des textes et des opérations pour ne plus s'intéresser qu'aux conditions d'apparition ou de réception de la traduction et nous faire perdre de vue que la traduction est une opération motivée par l'existence de langues différentes.

A force d'avoir rejeté 'la linguistique' on rejette 'le linguistique' ou en tout cas la matière sur laquelle le traducteur travaille: au coeur de la traduction il y a le travail du traducteur et celui-ci porte sur des langues, des textes. C'est ce travail du traducteur, rattaché aux paramètres sociolinguistiques qui le génèrent ou l'enserrent, qui me semble, de façon naturelle, être un objet d'étude central pour la traductologie.

La traduction est un acte dont les modes d'existence sont variables selon les cultures, les commanditaires et les exécutants. On peut en proposer une définition générale qui serait d'être la reproduction d'un texte à l'aide d'une autre langue que celle avec laquelle il a été produit; cette reproduction est un acte dont la visée, à l'origine, était l'identité, notion à laquelle on a substitué celle d'équivalence, qui permet d'intégrer dans la préservation de la ressemblance les aménagements liés aux différences linguistiques et à la dynamique de réécriture d'un texte avec un matériau différent pour un public différent.

Il est nécessaire de prendre en compte la matière servant de support à la traduction, parce que la traduction, comme l'écriture (comme la sculpture avec ses modelages préparatoires) est un travail sur un matériau spécifique: les langues. Mais cela ne signifie pas que la traduction est simplement une opération sur les langues en tant que telles, elle concerne le discours produit à l'aide des langues; la traduction est un phénomène portant sur les textes et c'est la nature du texte, sa lecture, son écriture, qu'il faut faire intervenir dans l'analyse. Cette finalité textuelle de la traduction pose les limites de l'approche linguistique et de l'apprentissage des langues via la traduction.

гает, что необходимо дать возможность читателю при помощи перевода почувствовать иностранный язык и постараться передать отношения между языковыми формами, сохранив ощущение единства текста. Другое направление, представленное во Франции и за ее пределами “интерпретативной теорией” (ESIT)¹, ставит во главу угла переформулирование текста на языке перевода с отказом от форм языка оригинала.

Экзогенные концепции развиваются отчасти под влиянием негативной реакции на засилье лингвистики и недостаточность взглядов на перевод лишь сквозь призму этой науки. Кроме того, переводческая практика породила ряд теорий, которые уходят от текста и операций над ним, обращая внимание лишь на условия возникновения и восприятие текста перевода, заставляя нас забыть, что перевод — это деятельность, предопределяемая существованием разных языков.

Отбросив лингвистику, отбрасывают и “лингвистическое” или, во всяком случае, объект, над которым работает переводчик: в основе перевода переводческая деятельность — работа с языками и текстами. Именно эта деятельность переводчика, предопределяемая социолингвистическими факторами, которые ее порождают или ограничивают, как мне кажется, естественным образом, оказывается основным объектом науки о переводе.

Перевод является актом, способы существования которого разнятся в зависимости от культур, заказчиков и исполнителей. Можно предложить общее определение перевода как воспроизведение текста при помощи другого языка, т.е. отличного от того, на котором он был написан. Это воспроизведение есть акт, целью которого изначально был поиск идентичности. Понятие идентичности было заменено понятием эквивалентности, что позволило расширить рамки представлений о сохранении подобия при внесении изменений, связанных с различием языков и с динамикой перевыражения текста иными средствами и для иной публики.

Необходимо учитывать характер материала, с которым работает переводчик. Ведь перевод, как и письмо вообще (подобно моделировке скульптура), предполагает особый материал — языки. Но это не означает, что перевод связан с языками как таковыми; переводчик обращается к речи, порождаемой с помощью языка; перевод — это работа с текстом. Именно природу текста, его прочтение и написание следует сделать объектом анализа. Эта текстологическая направленность переводческой

---

¹ ESIT Высшая школа устных и письменных переводчиков в Университете Париж III — Новая Сорбонна. (*Прим. ред.*)

Perdre de vue ce cadre général pour décrire la traduction à des fins scientifiques, didactiques ou professionnelles, c'est s'exposer au risque de produire une vision déformée de l'objet d'étude. Dans ce schéma global, la sphère limbique et la sphère d'influences et de patrons, sont des sphères communes à d'autres activités que la traduction; c'est dans la sphère phénoménologique que se manifeste la spécificité de la traduction avec ses *realias*, c'est donc elle qu'il faut prendre pour base d'étude du phénomène en sachant qu'il va falloir faire intervenir les autres sphères dans l'étude du phénomène, mais comme éléments constitutants et non comme éléments centraux.

Eléments pour une analytique de la traduction

Le texte traduit, qui, d'extérieur et pour le lecteur moyen, se donne comme un texte à lire, au même titre qu'un texte rédigé dans sa langue est en réalité un texte stratifié qui renferme, pour le chercheur (et pour certains lecteurs critiques), les traces du travail du traducteur. Ce travail est fait d'une série d'opérations qui commence par la lecture et interprétation d'un texte origine et qui se poursuit avec des opérations de transfert linguistique et culturel auxquelles se mêlent ou succèdent des opérations de négociation et d'aménagement; il convient enfin d'y adjoindre des opérations d'écriture et de créativité plus ou moins poussées.

Ce sont les traces de ce travail que le traductologue va devoir identifier et interpréter; il se pose en effet un problème d'identification car ces traces sont un observable qui se donne de façon plus ou moins directe: les différentes opérations ne sont pas identifiables forcément dans l'ordre où elles ont été effectuées et requièrent un travail d'observation et d'analyse qui vise à les reconstituer par déduction. Le travail du traducteur peut se décomposer en unités qui constituent des unités de traduction, mais en surface l'observable en traduction est constitué d'une mosaïque de ressemblances et de différences dont les composantes, les faces signifiantes, s'organisent en schémas d'équivalence.

Le premier niveau d'observation se situe donc à celui de l'identification de schémas d'équivalence:

L'unité de traduction se présente sur le plan matériel de l'observable sous la forme d'un schéma d'équivalence entre une forme de départ appelée base

деятельности устанавливает границы лингвистического подхода, а также обучения языкам посредством перевода.

Не принимать во внимание эту общую область исследования для описания перевода в научных, дидактических и профессиональных целях означало бы подвергнуться риску дать искаженное представление об изучаемом объекте. В общей схеме исследования лимбическая сфера, а также сфера внешних воздействий и стереотипов являются общими для переводческой деятельности, как и для всякой другой человеческой деятельности. Специфика перевода со всеми его реалиями проявляется в сфере феноменологической. Поэтому именно эту сферу и следует принять за основу при изучении данного явления, не забывая и о других сферах, которые оказываются, однако, не главными, а лишь составляющими элементами.

Основы анализа перевода

Переведенный текст, который на первый взгляд для обычного читателя является обычным текстом для чтения, как и текст, написанный на его родном языке, для исследователя (и для отдельных критически настроенных читателей) представляет собой многоуровневый текст, который несет в себе следы работы переводчика. Эта работа состоит из ряда действий, первыми из которых являются чтение и понимание исходного текста. Затем следует операция лингвистического и культурного переноса. Они сопровождаются поиском вариантов и необходимыми исправлениями. К этому следует добавить более или менее развернутые действия по порождению текста и его творческому осмыслению.

Результат именно этой работы должен выявить и объяснить исследователь перевода. Перед ним действительно стоит проблема распознавания, так как эти результаты наблюдаемы в большей или меньшей степени. Различные действия переводчика выявляются не обязательно в том порядке, в котором они осуществлялись в процессе перевода, и требуют от исследователя наблюдения и анализа в целях их воссоздания методом дедукции. Работу переводчика можно разложить на единицы, которые представляют собой единицы перевода, но внешне наблюдаемое в переводе предстает как мозаика из сходств и различий, составные части которой — значимые грани — образуют схемы эквивалентности.

Таким образом, первый уровень наблюдения — это уровень выявления схем эквивалентности:

“Единица перевода предстает как нечто материальное, наблюдаемое, как некая схема эквивалентности между исходной формой, назы-

et une forme d'arrivée appelée aboutissement, étant entendu que ces éléments ne peuvent se concevoir sans contextualisation et qu'ils peuvent, l'un comme l'autre, connaître une représentation zéro (Ballard, 2003: 76).

Il y a des unités perceptibles de prime abord dans la mise en regard des deux textes; elles se situent au niveau de la syntagmatique et constituent des blocs unis par une stratégie de traduction. De ce point de vue on oppose les segments à traduction directe (traduction littérale) et les segments à traduction indirecte (ou oblique), c'est la perception visuelle d'un changement de mode d'équivalence qui permet de fixer les limites des unités de traduction au niveau de la syntagmatiques et d'en identifier d'autres. J'illustrerai ce point avec le début de la traduction d'une nouvelle de Joyce effectuée par Du Pasquier.

North Richmond Street, being blind, was a quiet street except at the hour when **the Christian Brothers' School set the boys free**. An uninhabited house of two storeys stood at the blind end, detached from its neighbours in a square ground. The other houses of the street, **conscious** of decent lives **within them**, gazed at one another with brown imperturbable faces.

The former tenant of our house, a priest, had died in the back drawing-room. **Air, musty from having been long enclosed, hung in all the rooms**, and the waste room behind the kitchen was littered with old useless papers. **Among these** I found a few paper-covered books, **the pages of which were curled and damp**: *The Abbot*, by Walter Scott, *The Devout Communicant*, and *The Memoirs of Vidocq*. **I liked the last best because its leaves were yellow**. The wild garden behind the house contained a central apple-tree and a few straggling bushes, **under one of which** I found **the late tenant's** rusty bicycle-pump. He had been a very charitable priest; in his will he had left all his money to institutions and the furniture of his house to his sister (J. Joyce: 27).

NORTH RICHMOND STREET, finissant en impasse, était une rue tranquille, sauf à l'heure où les garçons sortaient de l'école chrétienne des frères. Une maison à deux étages, inhabitée, s'élevait au bout de l'impasse, séparée de ses voisines par un terre carré. Les autres maisons de la rue, qui avaient conscience des vies décentes qu'elles abritaient, se regardaient, l'une l'autre avec des visages bruns imperturbables.

Le locataire qui nous avait précédés, un prêtre, était mort dans le salon du fond. Il flottait un air de moisi dans toutes les pièces fermées depuis longtemps, et la chambre de débarras, derrière la cuisine, était jonchée de vieilles paperasses inutiles. Je découvris dans le tas quelques livres brochés aux pages humides et repliés: *L'Abbé* de Walter Scott, *Le Dévot Communiant* et les *Mémoires* de Vidocq. Ce dernier était mon préféré à cause de ses feuilles jaunies. Le jardin à l'abandon derrière la maison comportait un pommier au milieu et quelques buissons épars; et sous l'un d'eux, je découvris la pompe à bicyclette, toute rouillée, du dernier habitant. C'était un prêtre très charitable; il avait laissé par testament tout son argent aux bonnes oeuvres et son mobilier à sa sœur (H. du Pasquier: 51).

J'ai mis en gras, les éléments qui ne sont pas traduits de façon directe et l'on se rend compte qu'en plus des segments supérieurs que

ваемой базой, и переводной, называемой результатом; при этом оба элемента не могут рассматриваться вне контекста, но могут, как тот так и другой, иметь нулевое выражение” (Ballard, 2003: 76).

Есть единицы перевода, заметные с первого взгляда при сопоставлении двух текстов. Эти единицы расположены на синтагматическом уровне и образуют группы, объединённые стратегией перевода. С этой точки зрения существует оппозиция частей прямого (литературного) перевода и частей перевода непрямого (косвенного). Именно визуальное восприятие изменения формы эквивалентности позволяет установить границы одних единиц перевода на синтагматическом уровне и определить другие. Я проиллюстрирую данное положение фрагментом перевода дю Паскье новеллы Джеймса Джойса.

North Richmond Street, being blind, was a quiet street except at the hour when **the Cristian Brothers’ School set the boys free**. An uninhabited house of two storeys stood at the blind end, detached from its neighbours in a square ground. The other houses of the street, **conscious** of decent lives **within them**, gazed at one another with brown imperturbable faces.

The former tenant of our house, a priest, had died in the back drawing-room. **Air, musty from having been long enclosed, hung in all the rooms**, and the waste room behind the kitchen was littered with old useless papers. **Among these** I found a few paper-covered books, **the pages of which were curled and damp**: *The Abbot*, by Walter Scott, *The Devout Communicant*, and *The Memoirs of Vidocq*. **I liked the last best because its leaves were yellow**. The wild garden behind the house contained a **central** apple-tree and a few straggling bushes, **under one of which** I found **the late tenant’s** rusty bicyclepump. He had been a very charitable priest; in his will he had left all his money to institutions and the furniture of his house to his sister (J. Joyce: 27).

NORTH RICHMOND STREET, finissant en impasse, était une rue tranquille, sauf à l’heure où les garçons sortaient de l’école chrétienne des frères. Une maison à deux étages, inhabitée, s’élevait au bout de l’impasse, séparée de ses voisines par un terre carré. Les autres maisons de la rue, qui avaient conscience des vies décentes qu’elles abritaient, se regardaient, l’une l’autre avec des visages bruns imperturbables.

Le locataire qui nous avait précédés, un prêtre, était mort dans le salon du fond. Il flottait un air de moisî dans toutes les pièces fermées depuis longtemps, et la chambre de débarras, derrière la cuisisne, était jonchée de vieilles paperasses inutiles. Je découvris dans le tas quelques livres brochés aux pages humides et repliées: *L’Abbé* de Walter Scott, *Le Dévot Communiant* et *les Mémoires* de Vidocq. Ce dernier était mon préféré à cause de ses feuilles jaunies. Le jardin à l’abandon derrière la maison comportait un pommier au milieu et quelques buissons épars; et sous l’un d’eux, je découvris la pompe à bicyclette, toute rouillée, du dernier habitant. C’était un prêtre très charitable; il avait laissé par testament tout son argent aux bonnes oeuvres et son mobilier à sa sœur. (H. du Pasquier: 51).

Я выделил жирным шрифтом элементы, которые не переводятся прямо. Можно убедиться, что помимо элементов высших

sont les phrases et les propositions, il ó a des constituants tels que les syntagmes et des signes qui ne sont pas traduits de façon directe c'est-à-dire à l'aide d'une forme de même nature. Si l'on veut structurer l'observation de la traduction à ce stade, on peut utiliser une hiérarchie qui va des relations interphrastiques au signe.

Dans la traduction de cet extrait, on constate peu de transformations au niveau interphrastique: la seule chose notable étant la dépronominalisation du connecteur anaphorique *these* dans *among these* traduit par "dans le tas".

Au niveau phrastique et propositionnel, on peut observer des restructurations propositionnelles qui impliquent un changement de sujet comme par exemple *I liked the last best* traduit par "Ce dernier était mon préféré"; et puis des transformations de relatives: *the pages of which were curled and damp* traduit par: "aux pages humides et repliées". Au niveau des petites unités, signes et syntagmes, on constate que les solutions adoptées font apparaître leur capacité à générer des propositions: l'adjectif *conscious* (of decent lives) est traduit par "qui avaient conscience des vies décentes" et le syntagme prépositionnel *within them* par: "qu'elles abritaient". Ces constats permettent d'esquisser l'important travail qui s'effectue en traduction autour du signe et que l'on a eu tendance à occulter sous prétexte de récuser le mot comme unité de traduction. Il est un important travail autour du signe tant du point de vue de l'interprétation que de la reformulation et je voudrais continuer de l'illustrer en faisant intervenir une autre composante capitale de la traduction, celle de variante.

Une théorisation réaliste se doit d'intégrer la notion de variante. Sa prise en compte intègre la présence du traducteur et pose les limites d'une approche purement linguistique de la traduction ainsi que celles des théorisations injonctives (il y a des traducteurs qui traduisent de façon littérale et d'autres non, ce n'est pas sur un critère de littéralité ou non que l'on peut estimer ou rejeter leur travail; lorsque mes étudiants me demandent la raison pour laquelle je rejette parfois leur traduction ils essaient d'en trouver la cause en disant: 'c'est trop littéral?', ce qui ne résoud rien). Lorsque l'on compare plusieurs traductions, la coïncidence des reformulations est rassurante sur le plan de l'exactitude de la traduction; dès l'Antiquité, avec la traduction de la Septante la ressemblance des textes traduits garantit la validité de la traduction. La divergence pose des problèmes d'interprétation et sème le trouble quant à la nature et la qualité de la traduction; sur le plan positif, elle peut être envisagée comme un constituant inéluctable de la traduction, qui la place dans le paradigme ouvert de la retraduction. De toute façon, il faut in-

уровней языка, которыми являются фразы и предложения, есть и такие компоненты, как синтагмы и знаки, которые не переводятся прямо, т.е. при помощи форм того же порядка. Если мы хотим структурировать исследование перевода на данном этапе, мы можем использовать иерархию, на вершине которой — межфразовые отношения, а внизу — знаки.

В переводе этого отрывка мы не видим больших изменений на межфразовом уровне: единственная заметная деталь — это замена местоимения *these*, выступающего в функции анафорического коннектора, в конструкции *among these* словосочетанием *dans le tas*.

На уровне фраз и предложений заметны изменения их структуры, которые предполагают замену подлежащего. Например, *I liked the last best* было переведено как *Ce dernier était mon préféré*. Есть также изменения в определительных конструкциях: *the pages of which were curled and damp* переводится как *aux pages humides et repliées*. На уровне малых единиц, т.е. знаков и синтагм, можно видеть, что принятые переводчиком решения показывают способность этих единиц порождать предложения: прилагательное *conscious (of decent live)* переводится как *qui avaient conscience des vies décentes*, а предложная синтагма ‘within them’ переводится как *qu’elles abritaient*. Эти факты позволяют отметить важную работу, которая осуществляется в переводе на уровне знака и о которой часто не хотят говорить, отвергая слово как единицу перевода. Работа со знаком важна как для понимания, так и для перевыражения текста; и хотелось бы далее продемонстрировать это на примерах с привлечением другой важнейшей составляющей перевода, а именно варианта.

Реалистичная теория перевода должна включать понятие варианта. Учет этого фактора предполагает присутствие переводчика и намечает границы как собственно лингвистического подхода к переводу, так и предписывающих теорий (одни переводчики переводят буквально, другие нет, и необязательно на основании критерия буквальности следует принимать или отвергать их работу. Мои студенты спрашивают у меня, почему я иногда не принимаю их перевод, они сами пытаются объяснить это, говоря: “Слишком буквально?” Но причина в другом). Когда мы сравниваем несколько переводов, совпадение форм выражения подтверждает правильность перевода; начиная с древних времён, с перевода Септуагинты, сходство переведенных текстов свидетельствует о точности перевода. Расхождение же порождает проблему истолкования и вызывает споры о природе и качестве перевода; однако в положительном ключе оно может расцениваться в качестве постоянной составля-

tégrer la variante d'un point de vue critique en traductologie; je commencerai de l'illustrer avec une seconde traduction du texte de Joyce par Aubert.

North Richmond Street, se terminant en cul-de-sac, était une rue tranquille sauf à l'heure où **les Frères des Écoles chrétiennes lâchaient leurs élèves**. Une maison de deux étages inhabitée se dressait au fond de l'impasse, **isolée** de ses voisines, **au milieu d'un terrain carré**. Les autres maisons de la rue, **très conscientes d'abriter** des existences **respectables, se regardaient fixement**, le visage brun et impassible.

Le précédent locataire de notre maison, un prêtre, était mort dans le salon de derrière. Une odeur particulière de moisi et de renfermé flottait dans toutes les pièces et, derrière la cuisine, le débarras était jonché de vieux journaux sans usage. C'est au milieu de ceux-ci que je découvris quelques livres à la couverture de papier, aux pages gondolées et humides: *L'Abbé*, de Walter Scott, *La Communion Dévote* et *Les Mémoires de Vidocq*. Ce dernier était mon préféré, à cause de ses pages jaunes. Le jardin inculte qui s'étendait derrière la maison avait en son centre un pommier et quelques buissons en déroute; sous l'un de ceux-ci, je découvris la pompe à bicyclette rouillée du locataire décédé. Ce prêtre s'était toujours montré très charitable; dans son testament il avait laissé tout son argent à des institutions, et le mobilier de sa maison à sa sœur (J. Aubert: 71—72).

On constate que les unités dégagées par l'observation de la première traduction sont confirmées et que viennent s'ajouter d'autres unités non perceptibles dans la première mais que la différence de la seconde permet d'identifier.

Je parlerai d'abord des unités confirmées. Je ferai deux commentaires généralisants à leur propos. Tout d'abord le fait que si l'on observe les deux unités obliques ou l'on a des signes transformés en relatives dans la première traduction, on constate que le second traducteur arrive à traduire de façon plus littérale, plus serrée: "Les autres maisons de la rue, **très conscientes d'abriter** des existences **respectables, se regardaient fixement**, le visage brun et impassible". Par contre les relatives traduites de façon oblique par le premier traducteur le sont également par le second; dans les deux cas on a transformation d'une relative en SP et de l'autre en indépendante par segmentation; cette confirmation d'une opération de transformation par deux personnes différentes pourrait bien être la manifestation d'une tendance stylistique du français ou l'on éviterait d'utiliser les relatifs composés jugés trop lourds.

Si l'on considère les unités différentielles identifiables à partir de la différence de la seconde traduction, elles sont de petite taille mais

ющей перевода, которая способствует появлению новых переводов. Во всяком случае, понятие варианта должно быть введено в науку о переводе как категория критики; я проиллюстрирую это положение примером другого перевода текста Дж. Джойса, выполненного Обером.

North Richmond Street, se terminant en cul-de-sac, était une rue tranquille sauf à l'heure où **les Frères des Ecoles chrétiennes lâchaient leurs élèves**. Une maison de deux étages inhabitée se dressait au fond de l'impasse, **isolée** de ses voisines, **au milieu d'un terrain carré**. Les autres maisons de la rue, **très conscientes d'abriter** des existences **respectables, se regardaient fixement**, le visage brun et impassible.

Le précédent locataire de notre maison, un prêtre, était mort dans le salon de derrière. Une odeur particulière de moisi et de renfermé flottait dans toutes les pièces et, derrière la cuisine, le débarras était jonché de vieux journaux sans usage. C'est au milieu de ceux-ci que je découvris quelques livres à la couverture de papier, aux pages gondolées et humides: *L'Abbé*, de Walter Scott, *La Communion Dévote* et *Les Mémoires* de Vidocq. Ce dernier était mon préféré, à cause de ses pages jaunes. Le jardin inculte qui s'étendait derrière la maison avait en son centre un pommier et quelques buissons en déroute; sous l'un de ceux-ci, je découvris la pompe à bicyclette rouillée du locataire décédé. Ce prêtre s'était toujours montré très charitable; dans son testament il avait laissé tout son argent à des institutions, et le mobilier de sa maison à sa sœur (J. Aubert: 71—72).

Очевидно, что единицы перевода, выявленные при исследовании первого перевода, подтверждаются, но добавляются также и другие единицы, которые позволяют различить только текст второго перевода.

Сначала рассмотрим единицы, которые повторились. На их счёт я сделаю два обобщающих комментария. Прежде всего в первом переводе две единицы, являющиеся результатом косвенного перевода, представляют собой определительные конструкции, в то время как второй перевод данных единиц более дословный и более сжатый: “Les autres maisons de la rue, **très conscientes d'abriter** des existences **respectables, se regardaient fixement**, le visage brun et impassible”. Однако относительные конструкции, переведенные косвенным способом первым переводчиком, также переведены и вторым. В обоих случаях мы наблюдаем трансформацию одной относительной конструкции в придаточное предложение, а другой — в независимое предложение путем сегментации. Это повторение переводческого приёма двумя различными переводчиками, вероятно, представляет собой проявление определённой стилистической тенденции во французском языке, когда избегают использовать сложные определения, считая их слишком тяжёлыми.

Если обращаться к единицам перевода, выявленным при помощи сравнения первого и второго перевода, то можно отметить,

intéressantes car elles révèlent un double travail d'interprétation et de reformulation au niveau du signe.

Je parlerai d'abord d'interprétation. La traduction de "*detached from its neighbours in a square ground*" par "**isolée** de ses voisines, **au milieu d'un terrain carré**" fait apparaître des écarts interprétatifs dans la première traduction "séparée de ses voisines par un tertre carré", dans la traduction de Pasquier, le terrain est devenu un tertre, ce qui n'est pas la même chose et la maison est séparée et non pas isolée, la disposition des lieux est modifiée.

En outre, la comparaison des traductions révèle un travail qui améliore la reformulation de certains termes: 'respectable' est plus juste que 'décente', qui est un anglicisme; "se regardaient fixement" est plus précis que "se regardaient". Ce travail comparatif qui ouvre la reformulation du texte à des possibles est fait à l'aide de traductions multiples publiées lorsqu'elles existent mais en cas d'inexistence, c'est au traductologue d'envisager d'autres solutions que celle offerte par la traduction qu'il étudie. La notion de contexte est un autre élément majeur à intégrer dans une théorisation réaliste et l'observation révèle que ce paramètre est polymorphe et qu'il joue des rôles parfois insoupçonnés ou négligés à des niveaux divers. J'en illustrerai deux aspects, répartis entre compréhension et reformulation.

Le contexte de production est constitué par un ensemble d'éléments communs à l'auteur et au lecteur d'origine qui peut être, par exemple, leur culture; certains éléments peuvent être nommés de façon explicite dans le texte et d'autres n'apparaissent que de façon implicite dans des indices à décoder si l'on veut fournir une interprétation correcte du texte. En voici une illustration:

Up rolled the blind; the window went up with a jerk; a whity-greyish light filled the room (Mansfield: 206).

Pour percevoir le sens de ce début de paragraphe, il faut avoir présent à l'esprit le fait qu'en Angleterre et dans de nombreux pays anglo-saxons on a des fenêtres à guillotine. Deux traductions consultées laissent paraître des actes de lecture différents:

Le store roule en haut, **la croisée s'ouvre avec une secousse**; une lumière d'un gris blanchâtre se répand dans la chambre (Delamain: 191).

Relevée, la jalousie, **soulevée, la fenêtre, dans un hoquet**; une lumière d'un gris blanchâtre emplît la chambre (Merle: 207).

что они не большого размера, но представляют собой интерес, так как показывают двойную работу по интерпретации и подбору эквивалентов на уровне знака.

Начнем с интерпретации. Перевод фразы *detached from its neighbours in a square ground* как **“isolée de ses voisines, au milieu d’un terrain carré”** выявляет в первом переводе несоответствие в интерпретации: “séparée de ses voisines par un tertre carré”. В переводе Паскье участок земли становится холмом, что не одно и то же, а дом оказывается отделенным холмом от соседей, а не стоящим посреди квадратного участка земли, т.е. расположение объектов относительно друг друга изменено.

Кроме того, сравнение переводов выявляет работу по улучшению подбора эквивалентов для некоторых слов: ‘respectable’ представляется более верным, чем англицизм ‘décente’; “se regardaient fixement” — более точным, чем просто “se regardaient”. Эта сопоставительная работа, раскрывающая преобразование текста в пределах возможного, выполняется на материале нескольких опубликованных переводов, если таковые существуют. В случае же их отсутствия исследователь перевода сам находит и рассматривает иные решения, отличные от тех, что предложены единственным переводом. Понятие контекста является другим важным элементом реалистической теории. Наблюдения вскрывают, что этому параметру присущ полиморфизм и что он выполняет на разных уровнях функции, которые иногда либо не замечают, либо игнорируют. Я проиллюстрирую два аспекта этого явления — на уровне понимания и на уровне порождения текста перевода.

Контекст произведения состоит из целого комплекса общих для автора и читателя оригинального произведения элементов, который может представлять собой, например, их культуру. Одни элементы могут быть выражены в тексте эксплицитно, другие же представлены имплицитно в косвенных знаках, которые необходимо расшифровать, если мы хотим правильно интерпретировать текст. Рассмотрим следующий пример:

Up rolled the blind; *the window went up with a jerk; a whity-greyish light filled the room* (Mansfield: 206).

Чтобы понять смысл начала этого абзаца, необходимо помнить о том, что в Англии, как и в большинстве англосаксонских стран, есть опускающиеся окна. Два приведенных ниже перевода позволяют обнаружить примеры различного прочтения этого фрагмента:

Le store roule en haut, **la croisée s’ouvre avec une secousse**; une lumière d’un gris blanchâtre se répand dans la chambré (Delamain: 191).

Relevée, la jalousie, **soulevée, la fenêtre, dans un hoquet**; une lumière d’un gris blanchâtre emplît la chambre (Merle: 207).

Delamain hyperonymise le segment: “*the window went up with a jerk*” en utilisant le verbe “s’ouvre”; on ne perçoit plus le mouvement qui est présent dans le texte anglais et par voie de conséquence: la forme de la fenêtre, caractéristique d’une civilisation, elle utilise d’ailleurs le mot ‘croisée’ qui renvoie aux fenêtres de type français. Magali Merle s’efforce davantage de préserver le mouvement.

Une approche réaliste de la traduction amène d’ailleurs à modérer les déclarations selon lesquelles le contexte donne le sens; l’aide du contexte textuel est parfois nulle. Le contexte peut ne pas suffire à désambiguïser la polysémie d’un terme:

*He had dined at seven, alone with his mother and sister, and had lingered afterward over a cigar in the gothic library with **glazed** black-walnut book-cases and finial-topped chairs* (E. Wharton in: Chartier et al., 1998).

Le mot *glazed* peut ici être interprété comme signifiant ‘verni, lustré, satiné’ ou ‘vitré’; on peut donc comprendre qu’il s’agit de ‘bibliothèques vitrées’ ou de bibliothèques dont le bois est ‘verni, ciré’ ou ‘patiné’.

Le contexte peut aussi agir comme une force qui pousse le traducteur à utiliser des termes qui ne constituent pas les équivalents attestés de certains signes du texte. J’en donnerai deux exemples.

[contexte: Tom Ripley et sa femme Héloïse reçoivent un allemand, Eric Lanz]

*Eric Lanz seemed to admire Heloise and to be trying to **put his best foot forward for her*** (Highsmith: 96).

Eric Lanz semblait admirer Héloïse, et s’évertuer à **faire bonne impression sur elle** (Delahaye: 139).

L’élément en gras (base d’une unité de traduction) est une expression idiomatique, le sens est de l’ordre du figuré, il n’est pas fait de l’addition directe du sens des constituants de l’expression. On répondra à l’objection de l’opacité de ce type de configuration qu’elle est éclairée par le contexte, et de fait cet exemple illustre le fait que l’éclairage va au-delà de la langue. Si l’on consulte les dictionnaires, qui fournissent les sens enregistrés par l’usage, on trouve:

to put one’s best foot forward (do one’s best): faire de son mieux; (hurry) se dépêcher (Hachette-Oxford);

put your best foot forward: to make a great effort to do sth, especially if it is difficult or you are feeling tired (OALD).

В переводе Деламен во фрагменте “the window went up with a jerk” использован гипероним — глагол “s’ouvrir”; мы уже не видим движения окна, описанного в английском тексте, и как следствие этого и формы окна, свойственной определенной культуре. Более того, в переводе используется слово “croisée”, которое отсылает нас к образу окна французского типа. Магали Мерль все же пытается сохранить информацию о типе движения окна.

Реалистичный подход к переводу позволяет умерить пафос заявлений о том, что смысл рождается лишь в контексте. Иногда контекст произведения не способен помочь нам в понимании смысла. Он оказывается недостаточным, чтобы устранить двусмысленность многозначного выражения:

*He had dined at seven, alone with his mother and sister, and had lingered afterward over a cigar in the gothic library with **glazed** black-walnut book-cases and finial-topped chairs* (E. Wharton in: Chartier et al., 1998).

В данном контексте слово *glazed* может быть понято двояко — как “verni, lustré, satiné” либо как “vitré”; поэтому можно представить, что речь идет о “застекленных книжных шкафах” либо о книжных шкафах из “лакированного, вощёного” или “старого” дерева.

Контекст может также выступать в качестве силы, побуждающей переводчика использовать слова, не являющиеся эквивалентами знаков исходного текста. Приведу два примера:

[контекст: Том Рипли и его жена Элоиза принимают у себя немца, Эрика Ланца]

Eric Lanz seemed to admire Heloise and to be trying to put his best foot forward for her (Highsmith, 1980: 96).

Eric Lanz semblait admirer Héloïse, et s’évertuer à faire bonne impression sur elle (Delahaye: 139).

Этот выделенный жирным шрифтом фрагмент (исходная единица перевода) — идиоматическое выражение, переносное значение которого не является простой суммой значения его составляющих. На замечание о том, что данное выражение туманно, могут ответить, что смысл его проясняется контекстом, и фактически этот пример показывает, что прояснение смысла происходит за пределами языка. Если мы заглянем в словари, фиксирующие принятые узусом смыслы, мы обнаружим следующее:

to put one’s best foot forward (do one best): faire de son mieux; (hurry) se dépêcher (Hachette-Oxford)².

put your best foot ‘forward: to make a great effort to do sth, especially if it is difficult or you are feeling tired (OALD)³.

² **To put one’s best foot forward (do one best)** — стараться изо всех сил; (hurry) торопиться, спешить.

³ **Put your best foot ‘forward** — предпринять большое усилие, чтобы сделать что-то, особенно если это тяжело или если вы чувствуете себя уставшим.

La traduction permet dans ce cas d’appréhender le fait que le langage n’est pas quelque chose de figé, même dans le domaine des expressions dites figées; Patricia Highsmith a exprimé un sens dérivé, que le traducteur a perçu et réexprimé en se dégageant ou en ne tenant pas compte de l’usage intralinguistique d’une part et en écoutant la pression du contexte et sa propre créativité en matière de reformulation et non ce que disent les dictionnaires.

Le second est emprunté au célèbre roman d’Orwell. Dans son effort pour reconstituer le passé occulté du pays où il vit, Winston Smith, le héros de *1984*, se retrouve un jour devant la boutique de brocante où il avait acheté le cahier sur lequel il a entrepris de rédiger son journal. Il entre dans le magasin et au cours de la conversation qu’il a avec le vieux brocanteur, celui-ci vient à se souvenir d’une chanson où il est question de l’église Saint-Martin:

‘Where was St Martin’s?’ said Winston.

*‘St Martin’s? That’s still standing. It’s in Victory Square, alongside the picture gallery. A building with a kind of triangular porch and pillars in front, and a **big flight of steps**’ (Orwell: 82—83).*

— Où était Saint-Martin? demanda Winston.’

— L’église de Saint-Martin? Elle est encore debout. C’est au square de la Victoire, contigu à la galerie de peinture; un édifice qui a une sorte de porche triangulaire, des piliers en avant et un escalier monumental (Audiberti: 142—143).

L’ensemble du contexte: le fait qu’il s’agit d’une église et que l’on en décrit les marches, fait que l’on éprouve des difficultés à traduire ‘big’ par ‘grand’, ce terme semble bien plat, alors que ‘monumental’ dont le dictionnaire dit qu’il signifie “qui a un caractère de grandeur majestueuse” convient tout à fait à ce contexte. Orwell n’a pas écrit ‘monumental’ diront certains; d’accord mais que l’adjectif ‘big’ suffise en anglais ou qu’il y ait sous-écriture, “grand” ne semble pas convenir en français dans ce contexte. Et pourtant la traduction d’Audiberti est critiquable dans la mesure où celui qui parle est un vieux brocanteur, le style relève d’un registre oral simple, ‘monumental’ introduit des connotations qui relèvent plutôt de la langue écrite voire soutenue, ce vieux brocanteur est-il si instruit pour utiliser un terme pareil? Il y a conflit entre la taille du monument qui suscite l’utilisation de ‘monumental’ et le degré supposé d’instruction du brocanteur, ce qui est censé être son registre de langue naturel.

Перевод позволяет осознать тот факт, что даже применительно к выражениям, называемым устойчивыми, человеческая речь не является застывшим и устойчивым образованием; Патриция Хайсмит в своем тексте выразила один дополнительный смысл, который переводчик заметил и воспроизвел, с одной стороны, отстранившись или не придавая значения внутриязыковому употреблению, а с другой — подчиняясь требованиям контекста и доверяя не тому, что подсказывают словари, а своему собственному творческому чутью в области перефразирования.

Второй отрывок заимствован из известного романа Оруэлла. Сияясь воссоздать темное прошлое страны, где он живет, Винстон Смит, герой «1984», как-то раз оказывается перед лавкой старьевщика, где он когда-то купил тетрадь, в которой позже вел дневник. Он входит в лавку и затевает разговор со старьевщиком. Хозяин лавки вспоминает песенку, где поется о церкви св. Мартина:

“Where was St Martin’s?” said Winston.

‘St Martin’s? That’s still standing. It’s in Victory Square, alongside the picture gallery. A building with a kind of triangular porch and pillards in front, and a **big flight of steps**?’ (Orwell, 1961: 82—83).

— Où était Saint-Martin? demanda Winston.

— L’église de Saint-Martin? Elle est encore debout. C’est au square de la Victoire, contigu à la galerie de peinture; un édifice qui a une sorte de porche triangulaire, des piliers en avant et un **escalier monumental** (Audiberti: 142—143).

По поводу контекста в целом: тот факт, что речь идет о церкви, где описываются ее ступени, уже вызывает сомнения в возможности передачи прилагательного “big” французским прилагательным “grand”: слишком обыденным кажется это слово, в то время как “monumental”⁴, согласно словарю, означает “qui a un caractère de grandeur majestueuse”⁵, что более уместно в данном контексте. Но ведь Оруэлл не написал *monumental*, — скажут некоторые; согласен, но даже если употребление прилагательного “big” оправданно в английском языке или если есть какой-то подтекст, которым продиктовано его использование, то слово “grand” во французском переводе вряд ли подходит в этом случае. И тем не менее перевод Одиберти можно поставить под сомнение, учитывая, что говорящий — пожилой старьевщик и что его речь принадлежит простой разговорной, в то время как “monumental” принадлежит скорее письменной, даже возвышенной, речи. Настолько ли образован этот пожилой старьевщик, чтобы украшать свою речь подобным словом? Таким образом, здесь наблюдается некое несоответствие между

⁴ Монументальный.

⁵ Имеющий величественный вид.

Une partie de la traduction se joue autour de la traduction littérale et des équivalences linguistiques. Elle est l'occasion de percevoir que certaines structures se correspondent de langue à langue mais aussi l'occasion de percevoir les limites de ces correspondances; Certaines relèvent des tendances des discours comme par exemple le fait que l'on utilise plus facilement le passif en anglais qu'en français, mais d'autres limites d'utilisation relèvent davantage de l'écriture et des choix personnels du traducteur. Prenons par exemple le cas de la proposition relative, elle existe dans les deux langues mais il y a des cas où on ne traduira pas une relative anglaise par une relative en français pour des raisons stylistiques, nous en avons eu l'illustration avec le premier exemple (le texte de Joyce) où deux relatives étaient traitées respectivement par la commutation avec un SP et la segmentation.

Si l'on essaie de systématiser les traductions obliques de la relative anglaise en français, on se rend compte qu'elles suivent deux schémas principaux qui sont la commutation dans le paradigme de l'expansion du nom et la transformation de la relation interpropositionnelle. Mais une observation réaliste d'un corpus de traductions offrant ce type de traduction permet de constater qu'il ne s'agit pas d'actes mécaniques mais de solutions motivées dont on peut s'efforcer de retrouver les raisons dans le texte ou ailleurs. J'illustrerai ce type de recherche avec deux traductions d'un extrait de Katherine Mansfield.

*And then in the rocky gateway the shepherd himself appeared. He was a lean, upright old man, in a frieze coat **that was covered with a web of tiny drops**, velvet trousers tied under the knee, and a wideawake with a folded blue handkerchief round the brim [Mansfield: 14).*

Puis, dans l'orifice encadré de rochers, parut le berger lui-même. C'était un vieil homme maigre et droit, vêtu d'une veste de bure **que couvrait un réseau de gouttelettes** menues, de pantalons de velours attachés sous le genou, et d'un grand feutre avec un mouchoir bleu plié et noué autour du bord (M. Du-proix: 210).

Puis, dans la voûte rocheuse, s'encadra le berger en personne. C'était un vieil homme maigre et droit, vêtu d'une veste de ratine **quadrillée d'un réseau de fines gouttelettes**, d'un pantalon de velours attaché sous le genou, et coiffé d'un grand feutre avec un mouchoir bleu plié autour du bord, (Merle: 15).

величием здания, которым обусловлено использование слова 'monumental', и предполагаемым уровнем образования старого торговца, которому и должна соответствовать его речь.

Отчасти перевод дословен и опирается на языковые соответствия. Этот фрагмент дает нам возможность понять, что в разных языках есть такие языковые структуры, которые соответствуют друг другу, но одновременно он дает почувствовать и границы этих соответствий. Использование некоторых из них зависит от языковых тенденций, как, например, более частое использование пассива в английском языке по сравнению с французским, но другие возможные тенденции употребления в большей степени обязаны индивидуальному авторскому стилю и личному выбору переводчика. Рассмотрим, например, придаточное определительное предложение. Оно представлено в обоих языках, но есть случаи, когда мы не станем переводить английское придаточное определительное предложение французским из-за стилистических соображений, пример чего мы наблюдали в первом тексте (у Джойса), где два придаточных определительных были переданы соответственно в одном случае с помощью придаточных предложений, а в другом — путем сегментации.

Если мы попытаемся как-то систематизировать косвенные способы перевода английских определительных на французский язык, мы поймем, что способы их передачи следуют двум основным моделям, одна из которых идет по пути коммутации в смысле расширения группы имени существительного, а другая видоизменяет связи между предложениями. Но рассмотрение с реалистических позиций корпуса текстов, переведённых подобным образом, позволяет констатировать, что речь идет не о механических действиях, а об обоснованных решениях, причины которых мы можем попытаться найти в самом тексте или вне его. Я проиллюстрирую это наблюдение с помощью двух переводов отрывка из книги Катрин Мансфилд.

*And then in the rocky gateway the shepherd himself appeared. He was a lean, upright old man, in a frieze coat **that was covered with a web of tiny drops**, velvet trousers tied under the knee, and a wideawake with a folded blue handkerchief round the brim (Mansfield: 14).*

Puis, dans l'orifice encadré de rochers, parut le berger lui-même. C'était un vieil homme maigre et droit, vêtu d'une veste de bure **que couvrait un réseau de gouttelettes** menues, de pantalons de velours attachés sous le genou, et d'un grand feutre avec un mouchoir bleu plié et noué autour du bord (M. Duproix: 210).

Puis, dans la voûte rocheuse, s'encadra le berger en personne. C'était un vieil homme maigre et droit, vêtu d'une veste de ratine **quadrillée d'un réseau de fines gouttelettes**, d'un pantalon de velours attaché sous le genou, et coiffé d'un grand feutre avec un mouchoir bleu plié autour du bord (Merle: 15).

La première traductrice, Marthe Duproix a conservé la relative, la seconde l'a transformée en participiale. Qu'est-ce qui, finalement, a justifié ou a pu motiver la traduction de Magali Merle: on peut penser qu'elle homogénéise ainsi les compléments de cette série descriptive: tous les noms sont expansés à l'aide de participiales ("vêtu, quadrillé, coiffé"); on a ainsi une plus grande fluidité alors que la relative conservée par Marthe Duproix arrête la lecture. Le souci de faciliter la lecture tant sur le plan des groupes sonores que de la structuration apparaît également dans le fait que Magali Merle répète sous forme hyponymisée, (selon les lois de la collocation) avec "coiffé", le sémantisme de *in*, rendu une première fois à l'aide de "vêtu", la coordination utilisée par Duproix ("et d'un grand feutre") est trop éloignée du premier terme. Tout se joue ici au niveau du style, de l'homogénéité, de la logique et de la clarté.

Prenons maintenant un autre cas de traduction double autour d'une relative:

[Il s'agit d'enfants qui ont reçu en cadeau une maison de poupée et qui veulent en parler à leurs amis; l'aînée se réserve ce droit]

There was nothing to answer. Isabel was bossy, but she was always right, and Lottie and Kezia knew too well the powers that went with being eldest. They brushed through the thick buttercups at the road edge and said nothing (Mansfield: 170).

Il n'y avait rien à répondre. Isabel était autoritaire, mais elle avait toujours raison, et Lottie et Kezia n'ignoraient rien des pouvoirs inhérents à la qualité d'aînée. Sans un mot, elles poursuivirent leur marche légère au bord de la route à travers les épaisses touffes de boutons d'or (Merle: 171).

Il n'y avait rien à répondre à cela. Isabel était autoritaire mais elle avait toujours raison, Lottie et Kezia, **connaissant trop bien la valeur du droit d'aînesse**, foulaient en silence les épaisses touffes de boutons d'or qui bordaient la route (Faguer: 424).

Si l'on prend le point de vue de Magali Merle, on peut dire qu'elle crée une UT de traduction oblique à partir de la relative, c'est le début de cette proposition qu'elle fait commuter selon les lois de la paraphrase dans le paradigme de l'expansion. Marguerite Faguer fonctionne différemment: elle élargit la base de l'UT dans laquelle elle travaille; sa paraphrase s'effectue à partir de la phrase coordonnée (*Kezia knew too well the powers that went with being eldest*) qu'elle transforme en une participiale exprimant la cause et qu'elle intègre à la phrase suivante; le détail de la paraphrase comporte des aménagements lexicaux qui se rattachent à l'utilisation de clichés (**la valeur du droit d'aînesse**).

Первая переводчица, Марта Дюпруа, сохранила придаточное определительное, другая преобразовала его в причастный оборот. Что же в конечном итоге определило или могло стать причиной создания такого перевода, как у Магали Мерль? Так она унифицирует все дополнения этого описательного ряда: все группы имен существительных расширены за счет добавления причастных форм (“vêtu, quadrifillé, coiffé”); таким образом, перевод Мерль создает ощущение гораздо большей текучести и плавности, тогда как придаточное определительное, сохраненное Мартой Дюпруа, как бы приостанавливает чтение. Стремление облегчить процесс чтения как в плане создания благозвучных звуковых комплексов, так и в области структурирования текста проявляется также и в том, что Магали Мерль (согласно законам согласования) точно передает при помощи гипонимов, например используя слово “coiffé”, семантику английского *in*, в первый раз переведенного при помощи слова “vêtu”; соответствие, найденное Дюпруа (“*et d’un grand feutre*”), слишком далеко отстоит от первоначального английского варианта. Здесь все тонко обгрызается на уровне стиля, единообразия, логики и ясности.

Теперь рассмотрим другой случай двойного перевода придаточного определительного:

[Речь идет о детях, которые получили в подарок кукольный дом и хотят рассказать об этом своим друзьям; старшая оставляет это право за собой.]

*There was nothing to answer. Isabel was bossy, but she was always right, and Lottie and Kezia knew too well the powers **that went with being eldest**. They brushed through the thick buttercups at the road edge and said nothing (Mansfield: 170).*

Il n’y avait rien à répondre. Isabel était autoritaire, mais elle avait toujours raison, et Lottie et Kezia n’ignoraient rien des pouvoirs **inhérents à la qualité d’aînée**. Sans un mot, elles poursuivirent leur marche légère au bord de la route à travers les épaisses touffes de boutons d’or (Merle: 171).

Il n’y avait rien à répondre à cela. Isabel était autoritaire mais elle avait toujours raison, Lottie et Kezia, **connaissant trop bien la valeur du droit d’aînesse**, foudaient en silence les épaisses touffes de boutons d’or qui bordaient la route (Faguer: 424).

Если согласиться с решением Магали Мерль, то можно утверждать, что она создает единицу косвенного перевода для передачи придаточного определительного; она меняет начало предложения путем его развития согласно законам перефразирования. Маргарет Фаге поступает иначе: она расширяет границы той единицы перевода, с которой работает; ее перефразирование заключается в преобразовании сочинительной конструкции (*Kezia knew too well the powers **that went with being eldest***) в причастный оборот, обозначающий причину действия, о котором говорится в следующей фразе. Отчасти парафраза претерпевает и лекси-

Nous avons là véritablement un exemple de traducteur créatif, dont le travail, même s'il est commentable, nous renvoie au caractère imprévisible de la réécriture et par là même à la variabilité de l'UT.

La traductologie ne peut relever d'une seule étude linguistique car elle fait sans cesse intervenir l'interprétation dans la génération des paraphrases du texte de départ: le lecteur-écrivain qu'est le traducteur est sans cesse en train de découper des unités de lecture qu'il transcrit de façon plus ou moins globale en suivant plus ou moins les découpages du texte de départ et en intégrant sans cesse des aménagements pour construire le texte d'arrivée. Le traducteur ne suit pas forcément la syntaxe du texte de façon minutieuse et pointilleuse; il paraphrase parfois des segments qui traversent ou dépassent la syntaxe du texte de départ. La traductologie relève parfois d'une herméneutique de l'écriture.

Une traductologie réaliste se doit d'intégrer la notion de créativité et d'en explorer les implications. Il y a plusieurs types de créativité, selon qu'elle s'exerce dans le cadre large d'une réécriture du texte qui vise à le modifier en profondeur pour en faire une adaptation ou un texte dérivé, ou dans le cadre plus stricte d'une réécriture contrôlée déduite de façon identifiable à partir des formes de départ. La créativité sporadique peut apparaître au niveau des segments de texte ou de signes; on peut la définir comme un mode de reformulation original qui n'emprunte pas les voies des équivalences préétablies par les dictionnaires pour les signes et expressions (cet écart de l'équivalence établie pouvant aller, nous l'avons vu jusqu'à l'insertion ou l'effacement du signe) ou les équivalences déductibles de façon analytique ou métaopératoire pour les segments syntaxiques. On peut distinguer plusieurs types de créativité selon qu'elle est délibérée, instinctive, alternative ou nécessaire.

Certains traducteurs, d'instinct ou par goût, aiment traduire de façon créative en se détachant des formes de départ, d'autres le font sous influence, parce qu'on le leur a enseigné dans une école de traducteur. Ce que je vais examiner d'abord c'est le cas où la mise en perspective de cette créativité délibérée révèle qu'elle est alternative c'est-à-dire qu'elle pourrait être concurrencée par une traduction littérale ou indirecte déductible.

ческие трансформации, заключающиеся в использовании клише (la valeur du droit d'aînesse). Перед нами истинный пример переводчика-творца, работа которого, даже если и не бесспорна, показывает нам не только непредсказуемый характер переработки текста, но и вариативность единицы перевода.

Наука о переводе не может зависеть только лишь от лингвистического исследования, поскольку [при переводе] необходимо истолкование для перефразирования исходного текста: читатель-писатель, которым является переводчик, находится в постоянном процессе бесконечного перекраивания единиц чтения, которые он передает более или менее общим способом, следуя, в большей или меньшей мере, первоначальным очертаниям исходного текста и непрерывно изменяя его для построения окончательного варианта перевода. Переводчик не обязательно кропотливо и педантично копирует синтаксис исходного текста; он иногда перефразирует части, которые идут вразрез или выходят за рамки синтаксической структуры исходного текста. Наука о переводе исходит иногда из герменевтики писательства.

Реалистическая наука о переводе должна включать понятие творческого метода, а также изучение последствий его применения. Можно различать несколько творческих методов, в зависимости от того, идет ли речь о смелой переработке исходного текста с внесением глубинных изменений с целью адаптации или создания нового текста по мотивам оригинала либо о более осторожной переработке, предполагающей постоянную сверку с оригиналом, которая распознается при обращении к формам исходного текста. Творческий метод может проявляться спорадически на уровне отдельных частей текста или знаков; мы можем определить его как способ оригинального перевыражения, при котором переводчик не идет по пути поиска эквивалентов ни среди единиц, предлагаемых словарями для отдельных слов и выражений (отход от словарного эквивалента может достигать, как мы видели выше, изъятия либо добавления знака), ни среди единиц, выводимых аналитическим либо метаоперационным путем, когда речь идет о синтаксических конструкциях. Творческий метод может быть обдуманым, инстинктивным, альтернативным или обязательным.

Одни переводчики любят переводить в творческой манере, отходя от исходных форм, руководствуясь собственным вкусом либо интуицией, другие делают это потому, что их так научили в переводческих школах. В первую очередь я хотел бы обратиться к тому случаю, когда рассмотрение обдуманного творческого метода обнаруживает, что он на самом деле является альтернативным, иначе говоря, он мог бы быть заменен как буквальным переводом, так и косвенным, выводимым логическим путем.

[Alice vient de parler de chat à la souris.] *The Mouse gave a sudden leap out of the water, and seemed to quiver **all over** with fright. 'Oh, I beg your pardon.' cried Alice hastily, afraid that she had hurt the poor animal's feelings. 'I quite forgot you didn't like cats' (L. Carroll: 15).*

La souris fit un bond hors de l'eau et frissonna d'épouvante. "Oh! pardon, s'écria Alice, désolée d'avoir effrayé la pauvre bête, j'oubliais que vous n'aimez pas les chats" (Bay: 34).

La Souris bondit brusquement hors de l'eau, et il sembla que **tout son corps** frissonnait d'épouvante. "Oh, je te demande pardon! s'écria aussitôt Alice, craignant d'avoir froissé la pauvre bête. J'avais complètement oublié que tu n'aimais pas les chats (Parisot: 105).

La Souris bondit brusquement hors de l'eau, et parut frissonner de terreur **du museau à la queue**.

— Oh, excuse-moi, je t'en prie! s'écria vivement Alice, craignant d'avoir froissé la pauvre bête. J'avais complètement oublié que tu n'aimais pas les chats (J. Papy: 37).

La comparaison de trois traductions de cet extrait d'Alice est instructive, elle laisse paraître des traitements très différents du texte. Si l'on considère la manière dont est décrit le tremblement de la souris, on constate que Carroll utilise la locution adverbiale '*all over*'; Bay escamote cette information, ceux qui voudront prendre sa défense diront que ce détail est implicite (si la souris tremble, c'est forcément dans sa totalité); Parisot restructure la proposition et introduit le "corps" comme sujet grammatical; Papy se montre très créatif puisqu'il substitue à l'adverbe de Carroll et au 'corps' de Parisot une description physique du parcours du tremblement, "du museau à la queue", qui a un effet comique parce qu'elle est la déformation de l'expression 'de la tête au pied' adaptée au monde animal.

Certains critiqueront sans doute cette traduction au nom de l'exactitude (si l'auteur n'a pas utilisé une expression idiomatique aménagée, le traducteur ne doit pas en ajouter) mais on peut la défendre au nom du genre auquel elle s'applique: il s'agit d'un conte pour enfants qui est parcouru par l'humour de l'auteur, ce clin d'œil ajouté par le traducteur est d'un bon effet et s'inscrit dans la créativité ouverte par le genre.

De plus, si l'on revient sur un autre détail mis en évidence par la traduction de Bay, l'absence d'équivalent pour le verbe '*seem*' peut

[Алиса только что говорила с мышью о коте] *The Mouse gave a sudden leap out of the water, and seemed to quiver **all over** with fright. “Oh, I beg your pardon”. Cried Alice hastily, afraid that she had hurt the poor animal’s feelings. ‘I quite forgot you didn’t like cats’* (L. Carroll: 15).

La Souris fit un bond hors de l’eau et frissonna d’épouvante. “Oh! pardon, s’écria Alice, désolée d’avoir effrayé la pauvre bête, j’oubliais que vous n’aimez pas les chats” (Bay 1984: 34).

La Souris bondit brusquement hors de l’eau, et il sembla que **tout son corps** frissonnait d’épouvante. “Oh, je te demande pardon! s’écria aussitôt Alice, craignant d’avoir froissé la pauvre bête. J’avais complètement oublié que tu n’aimais pas les chats” (Parisot: 105).

La Souris bondit brusquement hors de l’eau, et parut frissonner de terreur **du museau à la queue**.

— Oh, excuse-moi, je t’en prie! — s’écria vivement Alice, craignant d’avoir froissé la pauvre bête. J’avais complètement oublié que tu n’aimais pas les chats (J. Papy, 1961: 37).

Сравнение трех переводов этого отрывка из “Алисы в Стране чудес” очень поучительно, поскольку позволяет продемонстрировать существование весьма разных подходов в обращении с текстом. Если рассматриваем способы, с помощью которых описана мышьяная дрожь, то отмечаем, что Кэрролл использует наречное выражение ‘all over’; Бэй пропускает эту информацию, те, кто захочет встать на его защиту, скажут, что этот нюанс значения выражен имплицитно (если мышь дрожит, то, конечно же, всем телом); Паризо перестраивает предложение и вводит “le corps”⁶ в качестве подлежащего; Папи демонстрирует очень творческий подход, поскольку заменяет наречие Кэрролла и форму “corps” у Паризо описанием физического процесса пробегания “du museau à la queue”⁷, что создает комический эффект, потому что это описание, по сути, трансформация выражения “de la tête au pied”⁸, адаптированное к животному миру.

Некоторые, возможно, раскритикуют этот перевод во имя точности (ведь, если автор не использовал подходящее к данной ситуации идиоматическое выражение, переводчик не должен его добавлять), но мы можем встать на его защиту, руководствуясь особенностями жанра переводимого текста. Речь идет о сказке для детей, которая насквозь пронизана юмором автора, и это шутивное добавление переводчика производит прекрасный эффект и вписывается в открытую самим жанром возможность для творческих решений.

Далее рассмотрим другую деталь, обратившись к переводу Бэй. Отсутствие эквивалента для глагола “seem” может быть рас-

⁶ Тело.

⁷ От морды до хвоста.

⁸ С головы до ног.

être considérée comme préjudiciable car la traduction de Bay nous donne le fait pour certain, or ceci est un conte fantastique ou l'héroïne perd ses repères, rien n'est assuré, elle est dans un monde instable et il est naturel qu'elle soit parcourue par le doute, on pourrait même proposer une variante qui introduit un rythme plus lent pour la voix du narrateur: 'et l'on aurait dit que tout son corps frissonnait de terreur'. C'est une écriture qui se poursuit dans la langue d'arrivée, au même titre qu'un auteur s'autotraduisant pourrait le faire.

Enfin, il y a des cas où la créativité s'avère nécessaire parce que la traduction littérale va donner une solution inacceptable pour des raisons linguistiques ou stylistiques:

*Only half the house — the two bedrooms and his study — was mosquito proofed. The other half, consisting of an airy dining/sitting room, kitchen and pantry, was fronted by the usual wide verandah upon which he now **damply paced*** (W. Boyd: 63).

Les dictionnaires unilingues (*OALD* et *Longman*) même s'ils enregistrent '*damply*' ne sont guère explicites sur l'utilisation de ce terme en anglais: aucune définition dans les deux cas, aucun exemple dans le *Longman*; par contre l'*OALD* donne un exemple, qui est intéressant pour le traductologue: '*the blouse clung damply to her skin*'. Tout d'abord il indique que la collocation de cet adverbe avec un verbe fait partie de la norme anglaise et n'est pas comme on pourrait le croire en traduisant l'exemple ci-dessus totalement une figure de style personnelle créée par l'auteur.

Si l'on consulte les dictionnaires de traduction on constate qu'ils ne sont pas très utiles pour résoudre le problème, mais les solutions qu'ils proposent sont intéressantes pour en percevoir la portée: le *Harrap* donne 'humidement' et le *Robert&Collins* un sens plus abstrait "sans enthousiasme, mollement".

Il est évident que le calque de cette construction est impossible en français: *"son corsage lui collait à la peau humidement" *"il arpen-tait/marchait humidement".

D'instinct, pour l'exemple du dictionnaire, un français dira plutôt: "son corsage collait à sa peau mouillée" on repart à la source d'une formulation qui pour un français apparaît comme une hypallage. Cette identification permet curieusement de baliser le travail créatif du traducteur comme une forme de retour à la norme: il s'agit de retrouver le support premier ou logique de la qualité exprimée par l'adverbe; dans le cas de l'exemple tiré de Boyd, nous avons trouvé deux traductions qui réattribuent le fait d'être mouillé à son support: "les pieds":

ценено как ошибочное, так как в этом переводе неопределенное становится определенным. А ведь это фантастическая сказка, где героиня утрачивает связь с реальностью, где нет ничего определенного. Она оказывается в зыбком мире и, естественно, постоянно пребывает в сомнениях. Можно было бы даже предложить вариант перевода, где голос рассказчика звучал бы более медленно: “et l’on aurait dit que son corps frissonnait de terreur”⁹. Речь идет о творческой переработке на языке перевода, подобной той, какую предпринял бы автор, если бы переводил себя сам.

Наконец, есть случаи, где применение творческого метода необходимо, потому что дословный перевод даст решение, недопустимое по лингвистическим или стилистическим соображениям:

*Only half the house the two bedrooms and his study — was mosquito proofed. The other half, consisting of an airy dining/sitting room, kitchen and pantry, was fronted by the usual wide verandah upon which he now **damply paced*** (W. Boyd: 63).

Все одноязычные словари (*OALD* и *Longman*), даже если в них и есть слово ‘*damply*’, ничего не говорят о том, как оно употребляется в английском языке: ни в том ни в другом словаре нет словарной статьи, Логман вообще не дает примеров, а *OALD* дает только один пример, который весьма интересен для исследователей перевода: “*the blouse clung damply to her skin*”. Прежде всего он указывает на то, что сочетание этого наречия с глаголом не выходит за рамки языковой нормы английского языка и не является, как мы могли бы подумать при переводе вышеуказанного примера, целиком и полностью авторской стилистической фигурой, созданной писателем.

Если мы посмотрим в двуязычные словари, мы поймем, что для разрешения этой проблемы польза в них невелика, но варианты перевода, которые они предлагают, весьма интересны с точки зрения широты их использования в речи: в словаре *Harrap* дается вариант “*humidement*”, а в словаре *Robert&Collins* более абстрактное значение “*sans enthousiasme, mollement*”.

Совершенно очевидно, что калькирование этой конструкции с английского во французском языке невозможно: **“son corsage lui collait à la peau humidement”* — **“il arpentait/marchait humidement”*.

Взглянув на этот пример из словаря, француз скорее всего интуитивно скажет: “*son corsage collait à sa peau mouillée*”, и мы снова возвращаемся к идее об одном интересном способе формулирования мыслей, который для француза возникает как фигура гипаллаги. Этот факт, к удивлению, позволяет проследить творческий подход переводчика, проявляющийся в возврате к норме: следовало найти первичного или логического носителя

---

⁹ “И, похоже, ее тело дрожало от страха”.

Une moitié seulement de la maison — les deux chambres et son bureau — étaient équipées de moustiquaires. L'autre moitié, était composée d'un salon — salle à manger spacieux, d'une cuisine et d'un office, et donnait en façade, sur la galerie large qu'on trouve dans la région, et qu'il arpentait maintenant, **les pieds trempés** (Rapport de Jury de CAPES d'anglais).

Le reste — un large salon, une salle à manger, la cuisine et l'office — donnait sur la traditionnelle véranda où il posait à présent **des pieds dégoulinants** (Besse: 78).

Cette identification de la figure comme voie d'accès à l'élucidation d'actes créatifs nous amène à percevoir les langues dites étrangères et les discours que l'on peut construire avec elles comme moins cloisonnés, moins opaques à l'analyse et à la déduction qu'on ne pourrait le croire. Il y a dans la notion de figure un champ ouvert à la réflexion sur la traduction comme manière de détourner les façons de dire, pour revenir à une norme ou alors, suivant en cela les conseils des adeptes de l'exotisation de la langue, comme un moyen de la forcer à dire autrement pour la rapprocher de l'autre.

La traductologie que je viens d'esquisser peut paraître déboucher sur un tableau angoissant pour ceux qui sont en quête de certitudes et de recettes. Je l'ai intitulée 'réaliste' parce qu'elle part de la réalité de la traduction, c'est-à-dire des objets produits par les traducteurs, pour essayer de remonter aux actes qui ont présidé à ces productions. Il n'est guère surprenant que partant d'un objet aux composantes multiples et hétérogènes on aboutisse à une cartographie (ou une théorisation) déroutante où se mêlent les doutes et les certitudes: le prévisible et l'imprévisible. La traduction est faite de formes à interpréter et à construire, elle dépend pour son effectuation d'un agent humain en partie soumis aux contraintes des codes linguistiques et libre dans une certaine mesure de les enfreindre, libre aussi de construire et d'interpréter. Il y a une part de prévisible dans les langues et dans la confrontation de systèmes (et donc une part de systématisation possible) mais il ne faut pas oublier la part de potentiel non exploité dans les choix et le figement que représente la construction du texte: les langues sont comme des organismes sans cesse prêts à renaître et à solliciter la créativité et la subjectivité du traducteur. La traductologie alors n'est pas un double d'une hypothétique machine à traduire, même si elle peut baliser des champs de possibles, il faut plutôt l'envisager comme un moyen de parler de la traduction et de l'explorer dans sa complexité, ses paradoxes et ses limites, or ces simples objectifs peuvent sans

признака, выраженного наречием. Для отрывка из Бойда мы нашли два перевода, где признак “быть промокшим” связан со своим носителем — “ногами”:

Une moitié seulement de la maison — les deux chambers et son bureau — étaient équipées de moustiquaires. L'autre moitié, était composée d'un salon — salle à manger spacieux, d'une cuisine et d'un office, et donnait en facade, sur la galerie large qu'on trouve dans la région, et qu'il arpentait maintenant, **les pieds trempés** (Rapport de Jury de CAPES d'anglais).

Le reste — un large salon, une sale à manger, la cuisine et l'office — donnait sur la véranda où il posait à présent **des pieds dégoûnants** (Besse: 78).

Нам удалось обнаружить использование переводчиком стилистической фигуры в качестве творческого приема. Это приводит нас к пониманию того, что называется иностранными языками и дискурсами, которые могут создаваться на основе этих языков и оказываются менее ограниченными, менее туманными для анализа и для логических построений, чем можно было бы себе представить. В понятии фигуры есть некое открытое поле для размышлений о переводе как способе изменения образа выражения. Можно либо следовать нормам переводящего языка, либо, напротив, как предлагают сторонники экзотизации языка, совершать насилие над переводящим языком, заставляя звучать его как язык “чужого”.

Наука о переводе, основы которой я попытался наметить, может предстать в виде пугающей картины для тех, кто стремится к однозначности и ищет готовые рецепты. Я назвал ее “реалистичной”, потому что она идет от реальности перевода, т.е. от продукта деятельности переводчиков к тем действиям, которые предопределили появление этого продукта. Неудивительно, что, идя от цельного объекта, включающего многочисленные и разнородные элементы, мы приходим к некоей запутанной “картографии” (или к теории), где смешиваются сомнения и уверенность, т.е. прогнозируемое и непредвиденное. Перевод создается из форм, которые нужно понять и воссоздать, он зависит от человеческого фактора, который, с одной стороны, подчинен правилам языкового кода, а с другой — свободен в некоторой степени их нарушать, т.е. свободен создавать и интерпретировать. С одной стороны, как в самих языках, так и в сопоставлении языковых систем есть нечто предсказуемое (что дает возможность частичной систематизации). Но, с другой стороны, не следует забывать о том, что есть еще некий потенциал архитектуры текста, не раскрытый в выбранных переводчиком формах или клишированных конструкциях. Языки напоминают бесконечно перерождающиеся живые организмы, готовые преобразовывать и развивать творческую манеру и индивидуальный подход пере-

doute être utiles au traducteur pour lui-même, pour avoir une meilleure conscience de ce qu'il fait (et donc être utile dans le cadre d'une formation) mais aussi dans les rapports que le traducteur entretient avec le monde pour dialoguer, se défendre et justifier ses choix s'il le souhaite.

*Перевод Н. Татарчук
Научная редакция О.И. Костиковой*

Bibliographie

- Ballard M.* De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexion (1992), réédition, Lille, Presses du Septentrion, 2007.
- Ballard M.* Le Commentaire de traduction anglaise (1992), réimpression Paris, Nathan, 2004.
- Ballard M.* Versus (vol. 1): Repérages et Paramètres, Paris, Ophrys, 2003.
- Ballard M.* Versus (vol. 2): Des Signes au Texte, Paris, Ophrys, 2004.
- Ballard Michel* (éd.). Qu'est-ce que la Traductologie?, Arras, APU, 2006.
- Berman Anloine.* "La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain" in: A. BERMAN et al., Les tours de babel, essais sur la traduction, Mauvezin, Trans-Europ-Repress, 1985, pp. 31—150.
- Hewson Lance.* "Evolution et emprise des métaphores de la traduction" in: Ballard Michel (éd.) Qu'est-ce que la Traductologie?, Arras, APU, 2006.
- Mounin Georges.* Les Belles Infidèles (1955), Lille, P.U.L., 1994.
- Mounin Georges.* Les Problèmes théoriques de la traduction, Paris, Gallimard, 1963.
- Nord Christiane.* Translating as a Purposeful activity — Functionalist Approaches Explained, Manchester, St Jerome Publishing, 1997.
- Peeters Jean.* La Médiation de l'étranger. Une sociolinguistique de la traduction, Arras, APU, 1999.
- Reiss Katherina.* Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik München, Max Hueber Verlag, 1971.
- Reiss Katherina.* La Critique des traductions, ses possibilités et ses limites, traduit de l'allemand par Catherine Bocquet, Arras, Artois Presses Université, 2002.
- Seleskovitch Danica.* L'Interprète dans les conférences internationales, Paris, Didier, 1968.
- Seleskovitch Danica* Et Lederer Marianne, Interpréter pour traduire, Paris, Didier, 1984.
- Boyd William.* A Good Man in Africa (1981), Harmondsworth, Penguin, 1982.
- Boyd William.* Un Anglais sous les tropiques, traduction de Christiane Besse (1984), Paris, Seuil (Points), 1986.
- Carroll Lewis.* Alice's Adventures in Wonderland and Through the Looking-Glass, (1er éd. 1865 et 1871, respectivement), Londres, Dent, 1964.

водчика. Таким образом, наука о переводе не является простой копией некой переводческой машины, даже если эта наука способна очертить границы возможного в переводе. Необходимо рассматривать ее скорее как способ рассуждать о переводе и исследовать это явление во всей его сложности, со всеми парадоксами и ограничениями. Ведь достижение этих простых целей могло бы быть полезно и самому переводчику, для того чтобы лучше осознавать собственные действия (а значит, и для обучения переводу). Оно полезно и для осознания отношений переводчика с окружающим миром, для ведения с ним диалога, для защиты и, если нужно, оправдания своего выбора.

Перевод Н. Татарчук
Научная редакция О.И. Костиковой

Список литературы

- Ballard Michel*. De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions (1992), réédition, Lille, Presses du Septentrion, 2007.
- Ballard M.* Le Commentaire de traduction anglaise (1992), réimpression Paris, Nathan, 2004.
- Ballard M.* Versus (vol. 1): Repérages et Paramètres. Paris, Ophrys, 2003.
- Ballard M.* Versus (vol. 2): Des Signes au Texte. Paris, Ophrys, 2004.
- Ballard Michel* (éd.). Qu'est-ce que la Traductologie? Arras, APU, 2006.
- Berman Antoine*. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain // A. Berman et al. Les tours de babel, essais sur la traduction. Mauvezin, Trans-Europ-Repress, 1985. P. 31—150.
- Hewson Lance*. Evolution et emprise des métaphores de la traduction // Ballard Michel (éd.), Qu'est-ce que la Traductologie? Arras: APU, 2006.
- Mounin Georges*. Les Belles Infidèles (1955). Lille, P.U.L., 1994.
- Mounin Georges*. Les Problèmes théoriques de la traduction. Paris: Gallimard, 1963.
- Nord Christiane*. Translating as a Purposeful activity Functionalist Approaches Explained. Manchester: St Jerome Publishing, 1997.
- Peeters Jean*. La Médiation de l'étranger. Une sociolinguistique de la traduction. Arras: APU, 1999.
- Reiss Katherina*. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik. München: Max Hueber Verlag, 1971.
- Reiss Katherina*. La Critique des traductions, ses possibilités et ses limites, traduit de l'allemand par Catherine Bocquet. Arras Artois Presses Université, 2002.
- Seleskovitch Danica*. L'Interprète dans les conférences internationale. Paris: Didier, 1968.
- Seleskovitch Danica*. Lederer Marianne. Interpréter pour traduire. Paris: Didier, 1984.
- Boyd William*. A Good Man in Africa (1981). Harmondsworth: Penguin, 1982.
- Boyd William*. Un Anglais sous les tropiques, traduction de Christiane Besse (1984). Paris: Seuil (Points), 1986.
- Carroll Lewis*. Alice's Adventures in Wonderland and Through the Looking-Glass (1e éd. 1865 et 1871, respectivement), Londres, Dent, 1964.

- Carroll Lewis*. Alice au pays des merveilles, traduit de l'anglais par Jacques Papy, Paris, Jean-Jacques Pauvert (1961), Folio junior, 1982.
- Carroll Lewis*. Alice's Adventures in Wonderland, Les aventures d'Alice au pays des merveilles, chronologie, préface et bibliographie par Jean Gattégno, traduction par Henri Parisot, Paris, Aubier Flammarion, 1970.
- Carroll Lewis*. Alice au pays des merveilles suivi de De l'autre côté du miroir, traduction d'André Bay (1981), Paris, Marabout, 1984.
- Chartier Delphine*. GIRARD Geneviève et RIVOALLAN Hervé, Les Amphis de la Cinquième, (Cours de traduction, licence d'anglais), Nancy, Nancy 2 Vidéoscop, 1998. [série de cinq émissions enregistrées sur cassettes VHS]
- Joyce James*. Dubliners, réimpression (1914), Harmondsworth, Penguin, 1970.
- Joyce James*. Dubliners, with an introduction and notes by Terence Brown, Harmondsworth, Penguin, 1992.
- Joyce James*. Gens de Dublin, traductions de Yva Fernandez, Hélène du Pasquier, Jacques-Paul Raynaud, Préface de Valéry Larbaud, Paris, Plon (Presses Pocket), 1982.
- Joyce James*. Dublinois, traduit de l'anglais par Jacques Aubert, (1974), Paris, Gallimard (Folio), 1993.
- Mansfield Katherine*. 'At the bay' and other Short Stories / "Sur la baie" et autres nouvelles, traduction et notes de Magali Merle, Paris, Livre de poche (Les langues modernes serie "bilingue) 1988.
- Mansfield Katherine*. "Le vent soufflé traduction de J.-G. Delamain [1932]; "Sur la baie" traduction de Marthe Duproix [1932]; "La maison de poupée" traduction de Marguerite Faguer in: K. Mansfield, Œuvre Romanesque (1966), Paris, Stock, 1977, pp. 209—256.
- Orwell George*. Nineteen Eighty-four, réimpression (1949), Harmondsworth, Penguin, 1961.
- Orwell George*. 1984, traduction française d'Amélie Audiberti, Paris, Gallimard, 1950 (Folio 1972). Rapport de jury de CAPES, 1991.

- Carroll Lewis*. Alice au pays des merveilles, traduit de l'anglais par Jacques Papy, Paris, Jean-Jacques Pauvert (1961), Folio junior, 1982.
- Carroll Lewis*. Alice's Adventures in Wonderland, Les aventures d'Alice au pays des merveilles, chronologie, préface et bibliographie par Jean Gattégno, traduction par Henri Parisot, Paris, Aubier Flammarion, 1970.
- Carroll Lewis*. Alice au pays des merveilles suivi de De l'autre côté du miroir, traduction d'André Bay (1981), Paris, Marabout, 1984.
- Chartier Delphine*. Girard Geneviève, Rivoallan Hervé. Les Amphis de la Cinquième, (Cours de traduction, licence d'anglais), Nancy, Nancy 2 Vidéoscop, 1998. [série de cinq émissions enregistrées sur cassettes VHS]
- Joyce James*. Dubliners, réimpression (1914), Harmondsworth, Penguin, 1970.
- Joyce James*. Dubliners, with an introduction and notes by Terence Brown, Harmondsworth, Penguin, 1992.
- Joyce James*. Gens de Dublin, traductions de Yva Fernandez, Hélène du Pasquier, Jacques-Paul Raynaud, Préface de Valéry Larbaud, Paris,, Plon (Presses Pocket), 1982.
- Joyce James*. Dublinois, traduit de l'anglais par Jacques Aubert, (1974), Paris, Gallimard (Folio), 1993.
- Mansfield Katherine*. 'At the bay' and other Short Stories / "Sur la baie" et autres nouvelles, traduction et notes de Magali Merle, Paris, Livre de poche (Les langues modernes série "bilingue") 1988.
- Mansfield Katherine*. "Le vent souffle", traduction de J.-G. Delamain [1932]; "Sur la baie" traduction de Marthe Duproix [1932]; "La maison de poupée" traduction de Marguerite Faguer in: K. Mansfield, Œuvre Romanesque (1966), Paris, Stock, 1977, pp. 209—256.
- Orwell George*. Nineteen Eighty-four, réimpression (1949), Harmondsworth, Penguin, 1961.
- Orwell George*. 1984, traduction française d'Amélie Audiberti, Paris, Gallimard, 1950 (Folio 1972). Rapport de jury de CAPES, 1991.

О.И. Костикова

К ОСНОВАНИЯМ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КРИТИКИ

The article deals with the history of translation criticism. It proves that the theory of translation criticism is to have the same semiotic foundations as the theory of translation and demonstrates that it is necessary to establish the principle categories of this field of knowledge. The article emphasizes that it is essential to differentiate between the subject of literary criticism and that of translation criticism.

Ключевые слова/Keywords: *категории переводческой критики, межъязыковая и межкультурная коммуникация, семиотика, сравнительное литературоведение, герменевтика, теория перевода, литературная критика.*

На протяжении многих веков результаты переводческой деятельности постоянно оказываются объектом критики. Стремление судить о переводе связано с его онтологической сущностью. По своей природе перевод — вторичен. Поэтому, с одной стороны, постоянно возникает вопрос о соответствии этого “вторичного” продукта “первичному”, т.е. оригиналу. С другой стороны, являясь “вторичным”, перевод потенциально оказывается хуже оригинала, в нем всегда можно обнаружить изъяны и дефекты. “Все аргументы против перевода, — писал Жорж Мунен, — сводятся к одному: он не оригинал”¹. Именно в этом кроются причины переводческого скептицизма.

В то же время сегодня вряд ли кто-нибудь станет отрицать коммуникативные достоинства результатов переводческого труда, их роль в межъязыковой и межкультурной коммуникации, их вклад в развитие национальных языков и литератур. Этот аспект, а именно оценка перевода с точки зрения его места в принимающей литературе, ложится в основу традиционных критических разборов, выполняемых в рамках литературоведческого подхода к переводу. Однако такой односторонний взгляд, свидетельствующий скорее о литературных способностях переводчика, чем о “мастерстве перевыражения”, оказывается недостаточным. Об этом говорят многие современные исследователи, отмечая слабость или даже отсутствие полноценной критики перевода и указывая на необходимость теоретических разысканий в этой области.

Издатели жалуются на снижение качества переводной литературы при резком увеличении ее объемов. Переводчики в свою

очередь объясняют, что выбор того или иного перевода для публикации часто продиктован политикой издателя, нередко весьма субъективной и подверженной влиянию моды.

Несмотря на очевидную потребность в переводческой критике, теоретических разработок в этой области пока не достаточно. Можно говорить о том, что переводческая критика как раздел науки о переводе еще не состоялась: нет четкого определения ее предмета и объекта, не выделены основные категории, не сформулированы задачи. Разумеется, в рамках одной статьи мы вряд ли сможем построить полную и стройную теорию переводческой критики. Мы постараемся выделить категории, которые позволят анализировать перевод с точки зрения не только его места в принимающей литературе, но и его функции в межъязыковой и межкультурной коммуникации. Такой подход, на наш взгляд, позволит выйти за рамки собственно литературоведческих критериев оценки перевода и переместить анализ в другую плоскость, где предметом исследования будет целесообразность принимаемых переводчиком решений, устанавливаемая на основе анализа переводов в сопоставлении с оригинальными текстами. Это может способствовать развитию теории переводческой критики и повысить ее продуктивность, т.е. способность приносить конкретные результаты, подготавливая почву для новых переводов.

В качестве фактического материала мы будем опираться на переводы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на французский язык, выполненные в 1884, 1960 и 1996 году. Данный выбор обусловлен, во-первых, постоянным повышенным интересом западных читателей к творчеству Достоевского, в частности к данному роману. Этот интерес стимулирует многократное обращение к нему переводчиков. В то же время переводческие концепции, стратегии переводческого выбора постоянно изменяются как под воздействием литературных вкусов, отношений читателей к художественному тексту, так и в результате развития семиотики, сравнительного литературоведения, герменевтики и теории перевода. Происходят изменения и в литературном языке, меняется культурно-исторический контекст.

Вторая причина, побудившая нас обратиться к этим произведениям, заключается в том, что переводчики (П. Паскаль и А. Маркович) представили в комментариях, статьях и других публикациях свое видение переводческой стратегии и сделали попытку объяснить свои решения. Таким образом, появилась возможность не только оценить тексты переводов по результа-

там их сравнения с текстом оригинала, но и сопоставить замыслы переводчиков с теми результатами, к которым они пришли.

Попытки критического взгляда на перевод имеют длительную историю. Можно с уверенностью сказать, что критика перевода в ее донаучной форме появилась вместе с самим переводом.

Постоянный интерес к результатам переводческой деятельности со стороны критиков, в роли которых могли выступать как сами переводчики, так и литературные и общественные деятели разных эпох, во многом способствовал зарождению и формированию теории перевода, а также развитию переводческой практики. Порицание, иногда высмеивание, переводческих просчетов и ошибок, выведение норм “правильного” или “хорошего” перевода, составлявшие суть критических рассуждений, вызывали к жизни новые версии, в которых переводчики стремились превзойти своих предшественников, соблюдая или отрицая существующие нормы, создавая собственную этику и эстетику перевода, чем вновь привлекали внимание критиков. Такое “движение по спирали” обусловлено самой диалектикой перевода.

Если применить гегелевскую диалектическую триаду (тезис, антитезис и их синтез), определяющую развитие того или иного явления, к теории перевода, то станет очевидным, что пока существует “борьба” тезиса и антитезиса, выраженных в целом ряде переводческих антиномий², перевод как деятельность, представляющая их синтез, а соответственно теория перевода и переводческая критика не перестанут развиваться.

Начала переводческой критики восходят к работам филолога, теолога, писателя и переводчика раннего Средневековья, автора известной “Вульгаты” Св. Иеронима. В “Апологии против Руфина” Св. Иероним в острой и полемичной форме критиковал неточный перевод “Начал” Оригена, выполненный Руфином, посвятив этому несколько томов. За критикой последовал собственный перевод, противопоставлявшийся переводу Руфина. Критические высказывания в адрес переводческой концепции самого Иеронима побудили его написать “Письмо Паммахию”, которое является, по сути, первым трактатом по теории перевода. Таким образом, критика переводов, сделанных Иеронимом, “явилась движущей силой, заставившей его осмыслить свои переводческие принципы, сформулировать собственную переводческую концепцию и затем изложить ее для оправдания своих действий перед современниками”³.

В эпоху Возрождения выходит в свет критический трактат итальянского гуманиста, канцлера Флорентийской республики Леонардо Бруни “De interpretatione recta” (Об искусном переводе), поводом для которого послужили неверные перево-

ды с греческого на латинский. Именно в трактате Бруни можно найти первую стройную типологию переводческих ошибок.

Через сто лет после Бруни французский поэт Ж. дю Белле резко критикует “предателей-перелагателей”, ставя под сомнение саму возможность художественного перевода.

Еще через сто лет один из первых членов Французской Академии К.-Г. Баше де Мезириак пишет подробный трактат “De la traduction” (О переводе), подвергая критическому анализу лучшую работу “короля переводчиков” XVI в. Жака Амио — перевод на французский язык “Сравнительных жизнеописаний” Плутарха.

Немецкий романтизм также внес свою лепту в критику перевода. Некоторые современные ученые (см., напр., А. Берман) склонны считать, что переводческая критика начинается именно с немецкого романтизма, развивавшего философские идеи Канта в литературном творчестве. В работах немецких романтиков Гердера, Гёте, Гельдерлина, Гумбольта, Новалиса, Шлегеля и Шлейермахера перевод предстаёт как одно из важных средств обогащения и развития переводящего языка и культуры. Возникает новая антиномия, чрезвычайно важная для переводческой критики, а именно антиномия “своего” и “чужого” в литературе.

В России традиции переводческой критики существуют с XVIII в. Так, Третьяковский критиковал стиль переводов Сумарокова, а в рассуждениях Карамзина изящность стиля уже становится основным аргументом, влияющим на положительную оценку переводов. В начале XIX в. разгорается жаркая дискуссия по поводу русских переложений баллады Бюргера “Ленора”, сделанных Жуковским и Катениным. Спор велся вокруг категории “народности”. Критика этих переводов способствовала формированию переводческой концепции Жуковского, выразившейся в его поздних переводах, в частности поэзии Гомера. Критику переводов можно обнаружить в работах Бестужева, Белинского, Тургенева, Дружинина, Короленко, Брюсова и многих других русских писателей и поэтов.

В более поздний период, в XX в., критика переводов продолжает развиваться главным образом в работах поэтов и писателей-переводчиков (см., напр.: А. Блок, М. Горький, М. Цветаева, К. Чуковский и др.). Критические замечания в адрес первых лингвистических теорий перевода делались также с литературоведческих позиций. И. Кашкин критиковал А. Федорова за то, что его переводы, построенные на основе разработанной им лингвистической теории, оказывались слишком “сухими и вялыми”.

Но несмотря на то что перевод издавна является объектом критики, теория переводческой критики не может считаться

полностью разработанной. Более того, по общему мнению переводоведов, на сегодняшний день переводческая критика как научное направление еще не состоялась. Причин этому несколько. Во-первых, на протяжении многих столетий в поле зрения критики попадали главным образом тексты переводов; сравнение с текстами оригиналов далеко не всегда составляло основу их оценки. Поэтому речевые произведения, созданные переводчиками, обычно анализировались с тех же позиций, что и произведения литературы, созданной на переводящем языке. Они должны были соответствовать литературным нормам и вкусам читателей принимающей культуры. Поэтому естественным образом “переводческая критика” оказывалась одной из ветвей литературоведения и практически не имела никакого отношения к теории перевода. Собственно переводческие, т.е. трансформационные, действия, их рациональность и обусловленность, а также их сущность фактически не входили в круг интересов литературной критики. Во-вторых, развивающаяся теория перевода старалась воздерживаться от критических замечаний в отношении переводчиков. Теория перевода изучала пути преодоления переводческих трудностей, различные типы переводческих трансформаций, но не пыталась оценить их необходимость.

В настоящее время нередко слышны жалобы как на отсутствие критики (см., напр., П.М. Топер), так и на неразработанность объективных критериев для оценки качества переводов. Эта тема выходит на первый план в профессиональных переводческих кругах в Европе и в Америке. Проблема обеспечения и контроля качества переводов регулярно обсуждается в ходе съездов, конференций и коллоквиумов, проводимых переводческими сообществами по всему миру.

В теоретических работах зарубежных исследователей понятие “переводческая критика” утверждено в научном обиходе. Но вопрос о научности критического подхода продолжает оставаться открытым (см., напр.: А. Берман, В. Вилс, В. Коллер, А. Мешонник, А. Попович, К. Райс, Я. Славинский, Дж. Хауз). Отсутствие профессиональной критики, как и много веков назад, вынуждает переводчиков самих становиться критиками.

Теоретики перевода сетуют на то, что при рецензировании переводного произведения перевод оценивается не в своем **переводческом качестве**, а лишь с точки зрения соответствия стилю и нормам переводящего языка. Такая критика сводится к утверждениям, которые почти всегда сомнительны и ничем не доказаны, вроде “переведено гладким языком”, “читается как оригинал”, “прекрасно переведено”, а рецензенты обычно не тратят

времени на сравнение перевода с оригиналом. К тому же нередко, подвергая критике произведение иностранного автора, суждения выносят не по оригиналу, а по переводу, т.е. “о писателе судят по его заместителю — переводчику, даже не упоминая об этом”⁴. При таком подходе переводческая критика мало чем отличается от критики литературоведческой, в то время как разница между ними весьма существенна. Критика перевода отличается от литературной критики следующими чертами:

1. Критик перевода рассматривает два коммуникативных акта: произведение, созданное и “отправленное по каналам коммуникации” на языке оригинала, и произведение, созданное на языке перевода.

2. Литературный критик имеет дело с актуальной литературной продукцией и является современником ее рождения и реакции на нее читателей. Цель литературного критика — оценить перевод с точки зрения стилистических норм воспринимающего языка.

Переводческая критика непременно обращается к оригиналу. Разница между критиком-компаративистом, работающим с двумя текстстами, и литературным критиком заключается в том, что первый стремится оценить в переводчике “мастера перевыражения”, тогда как второй оценивает результат переводческого труда с точки зрения литературной ситуации, ожиданий от переведенной книги в историко-литературном и читательском контексте.

Современные подходы к переводческой критике предполагают в первую очередь анализ и оценку действий переводчика именно с точки зрения межъязыковой и межкультурной коммуникации. Художественный перевод рассматривается как особый жанр литературы. Современные исследователи, в частности А. Берман и др., опираясь на идеи Шлейермахера, Гёте и других немецких романтиков, вновь заявляют о том, что переведенный текст не должен расцениваться только с точки зрения принимающей литературы.

Несмотря на довольно обидные определения перевода — “литературный метис”, “внебрачный ребенок”, “беспородный” и т.п., в подобном взгляде безусловно усматривается рациональное зерно, которое позволяет иначе взглянуть на текст перевода, а соответственно, и иначе оценить деятельность переводчика.

Текст перевода неизменно сохраняет в себе черты двух культур, двух литератур и двух языков. Эта двойственность является постоянной характеристикой любого перевода. Ее нарушение ведет к так называемым “переводческим предательствам”.

Как бы то ни было, большинство критических работ по переводу на сегодняшний день носят субъективный характер и зачастую имеют тенденцию анализировать перевод в рамках существующих в литературоведении канонов. Если же критик возьмет на себя смелость сравнить перевод с оригиналом, то, как правило, такая критика сводится к негативным суждениям, к поиску недостатков и переводческих неудач. Однако эти недостатки, неудачи, потери неизбежны, так как никакой перевод не в состоянии быть полной иноязычной копией оригинала.

Тем не менее «рост интереса к переводческой критике, который явно прослеживается за последнее время, говорит о растущем значении перевода в современном мире, ибо критика всегда связана с осознанием сущности явления»⁵.

Таким образом, переводческая критика является специфическим и самостоятельным явлением культурной и общественной жизни. Она связана как со сравнительным литературоведением, так и с теорией перевода, и имеет, как и последняя, индуктивный и аналитический характер. Критика связывает теорию перевода с переводческой практикой.

Теория перевода предоставляет переводческой критике научный инструментарий, который помогает критике ориентироваться в выборе предмета анализа и способствует разработке методологии критических исследований.

Онтологически переводческая критика близка переводу, так как в ее основе также лежит интерпретирующая деятельность. Этот тезис представляется весьма важным. Он позволяет построить теорию переводческой критики на общих с теорией перевода основаниях. Если принять семиотический подход в качестве основного в теории перевода, то и теория переводческой критики может быть построена на тех же семиотических основаниях.

Выбрав семиотические основания для построения теории переводческой критики, мы определяем перевод как интерпретирующую системную деятельность. Мы исходим из того, что при переводе неизбежно происходит преобразование системы смыслов, заключенных в исходном тексте. Перевод интерпретирует смыслы, выраженные комбинациями знаков исходного языка, новыми комбинациями знаков другого языка. При этом смыслы, воплощенные в знаках исходного языка, могут оставаться неизменными, трансформироваться или деформироваться.

Семиотический подход, принятый в общей теории перевода, позволяет взглянуть на перевод с точки зрения трех типов отношений, выделяемых в семиотике, а именно отношения знака к реальной действительности (семантический аспект), отноше-

ния знака к участникам коммуникации (прагматический аспект), отношения знака к другим знакам как в микро-, так и в макро-контексте (синтаксический аспект).

Теория перевода исследует переводческую деятельность, устанавливает закономерности этого процесса, ищет наиболее целесообразные обоснованные пути преодоления межъязыковой и межкультурной асимметрии, т.е. ее объектом оказывается процесс перевода. Теория перевода, таким образом, в большей степени направлена на закономерности порождения речевых произведений в процессе перевода.

Переводческая критика направлена главным образом на результат этого процесса, т.е. на текст перевода. Она также определяет закономерность и целесообразность переводческих решений, но уже с другой стороны — со стороны продукта переводческой деятельности, как в его сравнении с текстом оригинала, так и в общем контексте принимающего языка и литературы.

Построение теории переводческой критики на тех же, а именно семиотических основаниях, что и теория перевода, служит основой поиска и выработки критериев для более объективной критической оценки целесообразности переводческих решений.

В то же время было бы наивным полагать, что оценка перевода, как и любая оценка вообще, может быть абсолютно объективной, какие бы критерии она не использовала. Ее субъективность обусловлена индивидуальностью критика, его когнитивным опытом, его представлениями о переводе.

Основу переводческой критики составляет интерпретирующая деятельность. А всякая интерпретация — субъективна. Но признать полностью субъективный характер переводческой критики означает отказаться от поиска объективных критериев оценки перевода, что переносит переводческую критику в область индивидуальных представлений. На самом деле в основе субъективной интерпретации лежат определенные объективные закономерности, которые и следует вывести с тем, чтобы разработать методологию переводческой критики. И эти закономерности можно попытаться найти в теории перевода, которая уже выработала отдельные критерии, позволяющие объективно оценить неизбежные преобразования и возможные утраты. Тем не менее, как справедливо отмечал Ю. Найда, “оценка того или иного перевода невозможна без принятия во внимание множества факторов, которые в свою очередь могут быть рассмотрены с разных позиций. Полученные при этом результаты могут не совпадать”⁶.

Интерпретация, лежащая в основе переводческой деятельности, отличается от интерпретации, осуществляемой критиком.

Переводчик, знакомясь с текстом оригинала, расшифровывает систему смыслов и формирует свой виртуальный объект и ищет в языке перевода подходящие для реконструкции этого объекта средства. Несмотря на то что переводчик неоднократно осуществляет переход от текста оригинала к виртуальному объекту и обратно, а также от виртуального объекта к тексту перевода и обратно, в целом его действия имеют ярко выраженный поступательный характер.

Критик действует по иной схеме. Он знакомится с текстом оригинала и перевода, поэтому в отличие от переводчика он работает с двумя виртуальными объектами, сравнивая их между собой, выявляя их сходство и различие. В то же время необходимо учесть, что данные виртуальные объекты не являются “идеальными” категориями: они есть не что иное, как виртуальный объект перевода и оригинала, отраженные в сознании критика.

Перевод при этом не может оцениваться как формальный переход от текста А к тексту Б, как результат “клонирования” оригинала. Определяя перевод как вид межъязыковой и, шире, межкультурной коммуникации, нельзя отрицать, что центральной фигурой в нем является переводчик. Тот факт, что переводчик выступает не простым механическим передаточным звеном в процессе такой коммуникации, а проявляет себя как “творческая личность”, отмечается большинством исследователей (см., напр.: К. Раис, А.Д. Швейцер, П.М. Топер, А. Попович, Э. Кари, Ж. Мунен, А. Берман и др.). “Едва ли удастся адекватно описать процесс перевода, — пишет А. Швейцер, — не учитывая того, что он осуществляется не идеализированным конструктом, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате”⁷. В связи с этим принято говорить о неизбежной субъективной составляющей любого переводческого процесса, проявляющейся как на этапе интерпретации, так и на этапе создания нового текста на языке перевода. “Субъективную составляющую”, в которой воплощается творческая индивидуальность переводчика, приводят обычно в пример как одно из объяснений потенциальной множественности переводов⁸.

Вместе с тем понятие творческой личности в теории перевода остается не достаточно разработанным, что отмечается многими исследователями (см., напр.: Г. Гачечиладзе, П.М. Топер, А. Берман и др.). Индивидуальность переводчика как творческой личности стремятся скорее устранить из переводческого процесса, нежели определить ее статус, хотя любое отклонение от текста оригинала определяется прежде всего творческими

принципами переводчика и восходит к избранной им стратегии. Как бы исследователи ни относились к рассматриваемому понятию, без упоминания, хотя бы вскользь, о личности переводчика не обходится ни одна теоретическая работа. Однако при этом основные аспекты деятельности переводчика именно как творческой личности носят не системный, а фрагментарный, разрозненный характер.

Таким образом, необходимость сделать личность переводчика объектом исследований, определить ее место в методологической системе переводоведения представляется очевидной. Еще более важное значение системный взгляд на личность переводчика имеет для переводческой критики, которая не может не учитывать “человеческий фактор” при оценке перевода.

Поэтому на основе обобщения существующих теоретических взглядов необходимо определить основные категории, имеющие отношение к индивидуальным аспектам деятельности переводчика.

Понятие “индивидуальности субъекта перевода” для критики не подходит прежде всего потому, что индивидуальность, тем более творческая, воплощаясь как нечто специфическое, неповторимое в конкретном индивиде, является умозрительной категорией, для описания которой трудно задать четкие параметры. В связи с этим необходимо найти некую операционную логическую категорию, которая отвечала бы требованиям системности. Под системностью мы понимаем такое свойство объектов и явлений, которое предполагает единство взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов, образующих некую структуру. В качестве такой категории мы предлагаем использовать понятие “переводческой концепции” как систему связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов, определяющих стратегию перевода конкретного произведения.

Предлагаемый опыт систематизации категорий, определяющих субъективный фактор, т.е. “присутствие” переводчика в тексте, основывается на идеях французского теоретика и критика перевода Антуана Бермана⁹.

Переводческая концепция формируется тремя составляющими: “переводческим горизонтом”, “переводческой позицией” и “переводческим замыслом”.

Методика критического анализа переводных произведений не может ограничиваться линейным поэлементным сопоставлением двух текстов. С учетом понятия переводческой концепции методы критического анализа, имеющие обязательную сопоставительную основу, включают следующие аспекты:

Параметры сопоставлений	Формы сопоставлений
1. Объем анализируемого текста	А) случайная выборка Б) сплошной анализ
2. Количество сопоставляемых текстов	А) единичное сопоставление Б) множественное сопоставление
3. Объекты анализа	А) оригинал/перевод Б) текст/метатекст В) переводческий замысел/перевод Г) собственно переводческая литературная деятельность

Сочетание приведенных типов анализа в синтетическом подходе к сопоставлению переводных текстов представляется как наиболее продуктивный метод критического разбора.

На фоне переводческой концепции деформации могут рассматриваться как результат определенной стратегии перевода. В этом случае деформации отражают замысел переводчика, изначально планирующего внесение тех или иных изменений либо в систему смыслов, заключенную в тексте оригинального произведения, либо в способ формального отражения этой системы. Так, прозаический перевод стихотворного произведения представляет собой деформацию формы. С другой стороны, переводческие добавления или опущения, которые либо привносят, либо, напротив, устраняют некоторые “кванты смыслов”, представляют собой деформации системы смыслов.

Деформации могут представлять собой и результат неосознанных действий переводчика, создающего свой виртуальный объект, т.е. таких трансформаций, которые неоправданно искажают заданную оригиналом систему смыслов. Такие неоправданные трансформации, обычно квалифицируемые как “переводческие ошибки”, “искажения”, “неточности” и т.п. также определяются как деформации. Они связаны с ошибочными действиями переводчика как на этапе восприятия исходного текста, так и на этапе выбора средств и форм выражения при создании текста перевода. Оба типа деформаций определяются по результату переводческой деятельности.

На основании вышеизложенных теоретических положений рассмотрим результаты трансформационных операций, предпринятых переводчиками произведения Достоевского, и оценим их обоснованность.

Анализ последнего перевода Достоевского, выполненного в 90-х гг. XX в.¹⁰, показал наличие в тексте всех типов деформаций. Переводческий замысел состоял в том, чтобы представить современному французскому читателю Достоевского в том виде, в ка-

ком он существует в русском языке. Переводчик исходил из того, что современному французскому читателю интересно уже не столько содержание хорошо известного русского романа¹¹, сколько то, **как** он написан по-русски. Переводчик — Андре Маркович — четко следует своему кредо: “Перевод — это прежде всего прочтение и личная интерпретация прочитанного”. Он часто объясняет свой выбор, напоминая тем самым, что перевод его — субъективен и отражает только его собственное восприятие романа.

Текст этого перевода воспринимается французским читателем как экзотическое явление, нечто новое в переводной литературе. Переводчик идет по пути отказа от устоявшихся во Франции традиций создания “отшлифованного” и “офранцузенного” текста. Его текст в большей степени соответствует представлению о переводе как о “чужом”, о “литературном метисе”, которое встречалось еще у немецких романтиков.

Однако нельзя не увидеть в тексте Марковича дань современной переводческой моде. Его замысел, определивший стратегию переводческих решений, изменяет **прагматическую** основу оригинала. Как известно, текст Достоевского характеризуется “небрежением стиля”, свойственным устной разговорной речи. В то же время роман Достоевского воспринимается современным русским читателем как литературное произведение. Перевод воспринимается современным французским читателем иначе. Обилие конструкций, свойственных только спонтанной устной речи (нарушенный порядок слов, множество анафорических местоимений и дополнений, нарушение принятой в языке сочетаемости слов и т.д.), делает текст перевода “чужим” традициям французского литературного стиля. Традиционно французская литературная речь значительно отличается от устной речи, что отмечалось многими исследователями-стилистами. Это различие более существенно, чем в русском языке. В этом состоит причина нарушения прагматики текста. Если русский текст воспринимается русским читателем однозначно как литературное произведение, то французский текст перевода предстает как литературный эксперимент. Следует отметить, что данный литературный эксперимент был подготовлен творчеством французских писателей, новаторов в области стиля, таких как Кено, Селин и др.

В соответствии с современной переводческой модой, текст Марковича сопровождается обширным метатекстом, включающим текстологические, культурологические и лингвистические комментарии как в виде сносок, так и в форме “послесловия к переводу”. Маркович избегает использования примечаний, сделанных другими переводчиками, и комментирует либо новые фрагменты, либо те, в пояснениях к которым его предшественники не были точны.

Так, переводчик подчеркивает, что тема *преступления* красной нитью проходит через весь роман, начиная с заглавия. В русском языке слова “*преступление*” и “*n(e)реступить*” — однокоренные, причем последнее имеет буквальное значение: “*перейти через что-л.*”; и переносное: “*нарушить что-л.*”. Каждый раз, когда слово “*переступить*” встречается в оригинале, происходит игра на его полисемичности, актуализирующая сразу оба этих значения. Во французском языке эту специфику передать невозможно, и каждый раз приходится выбирать между “*commettre un crime*” (*совершить преступление*) — “*transgresser/enfreindre la loi*” (*нарушить закон*) — “*franchir une limite*” (*перейти черту*). Ассоциативная связь между этими выражениями ослаблена. Интересно заметить, что изначально глагол “*transgresser*” (от латинского *trans-* = *пере-/gredi* = *-ступать, шагать*) был близок по своим значениям к русскому “*переступить*”. Но в современном французском языке он употребляется только в значении “*нарушить*”. Считая необходимым раскрыть перед читателем механизм создания темы преступления в тексте романа, переводчик комментирует внутреннюю форму русских слов “*преступление*” и “*переступить*”.

В результате нашего исследования выяснилось, что примечания Марковича не всегда безупречны. Тесная связь романа с религиозной тематикой заставляет переводчика внимательнее относиться к некоторым фрагментам текста, утратившим для современного русского читателя ассоциации со Священным Писанием. В этой связи показательны комментарии к словам “*исход*” и “*убивец*”. Маркович замечает, что слово “*исход*” в русском языке может означать “*конец*”, “*решение*”, а также вторую книгу из Пятикнижия Моисеева — “*Исход*”. Слово “*убивец*”, по мнению переводчика, относится одновременно и к просторечию и к библеизмам. Эти комментарии вызывают сомнения. Во-первых, библейские аллюзии Достоевского чаще всего связаны с текстами Нового, а не Ветхого Завета, а во-вторых, значение слова “*исход*” каждый раз ограничивается контекстом, в котором, “*исход*” понимается двояко и как “*конец*↓” и как “*решение*↑”, отражая авторский замысел при выборе именно этого слова. Что касается слова “*убивец*”, то оно представляет собой свойственное просторечию изменение формы слова посредством эпентезы (ср.: *радиво, ндрав*), характерное для речи персонажа, представляющего мещанство, и не оказывается связанным с русским текстом Библии. Комментарий к слову “*убивец*” представляет интерес еще и потому, что иллюстрирует концепцию переводчика, который видит главную трудность перевода Достоевского в том, что в русской культуре, по его мнению, язык народа и язык Библии — суть один и тот же, “*исполненный бла-*

городства и достоинства”. Во французской же культуре “язык народа считается вульгарным”. Здесь, по мнению переводчика, кроется основная причина частичной непереводимости (относительной переводимости) данного произведения.

Следует отметить, что комментарии Андре Марковича к роману Достоевского “Преступление и наказание” имеют значение как первая попытка обратить внимание читателей, исследователей и, может быть, будущих переводчиков на своеобразие языка писателя, воссоздание которого на французском языке — сложная задача.

Деформации смыслов, встречающиеся в комментариях, затрагивают главным образом **семантический** аспект. Они демонстрируют особенности индивидуальной интерпретации смыслов оригинального произведения, обусловленные тем, что переводчик строит свой виртуальный объект на основе заданной идеи: продемонстрировать соотнесенность текста Достоевского с текстом Библии. Поэтому отдельным формам произведения приписываются такие смыслы, которые по сути отсутствуют в оригинале.

Семантические деформации отчетливо прослеживаются при сопоставлении перевода Марковича с переводами его предшественников. В качестве примера можно привести варианты перевода имени и звания персонажа — мичман Дырка — представляющего собой аллюзию на пьесу Гоголя “Женитьба”: “Мужик убежит, модный сектант убежит — лакей чужой мысли, — потому ему только кончик пальчика показать, как мичману Дырке, так он всю жизнь во что хотите поверит”. Создание виртуального объекта переводчиками (Пьер Паскаль, 1960 и Андре Маркович, 1996) можно проиллюстрировать следующей таблицей, показывающей, какие компоненты смыслов выбираются переводчиками в качестве значимых.

Признаки	Пьер Паскаль <i>enseigne Dyrka</i>	Андре Маркович <i>quartier-maître Pabézev</i>
<i>мичман:</i> чин/звание	+	+
принадлежит к военно-морскому флоту	+	+
принадлежит к офицерскому составу	+	–
имел место до 1917 г.	–	+
<i>Дырка:</i>	–	+
имя значащее	+	–
аллюзия на пьесу Гоголя	+	–

1. *Un moujik s'enfuira; un révolutionnaire du jour, un valet de la pensée d'autrui, s'enfuira, parce qu'il a un credo aveuglement accepté pour toute la vie.* (Перевод Виктора Дерели — 1884)

2. *Un moujik s'enfuira, un sectaire des idées à la mode, un valet des idées d'autrui, auquel il suffit de montrer le petit doigt pour lui faire croire tout ce que l'on voudra, oui.* (Перевод Анри Безиа — 1938)

3. *Un homme du peuple prendra la fuite, un sectaire à la mode du jour prendra la fuite — valet au service d'une pensée étrangère — parce qu'il suffit de lui montrer le petit doigt, comme à l'enseigne Dyrka, et il croira toute sa vie à tout ce que vous voudrez.* (Перевод Пьера Паскаля — 1960)

4. *Un paysan s'échappera, un sectaire à la mode s'échappera — un laquais des idées des autres, parce que lui, il suffit de lui montrer le bout du petit doigt, comme au quartier-maître Pabézev, et il croira toute sa vie à ce que vous voudrez.* (Перевод Андре Марковича — 1992)

Как видно из приведенных примеров, в ранних переводах (1884 и 1938 гг.) эта аллюзия вовсе опущена.

Деформации **синтаксического** уровня затрагивают как характер логических отношений между частями сложных высказываний, так и связи между отдельными словами внутри словосочетаний. Кроме того, иногда они касаются дистантных связей между теми или иными фрагментами текста. В качестве примера деформаций логико-смысловой структуры высказывания можно привести пример перевода следующего фрагмента:

“Человек он деловой и занятый, и спешит теперь в Петербург, так что дорожит каждой минутой”.

“C'est un homme d'entreprise, très occupé et, en ce moment il est pressé de se rendre à Pétersbourg, au point que chaque minute lui est chère.” (Пер. Марковича).

“C'est un homme occupé et dans les affaires, et maintenant il doit rentrer vite à Pétersbourg, parce que chaque minute lui est précieuse.” (Пер. Паскаля).

У Достоевского союз “так что” соединяет две части высказывания причинно-следственными отношениями, при этом вторая часть высказывания есть следствие первой. В переводе Паскаля причинно-следственные отношения инвертированы, а в переводе Марковича они заменены обстоятельственными.

Нарушение связей внутри словосочетаний (синтагматических связей) может быть проиллюстрировано примерами переводов фразеологических оборотов.

Сложность для переводчика составили и дистантные связи между фрагментами текста, в частности явления полифонии.

Таким образом, в результате анализа удалось выявить целый ряд признаков, свидетельствующих о деформации системы смыслов, заключенной в тексте оригинала. Деформация как элемент переводческой стратегии затрагивает, главным образом, прагматический уровень. Что касается деформаций на семантическом и синтаксическом уровнях, то они в большей степени характеризуют не переводческую стратегию, а “переводческие заблуждения” при построении виртуального объекта и обусловлены невозможностью глубокого понимания всех смыслов, заключенных в оригинальном тексте. Нередко деформации состоят в приписывании новых смыслов, отсутствующих в тексте оригинала, отчего, естественно, изменяется вся система смыслов произведения.

Анализ фактического материала показал определенную продуктивность использования категорий деформации и трансформации для переводческой критики, а также возможность построения теории переводческой критики на семиотических основаниях.

Примечания

¹ *Mounin G.* Les belles infidèles. P., 1955. P. 7 (перевод мой. — *О.К.*).

² В современной теории перевода наиболее известными антиномиями являются следующие: ориентация на оригинал и автора vs. ориентация на читателя и принимающую культуру; буквальное vs. вольное; переводимость vs. непереводаемость; эстетика “чужого” vs. эстетика “своего”, историзация vs. модернизация, ориентация на форму vs. ориентация на содержание и др. К переводческим антиномиям иногда относят также оппозиции: “Священное Писание” vs. “светская” литература; перевод художественного текста vs. перевод нехудожественного текста.

³ *Гарбовский Н.К.* Святой Иероним — покровитель переводчиков // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода / Под ред. Н.К. Гарбовского. М., 2001. С. 97.

⁴ *Reiss K.* Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik. Tübingen, 1971. P. 9—10 (цит. по: *Тонер П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000. С. 231).

⁵ *Тонер П.М.* Указ. соч. С. 240.

⁶ *Найда Ю.* К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 126.

⁷ *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988. С. 8.

⁸ Ср.: “Вопрос о соревновании разных творческих индивидуальностей (т.е. о множественности переводов) связан с понятием переводческой критики” (*Тонер П.М.* Указ. соч. С. 230).

⁹ *Berman A.* Pour une critique des traductions: John Donne. P., 1995.

¹⁰ *Dostoïevski F.* Crime et châtement. Traduit du russe par André Markowicz. Vol. 1—2. P., 1996.

¹¹ С момента первого перевода до сегодняшнего дня французские версии романа “Преступление и наказание” переиздавались более 50 раз.

¹² *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. М., 1970. С. 431.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2004.
- Найда Ю.* К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.
- Тонер П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- Berman A.* Pour une critique des traductions: John Donne. P., 1995.
- Dostoïevski F.* Crime et châtimeut / Traduit du russe par A. Markowicz. Vol. 1—2. P., 1996.
- Mounin G.* Les belles infidèles. P., 1955.
- Reiss K.* Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik. Tübingen, 1971.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Б.Л. Бойко

ЕДИНИЦЫ СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВОГО ДИАЛЕКТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ КУЛЬТУР

(на материале русского и немецкого военного
жаргона 1941—1945 гг.)¹

Cultures in contact create special scopes in their languages with accumulated knowledge of each other. These scopes are at the same time instruments for forming the national world view and parts of it. The contacts of cultures and subcultures are realized through texts produced by witnesses and interpreters. The interpreter owes to be ethical in his attitude towards both the author and percipient of translation. The interpreter's ethic means perfectly done work in form and content. Errors in translation disturb the language world view of cultures in contact. The extracts of belles-lettres translated from German into Russian shows some mistakes in interpreting the German military slang.

Ключевые слова/Keywords: *Вторая мировая война, вторичные тексты, коллоквиализмы, профессионализмы, военный жаргон, адаптация.*

Взаимодействие культур и языков осуществляется как в условиях мирного сотрудничества, так и в условиях противоборства, в том числе в ходе вооруженных конфликтов. Взаимодействие предполагает знание сильных и слабых сторон противника. Это знание приобретается в ходе освоения всего того, что представлено в артефактах культуры — её предметах, фольклоре, реалиях повседневной жизни народа, наконец, в текстах письменных и устных, закрепленных на бумажных или электронных носителях или производимых непосредственно во время контактов представителями взаимодействующих культур.

Прочтение первичных текстов имеет своим результатом создание текстов вторичных. Создателями вторичных текстов становятся представители взаимодействующих культур. Будучи нагружены социальной миссией или следуя собственным побуждениям к познанию, они входят в атмосферу иноязычной культуры, изучают ее в роли очевидцев² и облачают полученные знания в форму текстов, несущих информацию о культуре изучаемой страны. В зависимости от положения очевидца в социальной структуре

общества вторичные тексты могут приобретать формы письменных и устных текстов. Статья в энциклопедии, текст в учебнике, журнальный очерк, доклад в научном обществе, художественный текст, воспоминания, дневники, письма — все это письменные вторичные тексты. Очевидец может изложить полученные знания об иноязычной культуре устно, например в форме университетской лекции, рассказа перед объективом телекамеры, беседы в кругу семьи или друзей и т.п.

Создателями вторичных текстов становятся в силу профессии переводчики. Знания о стране исходного языка они приобретают и передают обществу в письменной форме текстов на языке перевода. Переводчик-писатель вплетает в свой текст впечатления очевидца. Такой текст может включать фрагмент перевода и комментариев к нему.

Вторичные тексты, создаваемые переводчиками, вместе с текстами, созданными очевидцами, образуют корпус текстов, содержащих знания о культуре страны, с которой осуществляются контакты. Непосредственно к вторичным текстам, создаваемым очевидцами и переводчиками, примыкают лексикографические тексты — одно- и двуязычные словари.

Совокупность вторичных текстов дополняет в картине мира принимающей культуры знания об иноязычной культуре, выраженные единицами языка³. Наиболее заметные среди них — слова, обозначающие реалии общественной жизни и быта, заимствуемые переводящим языком посредством транскрипции и транслитерации — фахверк и бундестаг, эсквайр и лендлорд, фиакр и консьерж. Столь же заметны в немецком переводе слова, обозначающие реалии шолоховского “Тихого Дона” — Ataman, Jessaul, Sotnik и др.⁴

В общем лексическом фонде языка принимающей культуры образуется и постоянно совершенствуется специальный раздел лексики, в котором аккумулируются единицы языка, отражающие наименования артефактов изучаемой национальной культуры. Национально-культурной спецификой характеризуется лексика, обозначающая реалии национальной культуры, терминология отраслей национальных промыслов, коллоквиализмы повседневной речи, национально значимые онимы.

Контакты культур осуществляются по различным направлениям культурного взаимодействия. Предмет нашего интереса — отражение в языке контактов культур периода Второй мировой войны 1939—1945 гг., как они закрепились в художественных и публицистических текстах и лексикографических изданиях. Стихия устной речи предъявляет к отбору лексики особые требования. На первый план в устном повседневном общении и соответ-

ственно в текстах, содержащих фрагменты устного общения, будь то художественный текст, текст газетного репортажа или текст одно- или двуязычного словаря, выдвигаются коллоквиализмы, профессионализмы, единицы военного жаргона. Они выступают в качестве вторичных наименований того, что имеет свои наименования в нормативном литературном языке уставов и наставлений, в текстах заводских спецификаций на боевую технику. В процессе перевода единицам исходного текста подбираются эквиваленты, которые в идеале должны передавать характерные признаки принадлежности исходного слова к коммуникативной среде, т.е. нейтральное должно передаваться нейтральным, высокое — высоким, термину должен быть найден эквивалентный термин. Особая проблема — поиск эквивалентных средств тому, что характеризуется национально-культурной спецификой, например единицам территориальных и социальных диалектов.

В концепции Н.К. Гарбовского осмысление, интерпретация и языковое выражение фрагментов “чужого” в языковой картине мира языка перевода понимается как взаимодействие перевода с окружающей средой⁵. За метафорической персонификацией категории перевода скрывается исполнитель перевода — переводчик. Именно он, а не текст выступает в качестве представителя принимающей культуры, специалиста по языку и культуре текста-источника, интерпретатора иноязычного текста и описываемого в нем фрагмента иноязычной культуры.

По Н.К. Гарбовскому, акт перевода для переводчика — это реальная ситуация общения, коммуникативная ситуация, в которой переводчик принимает непосредственное участие. В этой ситуации переводчик взаимодействует с автором текста на исходном языке и с получателем этого текста на языке перевода. В контексте отношений переводчик—автор для переводчика важно сохранить этику, которая находит выражение в бережном отношении к исходному тексту, мыслям и чувствам его создателя, его образной системе и стилю.

Продолжая эту весьма продуктивную мысль Н.К. Гарбовского, распространим идею этики отношений на отношение между переводчиком и получателем текста. Быть этичным к реципиенту перевода в нашем понимании означает предоставить ему переводной текст, безупречный по форме и содержанию. Одним из важнейших элементов формы является, на наш взгляд, адаптация исходного текста к принимающей национальной культуре, к уже имеющемуся в ней массиву переводных текстов. Вместе с национальными текстами переводные опираются на гуманитарную основу общечеловеческих ценностей.

Переводчик в тех случаях, когда он переводит текст письменно, вступает в общение с автором опосредованно. По Н.К. Гарбовскому, он имеет дело не с реальной, а с воображаемой личностью, с образом автора, который переводчик создает в своем сознании и с которым ведет в процессе перевода внутренний диалог. Столь же воображаемой, абстрактной, в виде обобщенного образа в сознании переводчика выступает и фигура получателя текста — читателя.

Другая реальность коммуникативной ситуации в интерпретации Н.К. Гарбовского — исходный текст и стоящая за этим текстом действительность. Текст составляет предмет перевода, в нем содержится информация, подлежащая переводческому переосмыслению и интерпретации. Располагающаяся за текстом реальность воспроизводится и в переводном тексте. Сложность взаимодействия переводного текста с этой реальностью, иначе, переводчика с затекстовой реальностью, состоит в том, что она дается ему не в непосредственном ощущении, а в виде некой абстракции, идеальной сущности, материализованной в знаках языка.

Авторская картина фрагмента реальности, пусть даже она основана на вымысле, соотносится в процессе перевода с представлениями переводчика об этом фрагменте. Субъективное восприятие затекстовой реальности автором осознается переводчиком через призму собственного субъективного знания, чаще всего при этом выясняется, что субъективные восприятия автора и переводчика не совпадают. Как следствие возникает этическая проблема допустимости изменения переводчиком системы смыслов оригинального текста, или представлений автора о том или ином фрагменте реальной действительности.

В тех случаях, когда субъективность автора никоим образом не может быть идентифицирована с субъективностью переводчика, что бывает, например, в случае архаичных текстов, содержащих знания, устаревшие относительно современных научных знаний, поясняет Н.К. Гарбовский, текст воссоздается с сохранением реалий. Архаичность мировоззрения автора очевидна, она не может быть приписана переводчику. Однако в случаях, когда явно неверные сведения о фрагменте описываемой в исходном тексте действительности могут быть приписаны переводчику, он прибегает к необходимым уточняющим комментариям.

Недостаточно точное представление переводчика о реальной действительности, которая отображена в исходном речевом произведении, становится источником переводческих ошибок. Для иллюстрации этого положения Н.К. Гарбовский обращает

ся к фрагментам перевода на английский язык текста повести М.А. Булгакова “Собачье сердце”, мы же, имея предметом нашего исследования единицы военного жаргона, обратимся к текстам немецких авторов и их переводу на русский язык.

Приведем пример грубого искажения исходного немецкого текста в переводе на русский язык. Он связан с незнанием переводчиком реалий вермахта — вооруженных сил Германии 30—40-х гг., выраженных в тексте единицами немецкого военного жаргона. Рассмотрим фрагмент исходного текста и его перевод на русский язык (в квадратных скобках мы помещаем не имеющие для нас интереса фрагменты текста, единицы немецкого военного жаргона выделяем курсивом)⁶:

“Meine Herren, sieben Stunden sind vergangen, seit Perlmoser und Zimmermann fahnenflüchtig wurden. [...] Schütze Welke ist soeben seiner Verletzung erlegen. Mord, meine Herren! [...] Es hat sich bisher niemand gemeldet, der zu dem Vorgang etwas mitzuteilen hat. [...] Ich gebe bis zwölf Uhr Zeit. Dann *fliegen* zehn Mann *in den Bau*. Die Kompanie wird auf halbe Ration gesetzt. Das ist nur ein bescheidener Anfang, meine Herren“. Wieder blickte er die Front der Verschlussenen entlang. Lassen Sie den *Haufen* wegtreten, *Hauptfeld*”.

— Господа, прошло семь часов с тех пор, как Перлмозер и Цимерман дезертировали из части. [...] До сих пор ко мне никто из тех, кто знал об их дезертирстве, не явился и не доложил об этом. Это очень странно, господа! Рядовой Вельке убит. [...] Даю вам время для обдумывания до двенадцати часов. Десять человек я пушу в расход, а роте наполовину уменьшу рацион. Но это только начало, господа! — И ротный снова по очереди окинул солдат взглядом, а затем бросил: — Распустите этот сброд, гауптфельдфебель.

Чтобы понять несовершенство перевода приведенного фрагмента романа, обратимся к контексту повествования. Накануне из штрафной роты дезертировали два солдата, фамилии их Перлмозер и Цимерман. Рядовой Вельке, который пытался их задержать, был ранен ими и вскоре умер от полученного ранения. Командир роты квалифицирует его смерть как убийство. Не получив информации о деталях происшествия от подчиненных, командир роты дает им на размышление некоторое время. Если в двенадцать часов никто не придет к нему с разъяснениями, то десять человек отправятся на гауптвахту, а остальным будет наполовину уменьшен рацион питания. Окинув взглядом строй молчащих солдат, командир роты, обращаясь к гауптфельдфебелю, дает команду “Разойдись!”. Вот и все содержание фрагмента текста и фрагмента иноязычной реальности, не понятой переводчиком.

В немецком военном жаргоне “Bau” — помещение для содержания тех, кто подвергается дисциплинарному аресту, или гауптвахта, соответственно “in den Bau fliegen” — означает “отправиться на гауптвахту” и не более того, “Haufen” — на фронтовом немецком жаргоне “подразделение”, в данном случае это рота. Слово “Haufen” уходит корнями в историю ландскнехтов, воинов-наемников XVI в., слово “Bau” известно в значении “помещение для содержания арестованных солдат” с XVIII в. В указанных значениях оба слова употреблялись не только солдатами вермахта, они сохранились и в жаргоне солдат бундесвера — вооруженных силах современной Германии⁷. Командир роты в приведенном фрагменте романа действует в пределах дисциплинарного устава, никаких прав на расстрел десяти солдат пусть даже штрафной роты у него нет. Незнание языка субкультуры, в данном случае немецкого военного жаргона, помноженное на незнание реалий вермахта, приводит переводчика к искажению текста перевода в целом, к искажению той части “языковой картины мира” русскоязычного читателя, где отображены реалии иноязычной культуры.

В состав языка казарменной субкультуры входят уничижительные, подчас вульгарные единицы, которыми инструкторы награждают новобранцев. Воссоздание этого унтер-офицерского языка в переводе — отдельная задача переводчика, поскольку мир казармы и казарменного плаца является составной частью картины мира изучаемой субкультуры и культуры в целом. Эта уничижительная лексика, квалифицируемая лексикографами стилистическими пометами *разг.*, *фам.*, *груб.*, *бран.*, *жарг.* или пометой *воен. жарг.*⁸, образует в языковой картине мира принимающего языка своеобразную нишу, аккумулирующую инокультурные, “чужие”, как мы характеризовали выше, элементы.

Наряду с бранной лексикой безэквивалентный ряд лексических единиц включает наименования отдельных воинских званий, не имеющих аналогов в принимающей культуре; вместе с ними культуры исходного языка они образуют самостоятельный пласт иноязычной культуры и представляют собой отдельную проблему их адаптации к лексической системе языка перевода. В процессе перевода они транслитерируются, образуя подчас труднопроизносимые сочетания звуков для носителя принимающего языка. Ниже нам встретятся в привлекаемых для анализа фрагментах текста воинские звания нижнего командного звена вермахта: “Obervormann” — оберформан и “Unterfeldmeister” — унтер-фельдмейстер.

Возвратимся к проблеме передачи бранной лексики в процессе перевода с немецкого языка на русский, для чего рассмотрим фрагменты текста другого немецкого романа и его перевода

на русский язык⁹. В военном лагере непосредственно перед отправкой на фронт проходят подготовку будущие солдаты вермахта. Содержание подготовки — традиционная для немецкой казармы муштра, подкрепляемая бранной лексикой оскорбительного характера. Начальствующий состав — инструкторы оберформан Шульце и унтер-фельдмейстер Бем. Бранную лексику, фразеологию и предлагаемые переводчиком эквиваленты выделим курсивом:

Obervormann Schulze bediente sich in seiner Begriffsarmut zweier immer wiederkehrender Schimpfwörter: “*Sie Untier*” und “*Sie nasser Sack*”. — Оберформан Шульце, у которого был на редкость скудный лексикон, неизменно прибегал к двум ругательствам — “*скотина*” и “*мокрый тюфяк*”.

Unterfeldmeister Böhm, der Zugführer, ging als “Führer vom Dienst” durch die Baracken. Er mochte guter Laune sein, denn sonst pflegte er gleich an der Tür loszubrüllen: “*Sauerei! Mistloch!?*”. — Унтер-фельдмейстер Бем, взводный командир, обходил бараки как дежурный по лагерю. Обычно он еще с порога орал: “*Что за грязница, не спальня, а свинарник!*” Сегодня он, видимо, был в духе и вошел молча.

Hoffentlich bleibt er friedlich, dachte Holt. Da ging es schon los: “Füße vorzeigen!” Holt hing die Beine aus dem Bett. Gomulka war vorhin barfuß auf den geölten Fußboden gesprungen und hatte sich danach die Sohlen nur flüchtig an einem Lappen abgewischt. “*Dreckschwein, Misthund!*” schrie der Unterfeldmeister. “Schulze, sehen Sie sich diese *Sau* an!” — “*Raus, Sie Untier!*” schimpfte Schulze. Gomulka zog die Hose über und lief in den Waschraum. — Будем надеяться, что все обойдется! — не успел подумать Хольт, как Бем уже рявкнул: “Показать ноги!” и Хольт сел на койку, свесив ноги. Гомулка перед тем босиком прошелся по полу и только слегка обтер подошвы тряпкой. — “*Сукин сын, дерьмо на лопате!*” — орал унтер-фельдмейстер. — “Вы только посмотрите, Шульце, на эту *свинью!*” — “Вон, *скотина*” — выругался Шульце. Гомулка натянул штаны и бросился в умывалку.

“*Sie wahnsinnige Gestalt! Sie irrsinniges Vieh, Sie wahnsinniges!*”, “*Sie hohläugiges Gespenst*”. — *Ах ты образина, недоношенная мразь, идиот!*

Внутренняя форма бранных слов, используемых персонажами цитируемых отрывков текста романа, характеризуется национально-культурной спецификой, она неприемлема уже в дословном переводе: *Untier* — отвратительное, злое, опасное животное (образ несуществующего сказочного животного), немецко-русский словарь предлагает в качестве эквивалента *чудовище*; *nasser Sack* — метафорическое словосочетание для обозначения вялого, инерт-

ного человека, в русском молодежном сленге имеем похожее — *ты как мешок*; *Sauerei* — свинство, *Mistloch* — в данном случае помещение, похожее на неубранный хлев, предлагаемый перевод *что за грязница, не спальня, а свинарник!* вполне адекватен для характеристики запущенного помещения. *Dreckschwein*, *Misthund*, *Sau* — *грязная свинья* и *свинья* тавтологичны в своей образной основе, в то время как образ *грязной собаки* (нем. *Misthund*) отсутствует в русской образной картине мира, чужд ей по составу компонентов. Предлагаемый переводчиками в качестве эквивалентов ряд бранных слов *сукин сын*, *дерьмо на лопате!* уводит от единой образной основы бранных слов оригинала, заметно русифицирует речевой быт немецкой казармы.

Наконец, исключительно субъективный набор уничижительных бранных выражений “*Sie wahnsinnige Gestalt! Sie irrsinniges Vieh, Sie wahnsinniges!*”, основанный на привычных для немецкой культуры единицах *irrsinnig* и *wahnsinnig*, требует от переводчиков творческой замены ряда. И они составляют его из привычных для русской языковой картины мира бранных единиц *образина*, *недоношенная мразь*, *идиом!* Для *Sie hohläufiges Gespenst* переводчики находят эквивалентное по образности словосочетание *скелет трясучий*, сохраняющее национально-культурную специфику образа.

Перемещение ситуаций, в которых используется бранная лексика, из языка оригинала в язык перевода связано не только с трудностями подбора эквивалентов на уровне лексики. Не менее важно для переводчика найти эквиваленты, передающие этику общения. В немецких и русских уставах предусмотрена этикетная, вежливая форма обращения начальника к подчиненному, когда к подчиненному обращаются, используя местоимения “*Sie*” и соответственно “*Вы*”. На русском казарменном плацу, в русском казарменном обиходе, в условиях отсутствия непосредственного социального контроля со стороны старших начальников военачальник любого ранга в обращении с подчиненным уставное обращение “*Вы*” заменяет на сниженное “*ты*”, употребляя его в различных ситуациях общения то с оттенком означивания доверительных отношений, то для выражения неуважительного отношения к тому, к кому обращена речь. Парадокс немецкой казармы для представителя русской культуры заключается в том, что уничижительные бранные выражения, обращенные к подчиненному, неукоснительно сопровождаются местоимением “*Sie*”.

Осознавая определенную парадоксальность сочетания уничижительного, бранного с вежливостью, выражаемой местоимением “*Вы*” в русском языке, переводчики стараются найти и находят “обходные пути”, однако, как показывает текст перевода немецкого романа на русский язык, находят они их не во всех

случаях. Приведем примеры передачи бранной лексики, обращенной к немецкому военнослужащему, без использования местоимений “Вы” или “ты”. В переводе на русский язык уничижительная брань предполагает “тыкание”:

“Dreckschwein, Misthund!” schrie der Unterfeldmeister. — “Сыкин сын, дерьмо на лопате!” — орал унтер-фельдмейстер. “Raus, Sie Untier!” schimpfte Schulze. — “Вон, скотина!” — выругался Шульце.

В том же тексте перевода находим фрагмент, где немецкое уставное “Sie” передается с использованием местоимения “ты”, правда, не рядом с уничижительным бранным словом, а в следующем предложении. Неграмотную речь неграмотного оберформана не будем воспринимать как сбой в немецкой орфографии и грамматике, так в оригинале:

“Sie nasser Sack!” brüllte er mit seiner gequetschten Stimme Vetter an. “Mit Sie wer ich noch fertig, aber jetzt falln Sie um, Sie Untier, das kost zwanzig, vonwegen über mir lustig machen!” “Vetter kippte gehorsam nach vorn auf den Fußboden und zählte laut: “Eins... zwei... drei...” — “Мокрый тюфяк! — сдавленным голосом орал Шульце на Феттера. — Я еще *тебя* обломаю, а сейчас лечь и встать! Двадцать раз! Я покажу, как надо мной насмеяться!” Феттер послушно падал на пол и вскакивал, считая вслух: “Раз... два... три...”

Использование местоимения “*тебя*” можно считать ошибкой переводчика, связанной с искажением реалий немецкой казарменной субкультуры, где уставное местоимение “*Sie*” сочетается с уничижительной единицей. Но это же местоимение в форме винительного падежа “*тебя*” можно рассматривать и как логическое продолжение тех случаев перевода, где обращение на “ты” в русском переводе подразумевается — *Скотина! Мокрый тюфяк!*

Завершая статью, вернемся к обсуждению проблемы контактов языков и культур. Развитие инокультурных фрагментов картины мира связано с интерпретацией иноязычной культуры в русскоязычных текстах, в данном случае в текстах о войне и воюющих сторонах, в одноязычной и двуязычной лексикографии, в переводных текстах. Писатели, репортеры, лексикографы, переводчики — активные создатели той области картины мира принимающей культуры, где находят языковое выражение элементы иноязычной культуры. Они обеспечивают опосредованные и непосредственные контакты культур, подвигая представителей взаимодействующих культур к взаимному пониманию. Составная часть этой задачи — разработка в языке перевода средств, адекватных наименованиям реалий национальных культур.

Примечания

¹ Социально-групповой диалект — понятие, предложенное Е.Д. Поливановым в работах конца 20-х — начала 30-х гг. XX в. В качестве родового понятия социально-групповой диалект охватывает отдельные пласты языка, которые, удовлетворяя потребностям коммуникации в рамках той или иной социальной группы, могут быть использованы в символических функциях, например для выражения сопринадлежности, отграничения, опознавания, криптолалии (тайноречия) (см.: *Поливанов Е.Д.* За марксистское языкознание. М., 1931; *Он же.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968).

² Этот условный термин мы распространим на любого представителя культуры, будь то рядовой турист, государственный чиновник, бизнесмен или журналист, который получает возможность изучать иноязычную культуру в непосредственных или опосредованных контактах с ее представителями.

³ См.: *Жидков В.С., Соколов К.Б.* Искусство и картина мира. СПб., 2003; *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.

⁴ См.: *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода: Лингвистический очерк. 3-е изд. М., 1968. С. 175—184.

⁵ См.: *Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М., 2004. С. 228—234.

⁶ *Hofe G.* Schlußakkord. Roman. 8. Aufl. Berlin, 1984. S. 113 — пер. с нем. яз.: *Хофе Г.* Заключительный аккорд: Роман / Пер. с нем. В. Лысункина. М., 1976. С. 100.

⁷ *Küpper H.* Am A... der Welt. Landserdeutsch 1939—1945. 1. Aufl. 1970. Hamburg und Düsseldorf. Claassen Verlag, 1970; *Küpper H.* ABC-Komiker bis Zwitscher-gemüse. Das Bundessoldatendeutsch. Wiesbaden, Verlag für die deutsche Sprache (VfdS) GmbH. 1978.

⁸ Большой немецко-русский словарь / Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг, Р.А. Черфас; Под руководством О.И. Москальской. М., 1969. Т. I. С. 11.

⁹ *Noll D.* Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend. 24. Aufl. Aufbau-Verlag. Berlin und Weimar. 1972. S. 347—350; *Нолль Д.* Приключения Вернера Хольта: Роман / Дитер Нолль; Пер. с нем. В. Курелла, Р. Гальпериной. М., 2006. С. 372—375.

О.В. Ковенева

ТАИНСТВЕННЫЙ МИР КОННОТАЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ И ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

The paper explores various approaches to the problem of “connotations” in linguistics and in the theory of translation. Starting with a set of definitions presenting “connotations” as an additional hazy, obscure, vague meaning, we launch into a historical outline of the development of this category, first in medieval scholasticism (*Alexander Halensis, William of Ockham*) and logic (*J. St. Mill*), then in linguistics (*Arnauld and Lancelot, K.O. Erdmann, L. Bloomfield, L. Hjelmslev, R. Barthes, C. Kerbat-Orecchioni, I.M. Kobozeva, O.S. Akhmanova, H.G. Komlev, L.S. Barkhoudarov, V.N. Telia, Y.D. Apresyan*). The analysis reveals the ambiguity of the category and the intensity of debates relating to it. Whereas some authors consider connotations as a component of word’s meaning, others regard them as an extra-semantic phenomenon, as a “pragmatic meaning”, as ideas, associations, values and patterns of behavior related to the word and its context, or even as “a semiotic system”. While some scholars insist on the socio-cultural nature of the connotations, others emphasize their individual and unique character. But whatever the debates about “connotations” may be, what is essential to the theory of translation is the answer to the question “Should connotations be translated or not and how?” Floating G. Mounin’s polemical statement “When one says that translation is impossible, nine times out of ten, one refers to *connotations*”, our article continues with an analysis of the debates about the “translatability” of connotations in modern theory of translation (*M. Lederer, E. Nida, C.R. Taber, J.-R. Ladmiral, G. Mounin, J. Delisle, H. Meschonnic, A.D. Schweitzer, V.N. Komissarov*). The article leads to a moral and political perspective, suggesting that the question of “translatability” of connotations is not only a “linguistic” question: it is directly related to the attitude that one maintains to *the Other*, to the Stranger, to Another Culture. Following *A. Berman, P. Ricoeur, J.-R. Ladmiral* and *J.-L. Cordonnier*, we assume that translation should be “open-minded” and “hospitable” to the strangeness. The “translatability” of connotations has to do with the will of the translator to make efforts to understand the *Other* in all his complexity and plurality and to translate the relevant information of his message to the representatives of his own culture. Only when approaches to connotations will cease to be ethnocentric and speculative, the question of their “translatability” will be put into *practice*: into the practice of *translating* and into the practice of *translation teaching*.

Ключевые слова/Keywords: *коннотация, денотация, переводимость, непереводимость, межкультурная и межъязыковая асимметрия, глобальная коммуникация.*

В лингвистике и теории перевода категория “коннотация” (от лат. *connoto* — “имею дополнительное значение”) окружена ореолом таинственности и загадочности. Если в лингвистике с “коннотациями” традиционно связывают идею о неясном, смутном дополнительном значении, то в теории перевода — идею

лингвокультурной несоизмеримости, непреодолимой специфики и соответственно непереводимости. Согласно известному изречению Ж. Мунэна, “когда говорят, что *перевод невозможен*, то в девяти случаях из десяти имеют в виду... *коннотации*” (Mounin, 1963: 168; курсив мой. — *О.К.*).

Идея о несоизмеримости коннотаций пришла в теорию перевода не столько из лингвистики, сколько из ее отдельных направлений — этнолингвистики и лингвокультурологии. Действительно, специалисты в области лингвокультурологии нередко оперируют такой категорией, как “культурная коннотация”. Так, в школе В.Н. Телия культурная коннотация определяется как “культурная информация”, характеризующая “ассоциативно-образные знаки”, “образные языковые знаки” (Опарина, 1999: 35). В.Н. Телия рассматривает коннотации в их отношении к национально-культурной картине мира (Телия, 1986: 102—109), подчеркивая, что “национально-культурная специфика коннотации локализуется во внутренней форме наименования (шире — отрезка текста)” (там же: 109). Формирование же культурной коннотации осуществляется “вне языка” — в культуре, системе *ценностей*, обычаев, традиций и т.д. (там же: 108). По убеждению В.Н. Телия, ассоциативно-образные структуры фиксируют *эмотивно-аксиологическую модель*, или картину мира, характерную для носителей данного языка (там же: 106).

В этнолингвистике и лингвокультурологии коннотации рассматриваются через призму теорий относительности картин мира и теорий лингвокультурологической специфики. Означает ли это, что и переводчики, выступающие в качестве посредников между языками и культурами, должны отстаивать тезис о невозможности перевода коннотаций не столько исходя из собственной практики перевода, сколько следуя лингвокультурологической традиции? В настоящей статье мы проследим историю категории “коннотация” в лингвистике и рассмотрим основные дискуссии о проблеме “коннотаций” в теории перевода, в очередной раз поставив перед переводчиками-практиками животрепещущий вопрос “Должны ли коннотации переводиться?”, — от ответа на который во многом зависит качество межкультурной коммуникации и открытость человеческого общения.

“Коннотация”, пожалуй, одна из самых загадочных категорий в лингвистике. По мнению В.Н. Телия, в отношении этой “диффузной” категории ясно лишь одно: с ней “так или иначе, связывается *экспрессивная окраска речевых фактов*” (там же: 3; курсив мой — *О.К.*). Какова же “природа коннотации, элементом какого вида языковой деятельности она является — номинативной системно-таксиномической — прагмариторической, в каких языковых сущностях и в какой форме коннотация локализу-

ется, какую информацию выражает коннотация и т.п. — все эти вопросы еще ждут решения” (там же). На еще большую неопределенность и расплывчатость дефиниции “коннотации” указывал Филипп Дюбуа. По его мнению, коннотация — это «своего рода смешанная категория (“*fourre-tout*”), объединяющая явления самого различного характера» — “все вторичные, косвенные, периферийные, имплицитные, дополнительные, субъективные, неясные, случайные, нечеткие смыслы, порождаемые элементами дискурса” (Dubois, 2003)¹. Схожей точки зрения на коннотацию придерживался и Ролан Барт. Рассматривая коннотацию как “систему *вторичных*, так сказать *паразитических* по отношению к языку смыслов” (Барт, 1975: 124), Барт подчеркивал “всеобъемлющий, глобальный, расплывчатый характер” коннотативных означаемых (там же: 159). Коннотация, по его определению, — это “фрагмент идеологии”: “Эти означаемые находятся в теснейшей связи с нашими знаниями, с культурой, историей, благодаря им знаковая система оказывается, если так можно выразиться, пропитанной внешним миром” (там же). Отсутствие четкого определения “коннотации” подчеркивал и Ю.Д. Апресян: «Уже в середине XIX века... в англоязычной лексикографической литературе... сложились два разных смысла термина “коннотация”. С одной стороны, коннотациями назывались “*добавочные*” (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) *элементы лексических значений, включаемые непосредственно в толкование слова...* С другой стороны, о коннотациях говорили и тогда, когда имели в виду узаконенную в данной среде *оценку вещи или иного объекта действительности, обозначенного данным словом, не входящую непосредственно в лексическое значение слова...* Принципиальное различие между двумя пониманиями “коннотации” не всегда осознавалось, и *традиция отчетливого использования термина* сохранилась до наших дней» (Апресян, 1995: 157—158; курсив мой — О.К.). Заметим, что двойственность лингвистического определения коннотации, отмеченная Ю.Д. Апресяном, прослеживается и в словарных дефинициях:

Connotation:

“An idea suggested or implied by a word in addition to its meaning”.

(*Oxford Advanced Learner’s Dictionary*)

“1. a) The suggesting of a meaning by a word apart from the things it explicitly names or describes; b) something suggested by a word or thing”.

(*Encyclopaedia Britannica*)

Connotation:

“Sens particulier d’un mot, d’un énoncé qui vient s’ajouter au sens ordinaire selon la situation ou le contexte”.

(*Le Petit Robert*)

“Ensemble des valeurs affectives prises par un mot en dehors de sa signification (ou dénotation)”.

(*Lexis, Larousse*)

Коннотация:

“В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи, ее формы и т.п. В узком смысле это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающий во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении ее в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, то есть признаков, соотносимых с буквальным смыслом *тропа* или *фигуры речи*, мотивировавших переосмысление данного выражения”.

(*Телия В.Н. Коннотация // БЭС. 1998. Языкознание*)

Интересно отметить, что наряду с расплывчатой и всеобъемлющей дефиницией коннотации в лингвистике закрепилось определение **коннотации** *через отрицание*. В этом случае интересующий нас термин выступает в паре с термином “денотация”. Так, Ф. Дюбуа обращает внимание на то, что в рамках семантики коннотация используется как “концепт, позволяющий обозначить все то, что в значении слова не относится к денотации” (Dubois, 2003)². В свою очередь Роберт Сктрик отмечает, что “термин *денотация* представляет теоретический интерес только в паре с термином *коннотация*: в таком случае предполагается, что существует чисто информативная коммуникация, на фоне которой можно выделить некоторые *аффективные* девиации (коннотацию или, точнее, *коннотации*)” (Sctrick, 2003; курсив мой. — *О.К.*)³. Жан-Рене Ладмираль (J.-R. Ladmiral) также подчеркивает общепризнанность дихотомии “денотация”/“коннотация”: «Какой бы ни была область применения нашей деятельности, переводческая практика или преподавание, мы все прибегаем к классической дихотомии, противопоставляющей два аспекта значения слова, выражения или оборота речи: семантическую сферу... “смысл”, скажем... — *денотацию* — и уровень стиля... регистр, “стиль”, скажем... — *коннотацию*» (Ladmiral, 1994: 117)⁴.

Чтобы дать более полное представление о подходах к коннотации в лингвистике, постараемся проследить историю понятия (Говердовский, 1979; Телия, 1998; Апресян, 1995: 156—177; Рев-

зина, 2001; Ladmiral, 1994: 115—202; Barnes, 1945; Kassai, 1994; Mounin, 1963: 144—168).

Понятие “коннотировать” (*con-notare*) возникло в **схоластической логике**. Одно из первых упоминаний термина мы находим в “Теологической Сумме” (*Summa Theologica*) **Александра Гэльского**, известного также как Александр из Гэльса (Alexander Halensis/Alexander of Hales, ок. 1185—1245). А. Гэльский противопоставляет “коннотирующий” термин “абсолютному” термину и рассматривает первый как синоним понятия “*appellatio relativa*”, т.е. как “слово, которое наряду с отсылкой к индивидуальному существу также коннотирует, или обозначает в дополнение к этой отсылке отношение между этим существом и неким другим”⁵ (Barnes, 1945: 254). В качестве примера философ-схоластик приводит слово *creator*, коннотирующее отношение творца, создателя (*creator*) к своему созданию (*creature*). В данном случае слово *creator* отсылает к индивидуальному лицу (*persona*) и одновременно (*дополнительно*) обозначает *отношение между этим лицом и другим* (*ibid.*: 254—255). Таким образом, А. Гэльский понимает коннотацию прежде всего как отношение одного лица к другому, выраженное в отдельном слове.

Уильям Оккам (William of Ockham, ок. 1300—1349) развивает идеи Александра Гэльского, утверждая, в частности, что слово “белый” обозначает все белые вещи и при этом коннотирует “белизну”. Иначе говоря, такие слова, как “белый”, обозначают определенный *класс предметов* и одновременно коннотируют их признак (или отношение каждого предмета к другому в рамках этого класса). У. Оккам расширяет понятие коннотации: оно включает в себя признак, общий для класса предметов, а также отношение одного предмета к другому (*ibid.*: 255).

Собственно в лингвистику понятие “коннотация” в виде идеи о добавочном, “неотчетливом” значении (*signification confuse*) проникло лишь в XVII в. через **грамматику Пор-Рояля** (Телия, 1998). В “Общей и рациональной грамматике” французские ученые-монахи **Арно** (A. Arnauld, 1612—1694) и **Лансло** (Cl. Lancelot, 1615(?)—1695) старались проследить связь между категориями мысли и категориями языка. Теоретической базой их анализа была картезианская философия (Кондрашов, 2006: 26). Исследуя логическую природу языка, авторы обосновали существенное различие между “существительными” и “прилагательными”. Если первые соответствуют такой логической категории, как *субстанции* (объекты мысли), то вторые — *акциденциям* (свойства, характер объектов). Обратимся непосредственно к тексту грамматики Пор-Рояля:

“Les objets de nos pensées font ou les choses, comme *la terre, le soleil, l'eau, le bois*, ce que l'on appelle substances; ou la manière des choses, comme

d'être *rond*, d'être *rouge*, d'être *dur*, d'être *savant*, & ce qu'on appelle *accident*. Et il y a cette différence entre les choses ou les substances, & la manière des choses ou accidents; que les substances subsistent par elles-mêmes, au lieu que les accidents ne sont que par les substances. C'est ce qui a fait la principale différence entre les mots qui signifient les objets des pensées: car ceux qui signifient les substances ont été appelés⁶ *noms substantifs*; & ceux qui signifient les accidents, en marquant le sujet auquel ces accidents conviennent, *noms adjectifs*" (Arnauld et Lancelot, 1971: 59—60).

Итак, "акциденции" и "субстанции" — это логические категории. В лингвистическом же плане им соответствуют "значения". Арно и Лансло выделяют два типа значений: "четкие, определенные значения" (*signification distincte*) и "смутные, нечеткие значения" (*signification confuse*), или "созначения", "**коннотации**" (*connotation*).

Если *существительные* обозначают субстанции и имеют четкое значение, то *прилагательные* обозначают качества, свойства и наряду с четким значением имеют также "коннотацию", отсылающую к *субъекту, носителю свойства*:

"La substance est ce qui subsiste par soi-même, on a appelé noms substantifs tous ceux qui subsistent par eux-mêmes dans le discours, sans avoir besoin d'un autre nom... Et au contraire, on a appelé adjectifs ceux mêmes qui... par leur manière de signifier... doivent être joints à d'autres noms dans le discours. Or ce qui fait qu'un nom ne peut subsister par soi-même, est quand outre sa *signification distincte*, il en a encore une *confuse*, qu'on peut appeler *connotation* d'une chose à laquelle convient ce qui est marqué par la *signification distincte*" (ibid: 60; курсив и выделение мои. — О.К.)

В качестве примера Арно и Лансло приводят прилагательное *rouge*. Ясно выраженным, отчетливым значением (*signification distincte*) слова *rouge* (красный) является *rougeur* (краснота). Этому значению сопутствует также добавочное, нечетко выраженное значение (*signification confuse*), отсылающее к субъекту красноты. Из этого следует вывод о том, что, в отличие от существительного, прилагательное не может существовать в речи само по себе: оно всегда косвенно отсылает к предмету, подразумевает слово, обозначающее носителя свойства (ibid.: 60—61). Интересно отметить, что словообразовательные процессы рассматриваются Арно и Лансло в тесной связи с логическими категориями и выделенными видами значений. Так, освобождение прилагательного от дополнительного неясного значения приводит к образованию существительных с отчетливым значением: *coloré* ⇒ ⇒ *couleur*; *rouge* ⇒ *rougeur*; *dur* ⇒ *dureté*; *prudent* ⇒ *prudence*. В свою очередь прибавление дополнительного значения к существительным приводит к образованию прилагательных: *homme* ⇒ *humain* (genre *humain*, vertu *humaine*) (ibid.: 61).

Позднее, в формальной логике, “коннотация” стала рассматриваться наряду с “денотацией”. Действительно, широко известное в лингвистике противопоставление “коннотация”/“денотация” было впервые предложено английским логиком — **Дж.Ст. Миллем** (J.St. Mill, 1806—1873). Как отмечает Ж.-Р. Ладмираль, принятую в логике оппозицию *экстенционал/интенционал*, Милль заменяет оппозицией “денотация”/“коннотация” (Ladmiral, 1994: 130). “**Денотация**” в понимании Милля — это экстенционал концепта, т.е. *класс объектов*, обозначенных данным концептом (ibid.: 130; Mounin, 1963: 144). По справедливому замечанию Ладмиралья, категория “денотация” в том смысле, в каком понимает ее Милль, на самом деле, соответствует такой лингвистической категории, как “референт” (Ladmiral, 1994: 130). А “**коннотация**”, по Миллю, — это интенционал концепта, его *понимание*, т.е. *сумма свойств, качеств*, характеризующих экстенционал концепта, иными словами, атрибут, характеризующий определенный класс денотированных объектов или индивидов (ibid.: 130; Mounin, 1963: 144). Ладмираль сближает логическую категорию “коннотация” с лингвистической категорией “означаемое”, “смысловое содержание знака” (*signifié*). Обратимся непосредственно к тексту “Логики” Милля (Mill, 1889). Проводя различие между “**коннотирующими**” и “**неконнотирующими**” именами, Милль следует близкой схоластики логике. “Неконнотирующий” термин обозначает только одного субъекта или только один признак (атрибут). “Коннотирующий” термин прямо обозначает класс субъектов и при этом *подразумевает* признак, атрибут, общий для этого класса. Заметим, что под “субъектом” Милль понимает индивида или предмет, обладающий признаком. Так, например, Жан, Лондон, Англия — это имена, обозначающие только одного *субъекта*. В свою очередь Белизна, Длина, Добродетель — это имена, обозначающие только один *признак*. Соответственно, по определению Милля, ни *одно из этих имен* не является “коннотирующим” (ibid.: 30—31). Напротив, такие слова, как “белый”, “длинный”, “добродетельный” являются “коннотирующими”. Для обоснования этого тезиса Милль обращается к примеру, приведенному в свое время Уильямом Оккамом: слово *белый* обозначает все белые вещи (снег, бумага, морская пена) и подразумевает, *коннотирует*, признак Белизны (ibid.: 31). Еще нагляднее логика Милля прослеживается на примере “коннотирующего” прилагательного “добродетельный” и “коннотирующего” существительного “человек”. “Добродетельный” — это имя, обозначающее *класс индивидов*. Однако имя “добродетельный” приписано этому классу только на том основании, что все индивиды, входящие в него, обладают неким общим свойством, атрибутом — Добродетелью. “Человек” — это имя, обозначающее Пьера, Жана, Жака и бес-

численное количество других индивидов, объединенных в класс “человек”. Но это имя “человек” приписано этому классу только на том основании, что все входящие в него индивиды обладают общими атрибутами, такими, как телесность, рациональность, человечность (ibid.: 31). Таким образом, слово “человек” *непосредственно* обозначает субъектов и *косвенно отсылает* к их атрибуту. Иными словами, оно *денотирует* (обозначает) субъектов и *коннотирует*, подразумевает, общие им качества⁷. В ходе своих размышлений Милль приходит к еще более радикальному выводу, практически ставя знак равенства между “значением” слова и “коннотацией”: “Если имена сообщают какую-то информацию об объектах, иными словами, когда они имеют значение, то это значение содержится не в том, что они *денотируют*, а в том, что они *коннотируют*” (ibid.: 35). Именно это изречение Милля позволило В.И. Говердовскому утверждать, что не иметь коннотации для Милля равносильно не иметь значения (Говердовский, 1979). С точки зрения Милля, различие между коннотацией и денотацией представляет не только научный, но и *моральный* интерес. Незнание четкой коннотации слов приводит к распушенности и беспорядку мысли (ibid.: 38). Люди нередко употребляют слова, имея лишь приблизительное представление об их значении, руководствуясь лишь примерным знанием о соответствующих им объектах (ibid.). В результате речь и размышления людей становятся расплывчатыми, лишенными смысла (ibid.: 39). Решение этой проблемы Милль видит в следующем: необходимо зафиксировать за каждым словом *четкую определенную коннотацию* таким образом, чтобы имя объекта давало точное представление о свойственных ему признаках. При этом слово может иметь не только одну, а несколько общепринятых *коннотаций*: все они должны быть описаны и закреплены за словом (ibid.: 40—41). Вышеприведенные размышления Милля еще больше убеждают нас в том, что под коннотацией английский логик понимал не что иное, как “значение” слова. Как отмечает Ладмираль, логическая категория “коннотация” соответственно не имеет ничего общего с лингвистической категорией “коннотация”: “*Force est bien d’enregistrer qu’il y a discr pance⁸, voire opposition entre son sens logique et son sens linguistique; au point que le lien, ne fut-il que diachronique, entre les deux sens n’appara t plus d  tout*” (Ladmiral, 1994: 130).

Для понимания собственно лингвистического взгляда на коннотацию исторически значимой, по мнению В.Н. Телия (Телия, 1998), В.И. Говердовского (Говердовский, 1979) и Сонессона (Sonesson), является книга Карла Отто **Эрдманна** “Значение слова” (*Erdmann Karl Otto. Die Bedeutung des Wortes. 1900*). Рассматривая содержательную структуру слова, Эрдманн ввел различие

между “*Hauptbedeutung*” (главное значение), “*Nebensinn*” (попутный смысл, попутное значение, созначение) и “*Gefühlswert*” (чувственная ценность, чувственное значение). Как отмечает шведский лингвист Горан Сонессон, введенные Эрдманном понятия были популяризированы в англосаксонском мире Фирсом (R. Firth) и Огденом и Ричардсом (Ogden & Richards). Первое из понятий было переведено как “денотация”, а вторые два были объединены в одном общем понятии “коннотация” (Sonesson). Согласно Эрдманну, “главное значение” точь-в-точь соответствует объекту воспринимаемого мира, иными словами, “главное значение” дает абсолютно объективный отчет об этом объекте. Напротив, попутное и чувственное значения не имеют эквивалентного объекта в реальном мире, они привносятся в основное содержание самим знаком или говорящим. “Главное значение” является когнитивным и концептуальным, что позволяет идентифицировать реальный объект. Напротив, два вторых значения являются эмотивными, или эмоциональными, и не совсем ясно, являются ли они частью содержания знака, привносятся ли они говорящим или являются результатом реакции слушающего (Sonesson).

Как отмечает В.И. Говердовский, после выхода книги Эрдманна “созначения” стали объектом пристального внимания лингвистов. В частности, немецкий лингвист **Ганс Шпербер** (Hans Sperber, 1885—1963) предложил психолингвистический подход к анализу диахронического изменения значения слова⁹. По его мнению, развитие значения слова определяется не только главным его значением, но и попутным и чувственным компонентами содержания. Таким образом, сфера расширения употребления слова тесно связывается Шпербером с изменением его “созначений” (Говердовский, 1979).

Широкую известность получила трактовка термина “коннотация”, предложенная отцом-основателем американской лингвистики **Л. Блумфилдом** (L. Bloomfield, 1887—1949) (Bloomfield, 1955; Блумфилд, 2002). Как отмечает Ж.-Р. Ладмираль, именно с его именем принято связывать рождение *современного лингвистического* толкования этого термина (Ladmiral, 1994: 132). В книге “Язык” Блумфилд определяет коннотацию как дополнительное значение и противопоставляет ее денотации (Mounin, 1963: 145; Bloomfield, 1955; Блумфилд, 2002). Если денотация связывается с объективным определением слова, разделяемым всеми носителями языка, то коннотация — с суммой дополнительных элементов значения, варьирующихся в зависимости от говорящих индивидов. Отстаивая бихевиористскую концепцию значения (значение как конкретное употребление слова в данной речевой ситуации), американский лингвист подчеркивал связь коннотации

с конкретным речевым опытом. Как отмечает Ж.-Р. Ладмираль, Блумфилд был первым, кто предпринял попытку систематизировать “коннотации”, предложив классификацию так называемых “социальных” коннотаций (Ladmiral, 1994: 132). В “социолингвистической” классификации Блумфилда мы находим коннотации, связанные с социальным статусом говорящих; коннотации, характерные для местных говоров и диалектов; архаические коннотации; коннотации, возникающие в заимствованных словах; просторечные и разговорные коннотации; академические и научные коннотации; арготические коннотации; иронические коннотации; коннотации, свойственные детскому языку; технические коннотации. Отдельно Блумфилд выделяет группу коннотаций, связанных с чувствами, эмоциями. Это эвфемизмы, коннотации усиленного значения (например, возникающие при перестановке слов), коннотации символических форм, звукоподражаний и др. По мнению Ладмирала, предложенный Блумфилдом подход к коннотации имеет, однако, существенные ограничения. Во-первых, американский лингвист не предпринял попытку описать содержание коннотаций и ограничился лишь перечнем соответствующих им социолингвистических регистров (Ladmiral, 1994: 133). Во-вторых, Блумфилд не решил вопроса о природе коннотаций: являются ли они индивидуальным явлением, соответствующим речевому опыту конкретного индивида, или социальным фактом языка (ibid.: 133). С одной стороны, американский лингвист подчеркивал социальную природу коннотаций, с другой — индивидуализировал коннотации до предела, связывая их с индивидуальной речью (ibid.: 138—139).

Семиотический подход к коннотации был впервые предложен датским лингвистом **Л. Ельмслевым** (1889—1965) (Hjelmslev, 1953; Ельмслев, 2006). У Ельмслева мы находим известное со времен Милля противопоставление “денотация”/“коннотация”, выраженное в виде оппозиции “денотативный язык” (денотативная семиотика)/“коннотативный язык” (коннотативная семиотика). Однако наряду с этими понятиями датский лингвист вводит также понятие “метаязыка”. Постараемся вкратце рассмотреть соотношение этих трех понятий в его концепции (“Пролегомены”, гл. 22). Согласно Ельмслеву, *коннотативный язык* противопоставит не только *денотативному языку*, но также и *метаязыку*. Под коннотацией подразумевается, таким образом, не отдельный элемент значения слова, а особая конфигурация языка. “*Коннотативный язык*”, по Ельмслеву, — это знаковая система, планом выражения которой является другой язык — язык *денотации*. Таким образом, означающим (*signifianté*) знаковой системы коннотации является знаковая система денотации. Например, лите-

ратура, планом выражения которой является естественный язык, является коннотативным языком. *Метаязык* в качестве плана содержания имеет язык денотации. Таким образом, означаемым (*signifié*) знаковой системы метаязыка является знаковая система денотации. Например, языкознание — это метаязык, планом содержания которого является естественный язык, денотативный язык. В свою очередь денотативный язык отличается от метаязыка и от коннотативного языка тем, что в нем ни план выражения, ни план содержания не образуется другим языком (Sonesson; Kassai, 1994; Говердовский, 1979; Ревзина, 2001; Admiral, 1994: 188—191; Calvet, 2003). Из этого следует, что денотативный язык объединяет в себе план выражения и план содержания знаковой системы, в то время как коннотативный язык и метаязык относятся к различным знаковым системам, каждая из которых имеет свой план выражения и свой план содержания (Sonesson). Как отмечает О.Г. Ревзина, “определение коннотации, предложенное Ельмслевом, как нельзя лучше подходило стилистике и соответственно было использовано ею” (Ревзина, 2001: 438). Действительно, в стилистике под стилистическим значением знака понимается коннотативное означаемое (план содержания), чьим означающим (план выражения) выступает сам знак как единое целое. Так, например, коннотацией слов *задиристый*, *задира*, *забияка* (их стилистическим смыслом) является разговорность. Однако выражается этот смысл в знаке, представляющем собой единство денотативного означаемого и денотативного означающего (там же). Подчеркнем, что коннотативная семиотика Ельмслева развертывалась не только в самой системе языка и сфере его действия, но и распространялась на экстралингвистическую невербальную сферу (жесты, сигнальные коды). Именно поэтому Ельмслев говорит не только о коннотативном языке, но и о коннотативной семиотике. Наряду с определением понятий датский лингвист предпринял также попытку *дифференцировать* элементы коннотативного языка — стили, жанры, диалекты, национальные языки, индивидуальные особенности произношения. Однако наибольшее количество споров и критики в современной лингвистике вызвало рассуждение Ельмслева о датском языке. Так, **Жорж Кассэ** обращает внимание на то, что, с точки зрения Ельмслева, собрание произведений на датском языке *коннотирует* “датскость”, иными словами, само использование датского языка является коннотативным языком (Kassai, 1994: 540). Анализируя этот же пример, Сонессон подчеркивает, что, согласно Ельмслеву, речь человека, говорящего на датском языке, по мере своего развертывания не только денотирует различное содержание, но и, не переставая, коннотирует связь человека с датским

языком и датской культурой, “датскость”. Соответственно, что бы ни пытался донести до своего собеседника человек, говорящий на иностранном языке, его речь наряду с общей информацией будет *коннотировать* его принадлежность к другой культуре, его “чуждость” (“я — иностранец”) (Sonesson). По мнению Ж. Кассэ, в этом примере прослеживается опасное влияние гумбольдтовской концепции о “духе языка”. Сам факт выстраивания слов согласно грамматическому строю определенного языка уже добавляет некий дополнительный смысл к сообщению: “Я использую именно этот язык, а не другой” (ibid). От себя добавим, что, согласно этому взгляду, общение между представителями различных культур мыслится по определению как проблематичное и напряженное, поскольку речь каждого из собеседников наряду с главной, “содержательной” информацией всегда несет в себе дополнительную, коннотативную информацию: “мы друг другу чужие”, “я свой — ты чужой”. Предваряя наше дальнейшее изложение, заметим, что в философских концепциях перевода, во многом из-за противоречивого наследия этнолингвистических теорий, проблема “коннотаций” нередко связывается именно с проблемой невозможности или неполноценности межкультурного общения и соответственно с непереводаемостью или неполноценностью переводов.

Семиотический подход к коннотации был также развит **Роланом Бартом**. Французский ученый одним из первых обратил внимание на *универсальность* и *антропологичность* явления коннотации, подчеркнув значение развития коннотативной лингвистики: “Будущее принадлежит коннотативной лингвистике, так как в человеческом обществе, на базе первичной системы, образуемой естественным языком, постоянно возникают *системы вторичных смыслов, и этот процесс, то явно, то нет непосредственно соприкасается с проблемами исторической антропологии*” (Барт, 1975: 158; курсив мой. — О.К.). Примечательно, что в своем анализе коннотации Ролан Барт непосредственно ссылается на Ельмслева, представляя краткое и предельно ясное изложение концепции датского лингвиста (там же: 157—158). Рассматривая вслед за Ельмслевым язык науки (например, языкознание) как метаязык, Барт утверждает, что развитие гуманитарного знания представляет собой не что иное, как диахроническую смену метаязыков. На основании этого тезиса Барт делает существенный вывод об относительности и преходящем характере объективности гуманитарного знания как такового:

«В принципе, ничто не препятствует тому, чтобы метаязык стал языком-объектом для другого метаязыка. Сама семиология может стать таким языком-объектом, в случае, если появится наука, которая сделает семиологию своим предметом. Если вслед за Ельмслевым мы согла-

симся считать гуманитарными науками связанные, исчерпывающие и простые языки, то есть операции, то каждая вновь возникающая наука предстанет как новый метаязык, делающий своим предметом метаязык, существовавший ранее и в то же время нацеленный на реальный объект, лежащий в основе всех этих “описаний”. Тогда история гуманитарных наук в известном отношении предстанет как диахрония метаязыков, и окажется, что любая наука, включая, разумеется, и семиологию, в зародыше несет собственную гибель в форме языка, который сделает ее своим предметом. Эта относительность, внутренне присущая всей системе метаязыков, позволяет понять относительность преимуществ семиолога перед лицом коннотативных языков... Сама история, создавая все новые и новые метаязыки, делает его объективность преходящей» (там же: 160).

На сегодняшний день одним из наиболее полных и системных исследований в области коннотаций являются работы **К. Кербрата-Орекьёни** (Kerbrat-Orecchioni, 1977, 2003). Кербрат-Орекьёни определяет *коннотацию* как автономную двустороннюю единицу, обладающую своим специфическим означаемым и своим специфическим означаемым. Иными словами, коннотативный план выражения и коннотативный план содержания не являются изоморфными по отношению к денотативному означаемому и денотативному означаемому. Если *денотация* имеет лексический или синтаксический план выражения и сообщает эксплицитную информацию о денотированном объекте, то носителем *коннотации* может стать даже незначительный элемент материальной формы знака (например, отдельный звук). Информация, сообщаемая *коннотацией*, обладает также особым статусом: она может как отсылать к непосредственному референту дискурса (субъекту высказывания, речевой ситуации, типу высказывания), так и обогащать денотативное содержание добавочными значениями (Kerbrat-Orecchioni, 1977: 229—230). Кербрат-Орекьёни предложила оригинальную классификацию коннотативных означаемых и коннотативных означающих. Означающие (*signifiant*) коннотации могут иметь:

- *звуковую или графическую природу* (фоностилемы, экспрессивные звуки, анаграммы, рифма и т.д.);
- *просодическую природу* (интонация, тонический акцент, пауза, ритм, скорость речи);
- *синтаксическую природу* (перестановка прилагательного в поэтической речи);
- *лексическую природу* (слово или морфема) и т.д. (ibid.: 106).

Таким образом, коннотативные означающие являются крайне разнообразными и могут относиться к любому уровню языка.

В свою очередь означаемые (*signifié*) коннотации могут быть представлены в виде следующей классификации:

- *стилистические коннотации*, относящиеся к определенному типу дискурса или уровню языка (коннотации, соответствующие определенному жанру; коннотации, связанные с архаизмами и неологизмами; коннотации, связанные со стилистическим уровнем языка: просторечия, разговорные слова, возвышенный стиль);
- *“энонсиативные” коннотации*, соответствующие речевой ситуации и связанные с индивидуальными или социокультурными особенностями речи говорящего (диалектная принадлежность; эмоциональные и чувственные коннотации; аксиологические оценочные коннотации; культурные и идеологические коннотации);
- *образные ассоциативные коннотации* (тропы и риторические фигуры);
- *имплицитные коннотации* (пресуппозиции, аллюзии и т.д.) (ibid.: 70).

В российской лингвистике исследование коннотаций связано с именами таких лингвистов, как О.С. Ахманова, Н.Г. Комлев, В.Н. Телия, Ю.Д. Апресян, И.М. Кобозева, Л.С. Бархударов и др. В известном труде “Лингвистическая семантика” **И.М. Кобозева** относит коннотацию (или семантическую ассоциацию) к *прагматическому компоненту значения слова*. По ее мнению, существенной характеристикой коннотаций является то, что, в отличие от других видов прагматической информации (эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемому или к адресату; прагматические функции лексем), “они включают в себя отсылку не к индивидуальному пользователю знака — говорящему, а к языковому коллективу” (Кобозева, 2007: 92). Таким образом, коннотация отражает не индивидуальную личную оценку, а коллективную оценку предметов или фактов действительности. В связи с этим И.М. Кобозева обращает внимание на то, что “коннотации специфичны для каждого языка” и культуры и вызывают трудности при переводе (там же: 93—94). В свою очередь, **О.С. Ахманова** в “Словаре лингвистических терминов” дает следующее определение коннотации: “Коннотация (добавочное значение, окраска, окрашенность) — дополнительное содержание слова (или выражения), его *сопутствующие семантические или стилистические оттенки*, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода *экспрессивно-эмоционально-оценочных* обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.” (Ахманова, 2007: 203—204; курсив

мой. — О.К.). При этом Ахманова различает также “ингерентную” коннотацию, *присущую лексическому значению* слова вне контекста, и “адгерентную” коннотацию, *формируемую контекстом* (Ахманова, 1972; курсив мой — О.К.). По мнению **Н.Г. Комлева**, коннотации имеют психическую природу. Само же содержание коннотаций выводится из множества повторных употреблений слова: оно стандартизируется и фиксируется в ходе социального общения. Н.Г. Комлев предпринял также попытку выделить сферы коннотаций: мировоззрение, чувство, представление, культурный компонент, компонент поля, уровень знания (Комлев, 1969). **Л.С. Бархударов** рассматривает коннотацию в русле прагматического подхода, не делая, однако, четкого вывода о том, является ли коннотация частью прагматического значения слова или имеет прагматическую природу в широком смысле этого слова (связь с экстралингвистическим и лингвистическим опытом участников коммуникации, их фоновыми знаниями): “*К прагматическому значению слова примыкает также то, что принято называть его коннотацией. Под коннотацией имеются в виду те дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка. Коннотацию, видимо, не следует считать в собственном смысле компонентом семантической структуры слова (то есть частью его значения); тем не менее ее роль в эмоционально окрашенной речи, особенно в таком жанре, как лирическая поэзия, иногда весьма велика. Слова с одним и тем же референциальным значением нередко имеют неодинаковую коннотацию в разных языках, то есть вызывают у членов разных языковых коллективов различные ассоциации (или не вызывают никаких ассоциаций)*” (Бархударов, 1975: 123). При этом автор подчеркивает, что коннотации могут иметь не только образно-эмоциональный, но и категориальный характер, связанный с особенностями членения и категоризации действительности в жизни и быту различных народов (там же: 124).

В.Н. Телия, напротив, рассматривает коннотацию как сущность *семантическую par excellence*, т.е. «как такой “пучок”, или синтез информации, принадлежащий значению номинативных единиц языка, который содержит в себе сведения, создающие экспрессивный эффект высказывания» (Телия, 1986: 4). Исходя из “аксиологического подхода к проблеме коннотации” Телия подчеркивает, что «коннотация имеет форму субъектно-оценочного модуса к денотативному “диктуму” значения»; обладая формой модальности, коннотация как бы “наслаивается” на высказывание, в которое входят содержащие его выражения, и придает ему экспрессивную окраску, а само высказывание становится двупла-

новым — оно сообщает о мире и выражает эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому (там же).

Исследуя историю понятия “коннотация”, Ю.Д. Апресян обращает внимание на то, что наряду с двояким пониманием этой категории как компонента лексического значения слова или как оценки предмета, не входящей непосредственно в лексическое значение слова, существует также несколько других определений коннотации. Если в логике коннотация понимается как интенционал, смысл в противоположность денотации, то в лингвистике коннотация может пониматься также как синтаксическая валентность слова (психолингвистическая традиция, восходящая к работам К. Бюлера), как переносное значение, основанное на тропах и фигурах речи или же как факультативный элемент лексического значения (Апресян, 1995: 158). Однако, по мнению Апресяна, оправданным является только следующее определение коннотации: “...узаконенная в данном языке оценка объекта действительности, именем которой является данное слово” (там же: 159). “Коннотациями лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. <...> Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями и выводами из него” (там же). Ю.Д. Апресян подчеркивает, что коннотации, или семантические ассоциации, являются частью прагматики слова¹⁰. Они фиксируют связанные со словом культурные представления и традиции, практику использования той или иной вещи, характерную для данного общества, и многие другие внеязыковые факторы (там же). По убеждению ученого, только подобное определение является оправданным, поскольку всем остальным значениям термина “коннотация” в лингвистике уже соответствуют свои более четкие понятия: “интенционал”, “модальная рамка”, “оценочный компонент значения”, “пресуппозиция”, “факультативный, или слабый, компонент значения”, “семантическая и синтаксическая валентность” (там же). Ю.Д. Апресян подчеркивает, что это понимание коннотации разделяет и Е. Бартминский. Действительно, по определению Бартминского, коннотация — это “совокупность не всегда связанных, но закрепленных в культуре данного общества ассоциаций”, образующих сопутствующие лексическому значению “содержательные элементы, логические и эмотивные, которые складываются в стереотип” (Бартминский; цит. по: Апресян, 1995: 159).

Проведенный анализ как российских, так и зарубежных источников показывает неоднозначность и сложность явления кон-

нотации. Одни авторы рассматривают *коннотацию* как явление сугубо семантическое (т.е. как дополнительный компонент значения слова), другие подчеркивают прагматическую и экстралингвистическую природу коннотации (связь с культурными ассоциациями, фоновыми знаниями, с культурой народа). Третьи, наконец, рассматривают коннотацию как связующее звено между семантикой и прагматикой. Нет ясности и в степени обобщения коннотаций. Одни авторы выделяют индивидуальные коннотации, связанные с особенностями индивидуального речевого и жизненного опыта человека. Другие говорят о “коллективных”, или “социокультурно детерминированных”, коннотациях, отражающих общепринятые в коллективе оценки и мнения. Но какими бы ни были споры о природе коннотаций, ясным остается одно: это загадочное неуловимое “дополнительное значение”, этот *неясный смысловой оттенок* представляет особую трудность в межкультурном общении и тем более в переводческой практике. Ведь основная задача переводчика — донести до получателя речи *смысл*, заложенный в сообщении отправителя (Lederer, 2001: 69).

Действительно, в философских концепциях перевода проблема “коннотаций” нередко связывается с извечным спором о *переводимости/непереводимости, верности и предательстве* — “Traduttore — Traditore”¹¹ (Ricœur, 2001: 125—130; Verman, 1984: 14—17; Cordonnier, 1995, 2002; Эко, 2006: 42—55; Гарбовский, 2004: 9—10). Согласно известному изречению Жоржа Мунэна (Georges Mounin), “когда говорят, что *перевод невозможен*, то в девяти случаях из десяти имеют в виду... *коннотации*” (Mounin, 1963: 168; курсив мой. — О.К.)¹².

Тезис о *непереводимости* пришел в философию перевода из *этнолингвистики, этнопсихологии* (Кузнецов, 1998; Кондрашов, 2006; Мурзин, 1998) и индивидуалистического направления в *психолингвистике* (Мурзин, 1998). Если в первом случае он является своеобразным переложением тезиса о культурной и языковой относительности (непереводимость объясняется несоизмеримостью культурных миров и соответствующих им языковых картин мира), то во втором он гиперболизирует и воспроизводит в новой форме тезис о специфике индивидуального мышления и индивидуальной речи (непереводимость обусловлена абсолютной несоизмеримостью внутренних миров индивидов согласно логике “чужая душа — потемки”). С развитием социолингвистики (Швейцер, 1998: 481—482), обосновавшей различие языковых форм в зависимости от социальных групп, тезис о непереводимости получил еще одну аргументационную основу: различие социальных представлений обуславливает разли-

чие дополнительных смыслов, вкладываемых представителями различных социокультурных групп, классов и миров в идентичные, с точки зрения денотата, языковые формы.

Развитие теории и практики перевода доказало, однако, несостоятельность и “некорректность теории о *непереводимости*” (Комиссаров, 2001: 40; курсив мой. — *О.К.*). Как отмечает **М. Ледерер** (Marianne Lederer), распространению теории непереводимости в языкознании способствовали не столько переводчики-практики, сколько лингвисты-компаративисты, проводившие сопоставительный анализ *изолированных языковых форм вне дискурса, вне коммуникации* (Lederer, 2001: 69). Утверждения о “непереводимости” основаны на серьезном недоразумении: на неумении проводить различие “*между собственно языком, являющимся объектом описания грамматистов и лингвистов, и употреблением, использованием этого языка теми, кто говорит и пишет на нем, теми, кто его слышит или читает*” (ibid.). Действительно, этнолингвистические исследования — от Гердера, Ж. де Сталь, Гумбольдта и немецких романтиков до Сепира и Уорфа и их последователей (Кассирер, Вайсгербер, Трир и др.), от Потемни, Афанасьева и Буслаева до Н.И. Толстого — традиционно возвеличивали уникальность “*внутренней формы*” национального языка. При этом, как отмечает А.Д. Швейцер, они оставляли без внимания *речь, языковой и ситуативный контекст*, являющиеся “*мощным средством нейтрализации семантических расхождений*”: “*Факты, на которые ссылаются неогумбольдтианцы, как правило, касаются расхождений в репертуаре и содержании грамматических категорий, в структуре семантических полей и других различий на уровне языковой системы. Однако перевод... представляет собой одну из разновидностей речевой коммуникации, в ходе которой анализируются и порождаются речевые произведения — тексты. <...> Идея абсолютной непереводимости связана с представлением о переводе как о чисто языковой операции. Вместе с тем семантические расхождения между языками, на которые обычно ссылаются сторонники теории непереводимости, преодолеваются в речи, на уровне которой совершается перевод, с помощью языкового и ситуативного контекстов*” (Швейцер, 1988: 101, 109; курсив мой. — *О.К.*). **В.Н. Комиссаров** так комментирует сложившееся в гуманитарных науках отношение к переводу. Если “*поэты, критики и филологи высказывали сомнения в возможности воспроизвести в переводе художественные особенности оригинала, его национальную специфику, литературные, исторические и культурно-бытовые ассоциации и тому подобные тонкости, то известная языковедам уникальность словарного состава и грамматического строя каждого языка по-*

зволяла утверждать, что полное тождество текстов оригинала и перевода в принципе невозможно, а следовательно, *невозможен и сам перевод*. Получалось *парадоксальное положение: практическая деятельность*, которая осуществлялась на протяжении многих веков, *оказывалась теоретически невозможной* и как бы несуществующей” (Комиссаров, 2001: 13; курсив мой. — *О.К.*).

Признавая факт *межкультурной и межъязыковой асимметрии*¹³, современные специалисты в области переводоведения обосновывают нерелевантность тезиса о “непереводимости”, подчеркивая универсальную способность людей к общению и взаимопониманию, делающую перевод не только возможным, но и необходимым:

«Люди иных культур и иного языкового сознания *способны понять* эти различия. Поэтому если рассматривать перевод только как способ описания той же самой действительности средствами иного языка, то проблема перевода оказывается довольно легко решаемой и вопрос о “непереводимости” не возникает» (Гарбовский, 2004: 10; курсив мой. — *О.К.*).

«Rien ne permet de penser que tous les hommes ne sont pas à même de voir les mêmes choses, de concevoir les mêmes idées et de les exprimer, quelle que soit leur langue. Les difficultés, les soi-disant impossibilités de la traduction ne sont pas nées de l’incapacité des langues d’exprimer les mêmes choses, mais de la croyance ambiante à la nécessité impérieuse, au nom d’une fidélité mal comprise, de transposer les énoncés, et des efforts exténuants de certains traducteurs pour se conformer à cette espèce de “code moral”, alors que la fidélité au texte original exige que soient utilisés d’autres moyens linguistiques pour dire et faire comprendre la même chose» (Ladmiral, 2001: 69—70; курсив мой. — *О.К.*).

«*Принципиальная возможность общения...* указывает на *некорректность “теории непереводимости”*... Перевод — это средство сделать возможной межъязыковую коммуникацию, то есть общение между людьми, говорящими на разных языках... В современном переводоведении признается принципиальная переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных опущениях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации» (Комиссаров, 2001: 40; курсив мой. — *О.К.*).

«*Постулату непереводимости противостоит постулат переводимости...* Принципиальная возможность перевода убедительно подтверждается практикой, и в частности неоспоримыми достижениями переводчиков в развитии культурных связей между народами” (Швейцер, 1988: 103; курсив мой. — *О.К.*). “*Принципиальная возможность перевода* отнюдь не опровергается наличием отдельных трудностей, препятствующих межъязыковой коммуникации, неизбежностью отдельных потерь. Ведь переводимость имеет под собой прочную основу — *общность логического строя мысли, общечеловеческий характер логических форм, наличие семантических универсалий, общность познавательных интересов*” (там же: 109).

Заметим, что схожие идеи высказывались и отдельными представителями этнолингвистического направления, отстаивающими наряду с принципом о культурном своеобразии принцип общности человеческой природы. Так, в частности, **А. Вежбицкая**, определяя язык как средство выражения смысла, подвергла идеи Гердера и гумбольдтианцев резкой критике:

“We think, we feel, we perceive — and we want to express our *thoughts*, our *feelings*, our *perceptions* <...>. If language is a tool for expressing meaning, then meaning, at least to some extent, must be independent of language and transferable from one language to another. Yet this essential separateness — and separability — of meaning from language has sometime been denied. For example, the eighteenth-century German thinker Johann Gottfried Herder maintained that thinking is essentially identical with speaking and therefore differs from language and from nation to nation” (Wierzbicka, 1992: 3).

В свою очередь **Гуденаф**, признавая специфический, “грамматический” характер языков и культур, также задавался вопросом об общности человеческой природы: “If we grant that all men do have such a compulsion for grammatical order, are the many different orders men have created based on *entirely different principles*? Or are there... certain basic capacities for ordering that are *common to the human species* and, beyond these, certain *common inclinations* to use these capacities in similar ways?” (Goodenough, 1969: 334; курсив мой. — *О.К.*). В ответе на этот вопрос Гуденаф подвергнул сомнению тезис о непреодолимом различии языков и культур, обосновав принципиальную возможность межкультурного понимания: “One thing is sure: *people are able to learn* more than one cultural order, just as they can learn more than one language. These orders call in each case distinctive formulations for rules that are not exactly replicated in any other order. Hence *the so-called relativity of culture*. But *they are not so different that a person able to learn one is unable to learn another*” (ibid.: 334—335; курсив мой. — *О.К.*).

Культурные и индивидуальные коннотации, несомненно, осложняют переводческую деятельность, так как они добавляют к основному содержанию сообщения смысловой оттенок, ставящий дополнительные преграды на пути *понимания*. Но можно ли утверждать, что они недоступны пониманию, являются непереводаемыми и не *должны* переводиться? Напомним “провокационное” заявление **Ж. Мунэна**: “Когда говорят, что *перевод невозможен*, то в девяти случаях из десяти имеют в виду... *коннотации*”, — и постараемся вкратце рассмотреть существующие в современной теории перевода позиции по данному вопросу.

Для этого обратимся в первую очередь к труду Ж.-Р. Ладмираля, предпринявшего попытку резюмировать спор о коннотациях (Ladmiral, 1994: 172—179). По его мнению, этот вопрос разделит теоретиков перевода на два антагонистических лаге-

ря — сторонников семантического подхода к коннотациям, или “*sémanticiens, sémanticistes*”, и сторонников стилистического подхода к коннотациям, или “*stylisticiens*”. К первым Ладмираль относит “лингвистов — философов перевода”: **Ж. Мунэна** (G. Mounin), **Ю. Найду** (E. Nida), **Ч.П. Табера** (Ch. Taber). Ко вторым — “литераторов — теоретиков перевода” и “теоретиков художественного перевода”, разрабатывающих поэтику перевода: **Анри Мешонника** (H. Meschonnic), **Л. Робеля** (L. Robel) и др.

Сам **Ж.-Р. Ладмираль** позиционирует себя как сторонник семантического подхода, хотя и не скрывает, что внутри самого лагеря “семантисистов” существуют свои разногласия в подходах к коннотациям. В книге Ладмиралья мы не находим четкого анализа подходов А. Мешонника и Л. Робеля к коннотациям, однако позиция “семантисистов” изложена предельно ясно: «Je ne communique pas *sur* des objets extérieurs (dénotés) en y ajoutant par après le “grain de sel” d’une subjectivité adventice (connotative). La connotation ne peut être définie comme un pur “supplément d’âme” stylistique, venu auréoler ou couronner un corps de sens dénotatif» (Ladmiral, 1994: 172). Нетрудно заметить, что подобное определение коннотации идет вразрез со стилистическим пониманием коннотации (см., например, приведенное выше определение коннотации, предложенное Ахмановой). Ладмираль утверждает, что коннотация — это не стилистический оттенок, наслаивающийся на денотативное значение сообщения: она является неотъемлемой частью семантики. Вслед за М.-Н. Гари-Приёр (Gary-Prieur, 1971) автор призывает пересмотреть традиционную оппозицию “денотация”/“коннотация” и поставить вопрос об интегрировании коннотаций в теорию семантики (Ladmiral, 1994: 172). Позиция Ладмиралья в отношении коннотации связана в первую очередь с практическими задачами перевода. Отказываясь отбрасывать коннотации в область “непереводимого” и “загадочного”, французский ученый подчеркивает информационную значимость коннотаций для коммуникации: “Elle est un *élément d’information comme un autre*, que la (méta-) communication traduisante est amenée à placer sur le même plan que la dénotation; elle est un élément, un *moment sémantique de l’énoncé-source* — à traduire dans le cadre global et indivis d’un acte de communication” (ibid.; курсив мой. — О.К.); «L’expérience du traduire est bien que la stylistique n’est pas à proprement parler secondaire mais qu’il y a une coïncidence où se rencontrent le sens et le style, la “forme” et le “fond”, et que c’est l’unité indissociable des deux *qu’il faudra traduire ensemble*. Et c’est bien là, semble-t-il, ce à quoi tente de répondre la notion empirique de connotation» (ibid.: 128; курсив и подчеркивание мои. — О.К.). Оспаривая лингвистическую традицию, согласно

которой коннотации рассматриваются как дополнительные или вторичные значения, Ладмираль подчеркивает *коллективную* и *коммуникационную* сущность коннотаций. За исключением крайних случаев — сугубо индивидуальных коннотаций и ярко выраженных коннотаций местных диалектов, арго, техницизмов, — коннотации не являются настолько специфичными, чтобы они не были доступны пониманию членам сообщества (ibid.: 176). По мнению ученого, несмотря на существование языковых барьеров внутри лингвистического сообщества, на которые не перестают указывать *социолингвисты*, всегда необходимо стремиться к достижению «глобальной, тотальной коммуникации». Именно этот идеальный образец должен служить ориентиром как носителям языка, так и переводчикам, которые должны *прилагать все необходимые усилия для перевода коннотаций*: «C'est une telle *archi-compétence* tendanciellement totale qu'est obligé de faire fond le traducteur: chaque texte-source exige de lui *des efforts* de documentation nécessaire pour maîtriser, en langue-cible autant qu'en langue-source, tous les registres dialinguistiques mis en œuvre par le texte» (ibid.: 177; курсив мой. — О.К.). Обосновывая тесную связь семантики с социокультурными явлениями, Ладмираль подчеркивает, что *семантический* подход к коннотациям должен быть дополнен подходом *семиотическим*, ярко представленным в творчестве Р. Барта. Семиотический подход, по его мнению, не является «экстрасемантическим», а представляет собой логическое продолжение, или расширение, семантики и соответствует новым взглядам на природу языка: «Le concept de langue devra aussi être... élargi pour s'ouvrir sur *les horizons socio-culturels* qui viennent assurer le remplissement réel de sa *sémantique*» (ibid.: 78). Семиотический подход к языку в его неотрывной связи от культуры ставит перед переводчиком новые задачи: в его профессиональную компетенцию должно входить умение владеть всеми культурными пресуппозициями: «Le traducteur doit nécessairement avoir intégré ces *connotations* à la *sémantique* de ce que nous avons appelé son «*archi-compétence*... De proche en proche, *ce sont toutes les présuppositions du champ culturel que le traducteur finirait par être amené à maîtriser*»» (ibid.: 178; курсив и подчеркивание мои. — О.К.). Перевод, по Ладмиралю, обладает *объективирующей* сущностью: он обнажает и выносит на поверхность культурные коннотации, свойственные контекстам различных языков. С этим связана и ответственность переводчика: переводчик, обнажающий культурные коннотации, релевантные для ситуации общения, *обязан* передать их на языке перевода, поскольку они являются частью информации, содержащейся в тексте оригинала (ibid.).

Рассмотрим теперь позиции Ю. Найды, Ч.П. Табера и Ж. Мунэна, обращаясь непосредственно к текстам авторов и к критическому анализу их взглядов, предложенному Ладмиралем.

Характеризуя **Ю. Найду** и **Ч.П. Табера** как сторонников семантического подхода к коннотациям, Ж.-Р. Ладмираль, однако, обращает внимание на то, что их позиция в этом вопросе не всегда была последовательной. Переводческая программа, изложенная Ч.П. Табером в статье “*Traduire le sens, traduire le style*” (Taber, 1972: 55—63), предписывала осуществление перевода в два этапа: 1) *сначала* перевести *смысл*; 2) *затем* перевести *стиль*, что свидетельствует о том, что авторы разделяли главный смысл и смысл стилистический, вторичный. Проведенный нами анализ труда “*The Theory and Practice of Translation*” показывает, что эту переводческую программу разделял и Ю. Найда: “*Translating consists in reproducing in the receptor language the closest natural equivalent of the source-language message, first in terms of meaning and second in terms of style*” (Nida, Taber, 1974: 12; курсив мой. — *О.К.*). Подобная позиция, по мнению Ладмиралья, объясняется тем, что Ч.П. Табер и Ю. Найда следовали теоретическим положениям генеративной грамматики. Действительно, если мы обратимся к работе Ю. Найды “*Language structure and translation*”, то мы увидим, что значительная часть работы посвящена обоснованию различия “поверхностных” и “глубинных структур” языка (Nida, 1975). Как подчеркивает Ладмираль, Табер связывал “глубинную структуру” с “семантической структурой”. Предполагалось, что “глубинные структуры” языков являются универсальными. Что касается “поверхностных структур”, находящихся выражение в виде высказываний и подлежащих переводу, то они являются своеобразным стилистическим переложением смысла глубинных структур. При реализации высказывания говорящий делает выбор среди множества формальных инструментов, позволяющих выразить глубинный смысл. Это множество и есть стиль (Ladmiral, 1994: 121). По справедливому замечанию Ладмиралья, столь радикальное разделение “смысла” и “стиля” содержало в себе риск сведения коннотаций к поверхностной структуре, иными словами, к форме: “*Le jeu des connotations paraissait devoir être exclusivement rejeté au plan de la forme, en structure de surface*” (ibid., 1994: 126). В таком случае, согласно логике Найды и Табера (“*Meaning must be given priority, for it is the content of the message which is of prime importance*” — Nida, Taber, 1974: 13), приоритетным оказался бы перевод основного денотативного смысла, в то время как коннотационная информация рассматривалась бы как вторичная и не столь существенная. Однако парадоксальным образом (и в этом Ладмираль

видит внутреннее противоречие этой теории) Табер относит коннотации к глубинной структуре. Согласно его определению, семантическая структура тождественна “концептуальному и аффективному содержанию сообщения текста” (Taber, 1972: 56). Как отмечает Ладмираль, в англосаксонской лингвистике “аффективное, или эмотивное, значение” (“*emotive meaning*”) — это не что иное, как “коннотации”. Интересно отметить, что предлагаемый Найдой и Табером *компонентный анализ* объединяет в себе анализ денотативных и аффективных значений (Taber, 1972: 60; Nida, 1975: 25—29), что дает все основания отнести позицию Найды и Табера к *семантическому* подходу к коннотациям.

Действительно, как и Ладмираль, Найда и Табер подчеркивали *коммуникативную* природу коннотаций и настаивали на необходимости их перевода. В книге “*The Theory and Practice of Translation*” они посвятили целую главу коннотативному значению (Nida, Taber, 1974: 91—98). Определяя коннотацию как “*aspect of meaning which concerns the emotional attitude of the author and the emotional response of a receptor*” (ibid.: 199), Найда и Табер в духе сложившегося в лингвистике мнения выделяют два вида коннотаций — “*индивидуальные*” и “*социально детерминированные*”. Однако, с их точки зрения, лишь второй вид коннотаций заслуживает внимания переводчиков. Если коннотации первого вида являются преходящими и сугубо индивидуальными, то коннотации второго вида отражают принятые в том или ином сообществе конвенции и играют существенную роль в координировании коммуникации: «*The connotations of words may be highly individual. For example, because of some experience in a doctor’s office, the word “doctor” may be quite abhorrent to a child. But most such individual connotations are quickly lost, while the socially determined connotations (which are often purely conventional and therefore learned) are acquired by each speaker as part of his languagelearning experience*» (ibid.: 91—92). В особенности Найда и Табер подчеркивали значение социально детерминированных коннотаций в *практике перевода*. По их мнению, учет коннотаций и их передача необходимы для достижения “*динамической эквивалентности*” сообщения¹⁴:

“The fact that people understand thoroughly all the significant details of an account is no guarantee that they will react to the message in the same manner as other people do... Because any theme is inevitably interpreted in the light of the distinctive set of values maintained by each culture or society, one must expect that events will never be mere events, any more than words are mere words. They are always colored by associations, and evaluated in terms of the emotive reactions of people. The importance of connotative meanings is much greater than the brevity of this chapter might suggest, for the effort to attain dynamic equivalence, equivalent emotive responses on the part of the receptors is absolutely crucial” (ibid.: 98).

Обратимся теперь к работе **Жоржа Мунэна**. По мнению Мунэна, коннотации неразрывно связаны с денотациями и относятся к области *семантики*, соответственно не правы те, кто относит их к области только *стиля* или *прагматики* (Mounin, 1963: 166). Это высказывание явно свидетельствует о том, что Мунэн является сторонником семантического подхода к коннотациям. Что же касается его позиции в вопросе о “переводимости” коннотаций, то она является не столь четкой и однозначной. С одной стороны, французский ученый подчеркивает, что каковы бы ни были споры о природе коннотаций, существенным для теории и практики перевода является лишь одно: “Коннотации являются частью языка” и “их необходимо переводить” (ibid.: 159). С другой стороны, следуя идеям Блумфилда, он обращает внимание на то, что коннотации слов тесно связаны с индивидуальными эмоциями, они варьируются от индивида к индивиду и от ситуации к ситуации, что ставит под сомнение возможность перевода и межъязыкового общения как такового: «*Les connotations viennent recreuser le fossé qui sépare les langues, fossé déjà creusé profondément par les différences les plus matérielles entre civilisations, par les différences les plus subtiles entre “visions du monde”*» (ibid.: 168). В качестве доказательства тезиса о *неоднозначности* коннотаций Мунэн приводит слово “поезд”, с которым каждый человек может связывать свои неповторимые ассоциации: “Le mot *train* quand un locuteur l’emploie réfère... trois auditeurs différents à la réalité non linguistique: *suite de wagons tirés par une locomotive*, mais de plus, pour l’un à l’atmosphère joyeuse d’un départ en vacances, pour l’autre au souvenir ou à l’appréhension d’une catastrophe, pour le troisième à la monotonie d’une navette quotidienne entre l’usine et la maison...” (ibid.). После этого изложения Мунэн вновь задает вопрос: “Faut-il traduire, et peut-on traduire, et comment les connotations?” (ibid.). Однако на этот раз вопрос остается без ответа. Ж. Мунэн ограничивается перечислением трудностей, связанных с коннотациями: «*Ces connotations... mettent en cause non seulement la possibilité de transfert de civilisation à civilisation, de “vision du monde” à “vision du monde”, de langue à langue, mais finalement, d’individu à individu même à l’intérieur d’une civilisation, d’une “vision du monde”, d’une langue qui leur sont communes*» (ibid). Отсюда логически вытекает известный тезис Мунэна, который мы не раз приводили в нашей работе: “*Quand on dit que la traduction est impossible, neuf fois sur dix, on pense à ces connotations...*” (ibid.). На этом и завершается глава Ж. Мунэна о “Лексике, коннотациях и переводе”, оставляя читателя один на один с нерешенным вопросом. Ключом к разгадке позиции французского исследователя может, однако, служить глава “Перевод, язык

и межличностная коммуникация” (ibid.: 169—187), в которой Мунэн подвергает резкой критике концепцию лингвистического солипсизма и теорию непереводаемости, развиваемые не столько лингвистами, сколько литераторами и философами.

Суть их идей сводится к следующему: “*Courant de pensée qui se définit par le postulat que la communication chez les hommes est impossible, qu’on ne peut rien communiquer, jamais. La traduction devient impossible parce que le langage lui-même n’assure pas la communication des hommes entre eux, même la communication unilingue*” (ibid.: 170). Истоки лингвистического солипсизма Мунэн усматривает еще в трудах Гумбольдта (ibid.) и Рильке (ibid.: 171). Однако во Франции его апогей Мунэн связывает в первую очередь с философской мыслью Мориса Бланшо (Maurice Blanchot) (ibid.). Солипсизм возвеличивает до предела эстетическую функцию языка и недооценивает, вплоть до полного отрицания, практическую коммуникативную функцию языка и его логическую функцию (ibid.: 182). Человек в представлении Мориса Бланшо обречен на одиночество, тишину и молчание (ibid.). Чтобы парировать аргументы солипсистов и сторонников теории непереводаемости, Мунэн подчеркивает роль *социальной практики*, доказывающей возможность коммуникации: “La preuve qu’il existe des traits communs entre les énoncés du système de pensée de la langue anglaise, et les énoncés du système de pensée de la langue chinoise, c’est que le bilingue peut *se servir* de la langue chinoise, provoquer par ses énoncés en chinois les situations qu’il a prévues, réagir correctement aux énoncés en chinois qui lui sont adressés: la preuve de la communication des deux systèmes est *la pratique sociale*” (ibid.: 186). Именно в контексте спора с солипсистами Мунэн пересматривает и вопрос о коннотациях, стараясь найти в теории Блумфилда указания на необходимость анализа коннотаций не самих по себе, не изолированно, а в рамках *речевой практики*, в рамках *коммуникации*. Мунэн напоминает, что, согласно Блумфилду, не существует двух абсолютно одинаковых ситуаций. Соответственно и смыслы двух сообщений, связанных с этими двумя ситуациями, никогда не будут идентичными. Есть тем не менее одно существенное “но”. Как отмечает Блумфилд, наряду с неясными элементами сообщения, являющимися сугубо личными и варьирующимися от индивида к индивиду, всегда существуют семантически релевантные элементы, являющиеся общими для двух индивидов и соответствующие конкретной ситуации общения (ibid.: 173—174). Развивая идеи Блумфилда и Мунэна, подчеркнем, что именно конкретная речевая ситуация позволяет сузить круг потенциальных коннотаций, связываемых со словом. Она отсеивает нерелевантные коннотации и акцентирует те коннотации, что

являются существенными для конкретного коммуникационного акта. Вероятно, именно такие коннотации Мунэн считает достойными перевода.

В рамках данной статьи мы не сможем подробно остановиться на работах **Жана Делиля** (Jean Delisle). Заметим только, что методика преподавания перевода, разработанная канадским ученым, предполагала исключение из педагогического материала текстов с повышенным коннотативным содержанием. Осознавая сложность перевода “коннотаций”, Жан Делиль сосредоточил свое внимание на так называемых “прагматических текстах”, в которых доля “денотативного языка” выше доли “коннотативного языка”, иными словами, на текстах, в которых, по определению Делиля, передача информации является первостепенной по отношению к передаче эмоций и аффектов (Delisle, 1980: 31—32). Подобная позиция объясняется тем, что Делиль сводил коннотации к стилю и форме. В отличие от Ладмираля он не рассматривал “коннотации” как информацию. Стиль — это “*manière d’écrire*”, “*tout ce qui se surajoute à la fonction purement dénotative d’un texte*”, “*tout ce qui se superpose à l’information pure et simple*”, une “*surcharge connotative*” (ibid.: 113). Примечательно, что, в отличие от Найды и Табера, включивших анализ коннотаций в компонентный анализ, Делиль развел собственно лексическое толкование (*exégèse lexicale* — ibid.: 101—112) и стилистический анализ текста (ibid.: 113—118). А сам стилистический анализ при этом сводился Делилем к определению стилистического жанра текста и выявлению его основных *формальных* черт (ibid.: 113). Признавая значение коннотаций для общего смысла сообщения (“*Cette surcharge connotative n’est pas insignifiante pour autant. Indissociables comme le recto et le verso d’une feuille, fond et forme contribuent l’un et l’autre au sens global d’un message et à l’impression cognitive et affective qu’il laisse sur les lecteurs*” — ibid.), Делиль тем не менее полагал, что излишнее внимание к коннотативным элементам текста является непедagogичным: “*Il serait anti-pédagogique de fonder une méthode d’initiation à partir de textes dont le registre est le plus éloigné de la langue des messages pragmatiques, ceux-là mêmes qui constituent l’écrasante majorité des textes que les futurs traducteurs auront à traduire une fois sur le marché du travail, ceux-là même qui ont rendu nécessaire la création d’écoles de traduction*” (ibid.: 33). Таким образом, позиция Делиля по отношению к коннотациям объясняется в первую очередь педагогическими задачами: “*Ce parti pris méthodologique permet d’accorder une place prépondérante à deux des quatre principales fonctions du langage, celles de communication notionnelle et d’instrument de la pensée logique, et de laisser dans*

l'ombre les fonctions poétiques et instrument d'expression de l'affectivité" (ibid.).

И наконец, рассмотрим подходы к коннотации в российском переводоведении на примере работ А.Д. Швейцера и В.Н. Комиссарова. В работе "Теория перевода" А.Д. Швейцер обращает внимание на то, что "наименьшее препятствие для переводимости возникает при передаче важнейших функций речи — таких, как референтная (денотативная) функция, непосредственно связанная с отражением текста внеязыковой действительности". А "наибольшие трудности возникают в связи с передачей занимающих периферийное положение параметров текста" (Швейцер, 1988: 108—109). Вслед за О. Каде под периферийными параметрами текста Швейцер понимает различные металингвистические компоненты, экспрессивно-эмоциональную и прагматическую нагрузку сообщения, его художественно-эстетическую ценность, компоненты, обусловленные языковыми особенностями речевых коллективов, а также *коннотативные компоненты значения* (там же: 102—103). Однако, как отмечает Швейцер, "непереводимые и труднопереводимые компоненты этих параметров нередко *компенсируются* с помощью других компонентов" (там же: 110). Кроме того, на помощь переводчику приходит "контекст, снимающий неоднозначность языковой единицы" и помогающий "переводчику при преодолении семантических расхождений между единицами и формами исходного текста и языка перевода" (там же). Тот же контекст позволяет переводчику отобрать релевантные для ситуации коннотации, подлежащие переводу. Из этих рассуждений, близких позиции Ж. Мунэна, следует тезис о принципиальной переводимости: "Принципиальная переводимость, допускающая известные потери, исходит из того, что эти потери касаются второстепенных, менее существенных элементов текста, и предполагает обязательное сохранение его главных, наиболее существенных элементов, его функциональных доминант" (там же). Проблема коннотаций рассматривается Швейцером и в рамках теории эквивалентности. Анализируя виды эквивалентности, предложенные В. Коллером — 1) денотативная; 2) коннотативная, или стилистическая, эквивалентность; 3) текстуально-нормативная; 4) прагматическая; 5) формальная — Швейцер подчеркивает, что, по его мнению, определяющим является требование коммуникативно-прагматической эквивалентности. "Ибо именно это требование, предусматривающее передачу коммуникативного эффекта исходного текста, подразумевает определение того его аспекта или компонента, который является ведущим в условиях данного коммуникативного акта" (там же: 81).

В заключение рассмотрим подход к коннотациям в переводческой теории **В.Н. Комиссарова**. В лексическом значении слова В.Н. Комиссаров выделяет два макрокомпонента — предметно-логическое, или денотативно-сигнификативное, значение и *дополнительные*, или *коннотативные*, значения. К коннотативным значениям Комиссаров относит эмоциональные, стилистические, образные и некоторые другие значения. Эмоциональные коннотации бывают двух видов — положительные и отрицательные. Стилистические коннотации указывают “на преимущественное употребление слова в определенных условиях общения”. А “образная характеристика выделяет в обозначаемом какой-то признак, который регулярно используется говорящим в качестве основы образа: метафоры или сравнения” (Комиссаров, 2001: 30—31). В книге “Теория перевода” В.Н. Комиссаров подробно рассматривает трудности, связанные с каждым из видов коннотаций, и предлагает *практические* пути их преодоления.

Трудности перевода *эмоциональных коннотаций* связаны с тем, “что в любом языке существуют слова, совпадающие по предметно-логическому значению, но различающиеся по наличию или характеру эмоционального компонента в семантике слова” (Комиссаров, 1990: 82). Однако эта трудность перевода может быть легко устранена благодаря поиску адекватного синонима или благодаря приему *компенсации*, т.е. восстановлению утраченной эмоциональной коннотации в другой отрезке высказывания. Прием компенсации оправдывается тем, что реализация эмоциональной коннотации в высказывании не ограничивается одним словом, а “распространяет соответствующую характеристику на все высказывание” в целом, благодаря чему высказывание приобретает эмоциональную окрашенность (там же). Таким образом, эмоциональный компонент содержания “может быть воспроизведен нелокально, то есть в другом месте высказывания, в семантике совсем другого слова” (там же: 83). В.Н. Комиссаров подчеркивает, что эмоциональная коннотация — не просто дополнительный несущественный нюанс значения, перевод которого является факультативным: “Сохранение в переводе эмоциональной характеристики высказывания... представляет исключительную важность для достижения эквивалентности. Несоблюдение этого требования может сделать перевод полностью неэквивалентным” (там же).

Трудности перевода *стилистических коннотаций* связаны с тем, что существуют пары слов, “у которых совпадает предметно-логическое значение, но отличается стилистическая характеристика” (там же). Соответственно схожие пары слов могут нести в себе различную коннотативную информацию об уместности

употребления слова в том или ином типе речи — разговорной речи, книжной или поэтической. Здесь, как и в случае эмоциональной коннотации, утраченная информация может быть легко восстановлена в пределах высказывания или даже в соседнем высказывании. Стилистическая информация может быть передана другой частью речи, специальной морфемой или в корне слова совместно с другими компонентами значения слова (там же: 85). “К такого рода компенсации нередко прибегают переводчики художественной литературы, где особенно важно сохранить стилистические особенности оригинала” (там же: 84). При этом В.Н. Комиссаров подчеркивает, что, “когда стилистическая характеристика передается в переводе частично и нелокально, отдельным словам оригинала, в семантике которых имеется стилистический компонент, будут соответствовать слова ПЯ, лишенные аналогичной стилистической окраски. <...> В противном случае оригинал и перевод будут стилистически неэквиваленты” (там же: 86).

И наконец, трудности перевода *ассоциативно-образных коннотаций* бывают двух видов. В первом случае слова могут обладать схожей ассоциативно-образной коннотацией, но иметь разные предметно-логические значения. В качестве примера В.Н. Комиссаров приводит следующие выражения в русском и английском языках: “strong as a horse”/“сильный, как бык”; “stupid as a goose”/“глуп, как пробка”. В подобном случае эквивалентность достигается, как правило, путем замены образа (там же: 86—88). Во втором случае “признак, выделяемый в образном компоненте слова в оригинале, не выделяется в словах ПЯ” (там же: 88). Это наиболее сложные ситуации перевода, и переводчику нередко приходится отказываться от самого образа и раскрыть его значение при помощи другого слова. В качестве примера Комиссаров приводит английское слово “cat”, имеющее значение злой, сварливой женщины. В русском языке слово “кошка” не имеет такого образного значения, поэтому переводчик вынужден перевести английское слово как “злючка” (там же). Таким образом, особенностью подхода В.Н. Комиссарова к коннотациям является его практическая направленность. Ученый не только предложил классификацию коннотативных значений, но и описал конкретные трудности, связанные с их переводом, и указал возможные способы решения этих трудностей.

Проведенный нами анализ подходов к проблеме коннотаций в лингвистике и теории перевода не является исчерпывающим. Рассмотрение данного вопроса требует дальнейшего более основательного изучения. Однако проанализированные нами работы уже свидетельствуют о многогранности и сложности яв-

ления коннотации, об отсутствии однозначного видения связанных с ним трудностей. Одни авторы уходят в область умозрительных рассуждений о загадочной природе коннотаций, о связи их с “духом народа”, “картиной мира” или “писательским гением”, обосновывая теории языковой относительности, специфики самовыражения и непереводаемости. Их взгляды оспариваются сторонниками универсализма, подчеркивающими универсальность когнитивных способностей людей и их стремление к взаимопониманию. Другие исследователи вступают в спор об обобщенности коннотаций: являются ли коннотации сугубо индивидуальными или социокультурно детерминированными? Третьи, наконец, спорят о природе коннотаций: являются ли коннотации частью лексического значения слова, относятся ли они к области семантики или прагматики, можно ли их рассматривать как экстралингвистические явления или как особую семиотическую систему? Однако вернемся к существенному для практиков-переводчиков вопросу: “Должны ли коннотации переводиться?”

Ответ на данный вопрос, по нашему мнению, относится в первую очередь к области *этики перевода*, а затем уже к области теории и техники. Все зависит от того, какие *усилия* готов приложить переводчик, чтобы *понять Другого* во всей его сложности и во всем его многообразии и передать сообщаемую им информацию (информацию, релевантную ситуации общения) представителям собственной культуры. В связи с этим уместно вспомнить определение переводческой деятельности как “гостеприимства”, как умения принять чужого в его “инаковости”, непохожести, предложенное Полем Рикёром: “*N’avons-nous pas été mis en mouvement par le fait de la pluralité humaine et par l’énigme double de l’incommunicabilité entre idiomes et de la traduction malgré tout?.. Sans l’épreuve de l’étranger, serions-nous sensibles à l’étrangeté de notre propre langue? Enfin, sans cette épreuve, ne serions-nous pas menacés de nous enfermer dans l’aigreur du monologue, seuls avec nos livres? Honneur, donc, à l’hospitalité langagière*” (Ricœur, 2001: 140). О необходимости новой этики перевода, отличной от гумбольдтианства, говорил Антуан Берман, подчеркивая ограниченность *этноцентризма*:

“*Toute culture résiste à la traduction, même si elle a besoin essentiellement de celle-ci. La visée même de la traduction — ouvrir au niveau de l’écrit un certain rapport à l’Autre, à féconder le Propre par la médiation de l’Étranger — heurte de front la structure ethnocentrique de toute culture, ou cette espèce de narcissisme qui fait que toute société voudrait être un Tout pur et non mélangé... La visée éthique du traduire s’oppose par nature à cette injonction: l’essence de la traduction est d’être ouverture, dialogue, métissage, décentrement. Elle est mise en rapport, ou elle n’est rien*” (Berman, 1984: 16).

По мнению **Жана-Луи Кордонье**, теоретические подходы к проблемам перевода и сама практика перевода самым тесным образом связаны с морально-политическими позициями переводчиков, с их отношением к *своей* и *чужой культуре*:

“La traduction ne se limite pas à la mise en présence, face à face, du Même et de l’Autre. Mais ce rapport entre eux est historique, culturel, politique, et il s’exprime à travers *la position du traducteur*, à travers ses partis pris. Les traductions et les modes de traduire, d’une manière criante, montrent eux-mêmes cette position. Bien plus, ils donnent à voir *la position d’une culture par rapport à une autre culture*. Hier et souvent encore aujourd’hui: *l’ethnocentrisme*. Demain, il le faut: le dévoilement des différences et le décentrement...” (Cordonnier, 1995: 145—146).

Таким образом, если моральным императивом переводчика станет открытость к чужой культуре, стремление к идеалу взаимопонимания и “глобальной коммуникации”, о которой говорил Ладмираль, то вопрос о переводимости коннотаций перестанет ограничиваться узкими рамками теории и перейдет из области умозрительных рассуждений в область практики — практики преподавания перевода и практики переводческой деятельности.

Примечания

¹ «Une sorte de catégorie “fourre-tout”, regroupant des phénomènes de statut différent, apparemment très hétérogène, ouvrant à l’indéfinissable», “tous les effets de sens indirects, seconds, périphériques, implicites, additionnels, subjectifs, flous, aléatoires, non distinctifs que peuvent engendrer les éléments du discours» (Dubois, 2003).

² “Plus scientifiquement, puisqu’elle opère au cœur de la sémantique, on considère que la connotation est un concept servant à nommer *tout ce qui dans la signification, ne relève pas de la dénotation* (ces deux notions se partageant exclusivement la totalité du champ de la production du sens” (Dubois, 2003).

³ “En linguistique, le terme dénotation n’a d’intérêt théorique que dans le couple qu’il forme avec connotation: il représente alors l’hypothèse selon laquelle il existe une communication purement informative à partir de quoi seraient repérables certaines déviations affectives (la ou, plutôt, les connotations)” (Sctrick, 2003).

⁴ «Quoiqu’il en soit de l’application où chacun d’entre nous situe sa pratique, traduction ou enseignement seul, nous avons tous recours à la dichotomie classique opposant deux aspects de la signification d’un mot, d’une expression ou tournure de phrase: — l’aire sémantique, le découpage sémantique... ou, plus trivialement, “le sens” — disons plutôt: *la dénotation*; — le niveau du style, la valeur stylistique, le registre... ou, plus trivialement, “le style”, — disons plutôt: *la connotation*» (Ladmiral, 1994: 117).

⁵ «He contrasts a connotative with an absolute term and makes “nomen connotans” the equivalent of what was more usually referred to as “appellatio relativa”, i.e. addition to referring to an individual entity *connotes, or notes along with this reference, a relation between that entity and some other*» (Barnes, 1945: 254).

⁶ Орфография соответствует тексту оригинала.

⁷ Интересно отметить, что в этом смысле понимание коннотации Миллем и схоластиками отличается от понимания коннотации Арно и Лансло. Послед-

ние понимали коннотацию как дополнительное значение прилагательного (у существительного в их понимании не было коннотации) — как косвенную отсылку к *субъекту*, а не к *признаку*: прилагательное “красный”, согласно их точке зрения, прямо обозначает признак красноты и косвенно отсылает к субъекту — носителю признака.

⁸ Ладмираль придает английскому слову “discrepancy” (отличие, несовместимость, противоречие, расхождение) французское звучание.

⁹ *Sperber H. Einführung in die Bedeutungslehre. Bonn; Leipzig, 1923.*

¹⁰ Под прагматикой Ю.Д. Апресян понимает закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату (Апресян, 1995).

¹¹ Об истории выражения “*traduttore-traditore*”, см., в частности: Гарбовский, 2004: 117.

¹² «Quand on dit que la traduction est impossible, neuf fois sur dix, on pense à ces connotations qui mettent en cause non seulement la possibilité de transfert de civilisation à civilisation, de “vision du monde” à “vision du monde”, de langue à langue, mais, finalement, d’individu à individu même à l’intérieur d’une civilisation, d’ue “vision du monde”, d’une langue qui leur sont communes» (Mounin, 1963: 168).

¹³ «Никто не сомневается... в том, что языки отражают действительность по-разному, асимметрично... Языки по-разному членят действительность, различно описывают одни и те же явления и предметы, обращая внимание на различные их признаки. Люди разных культур по-разному выражают радость и отчаяние, любовь и ненависть, для них по-разному течет время, по-разному мир “звучит” и окрашивается в цвета» (Гарбовский, 2004: 10).

¹⁴ Напомним, что “динамическая эквивалентность” понимается авторами как неотъемлемое свойство “достоверного перевода”: “A faithful translation: which evokes in a receptor essentially the same response as that displayed by the receptors of the original message. The receptor understands the same meaning in it, reacts to it emotionally in the same way, and come to analogous decisions and actions as the original receptors; faithfulness is primarily a quality of the message rather than of the form, i.e. it results from dynamic equivalence rather than from formal correspondence” (Nida, Taber, 1974: 201).

Список литературы

Апресян Ю.Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 4. М., 1974. С. 320—330.

Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. Глава 13. М., 1995. С. 156—177.

Ахманова О.С. Коннотация // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стереотип. М., 2007. С. 203—204.

Барт Р. Основы семиологии // Барт Р. Структурализм: “за” и “против”. М., 1975. С. 114—163.

Бархударов Л.С. Язык и перевод: (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.

Блумфилд Л. Язык. 2-е изд. М., 2002.

Говердовский В.И. История понятия коннотации // НДФШ. ФН. 1979. № 2.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М., 2006.

Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник. М., 1990.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учеб. пособие. М., 2001.

- Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Кондрашов Н.А.* Этнолингвистика // Кондрашов Н.А. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 3-е изд, стереотип. М., 2006 (1979). С. 163—165.
- Кузнецов А.М.* Этнолингвистика / Под ред. В.Н. Ярцева. Языкознание // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1998. С. 597—598.
- Мурзин Л.Н.* Психологическое направление в языкознании / Под ред. В.Н. Ярцева. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1998. С. 405—406.
- Опарина Е.О.* Лингвокультурология (методологические основания и базовые понятия) // Отв. ред. Е.О. Опарина и др. Язык и культура: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. М., 1999. С. 27—48.
- Ревзина О.Г.* О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001. С. 436—446.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / АН СССР. Институт языкознания. М., 1986.
- Телия В.Н.* Коннотация / Под ред. В.Н. Ярцева. Языкознание // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1998. С. 236.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- Швейцер А.Д.* Социоллингвистика / Под ред. В.Н. Ярцева. Языкознание // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1998. С. 481—482.
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006.
- Akhmanova O.S.* Linguostylistics: Theory and Method. Ch. 2. М., 1972.
- Arnauld A., Lancelot Cl.* Des noms et premieres des substantifs // Arnauld A., Lancelot Cl. Grammaire générale et raisonnée: contenant les fondements de l'art de parler, expliqués d'une manière claire et naturelle... (Reproduction de l'édition de Paris: Prault fils l'aîné, 1754, II—223 p.) P., 1971. P. 59—62.
- Barnes W.H.F.* The Doctrine of Connotation and Denotation // Mind. New Series. 1945. Vol. 54. N 215. July. P. 254—263.
- Berman A.* L'épreuve de l'étranger. Culture et traduction dans l'Allemagne romantique: Herder, Goethe, Schlegel, Novalis, Humboldt, Schleiermacher, Hölderlin. Gallimard, 1984.
- Bloomfield L.* Language. 2 ed. L., 1955.
- Calvet J.-L. Hjelmslev L.T.* // Encyclopaedia Universalis France SA. Version multi média 9, 2003.
- Cordonnier J.-L.* Traduction et culture. Les Éditions Didier. P., 1995.
- Cordonnier J.-L.* Aspects culturels de la traduction: quelques notions clés // Meta. 2002/ Vol. XLVII, 1. P. 38—50.
- Delisle J.* L'analyse du discours comme méthode de traduction. Initiation à la traduction française de textes pragmatiques. Théorie et pratique // Cahiers de traductologie: monographies sur la traduction, l'interprétation, la terminologie et les techniques de rédaction. 1980. N 2. Ottawa: Éditions de l'Université d'Ottawa. University of Ottawa Press.
- Dubois Ph.* La connotation // Encyclopaedia Universalis. France SA, version multimédia 9. 2003.
- Gary-Prieur M.-N.* La notion de connotation(s) // Littérature. 1971. N 4. Décembre. P. 96—107.
- Goodenough W.H.* Frontiers of Cultural Anthropology: Social Organization // Proceedings of the American Philosophical Society. 1969. Vol. 113. N 5. 10 October. P. 329—335.
- Hjelmslev L.* Prologomena to a Theory of Language / Translated by F.J. Whitfield // International Journal of American Linguistics. Memoir 7. 1953. Vol. XIX. N 1. IV—92 p.

- Kassai G.* Pour un dictionnaire des connotations construit sur les notes du traducteur (N.D.T.) // Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata. 1994. Anno XXIII. N 3. P. 509—521.
- Kerbrat-Orecchioni C.* La connotation. Lyon, 1977.
- Kerbrat-Orecchioni C.* La sémantique // Encyclopaedia Universalis France SA. Version multimédia 9. 2003.
- Ladmiral J.-R.* Traduction et connotation // Ladmiral J.-R. Traduire: théorèmes pour la traduction. Gallimard. P., 1994. 115—247.
- Lederer M.* Implicite ou explicite // Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour traduire. 4e édition revue et corrigée. Klincksieck (Didier Érudition), 2001. P. 37—71.
- Mill J.St.* Système de la logique déductive et inductive: exposé des principes de la preuve et des méthodes de recherche scientifique. Tome premier / par John Stuart Mill: trad. par Louis Peisse. P., 1889.
- Mounin G.* Lexique, connotations et traduction // Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction. Gallimard, 1963a. P. 144—168.
- Mounin G.* Traduction, langage et communication interpersonnelle // Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction. Gallimard, 1963b. P. 169—187.
- Nida E., Taber Ch.* Connotative Meaning // Nida E., Taber Ch. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1974. P. 91—98.
- Nida E.* Componential Analysis of Meaning: an Introduction to semantic structures. P., 1975.
- Nida E.* Language Structure and Translation. Standford, California, 1975.
- Nouss A.* Éloge de la trahison // TTR: traduction, terminologie, rédaction. 2001 (2e semestre). Vol. 14. N 2. P. 167—181.
- Ricœur P.* Le paradigme de la traduction // Ricœur P. Le Juste 2. Éditions Esprit, 2001. P. 125—140.
- Setrick R.* Dénotation // Encyclopaedia Universalis. France SA. Version multimédia 9. 2003.
- Sonesson G.* Denotation / Connotation // The Internet Semiotics Encyclopaedia. Lund University. Department of Semiotics. http://www.arthist.lu.se/kultsem/encyclo/denotation_connotation.html
- Taber Ch.R.* Traduire le sens, traduire le style // Ladmiral J.-R. (*sous la dir.*) numéro spécial sur La traduction de la revue Langages. 1972. Décembre. N 28. P. 55—63.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. by J. Crowther). 5th ed. Oxford, 1995.
- Lexis. Dictionnaire de la langue française. Larousse-Bordas (*sous la dir.* de J. Dubois), 1999.
- Le Petit Robert.* Dictionnaire de la langue française 1 (*sous la dir.* de A. Rey, J. Rey-Debove). Dictionnaires Le Robert, 1992.
- Wierzbicka A.* Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., 1992.
- Encyclopaedia Britannica On-Line (<http://www.britannica.com/dictionary?va=connotation>).

ВОПРОСЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

Богумил Гасек (Вроцлав, Польша)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПРОЦЕССЕ УСТНОГО ПЕРЕВОДА: ЗНАЧЕНИЕ *ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ* *ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ИНТЕРФЕРЕНТОВ*

(на материале польского и русского языков)

The article aims at giving an approximation of the interference phenomenon in the stage of a translation by an interpreter on the lexical-semantic level. It is the case of closely related languages like Polish and Russian, where a lot of phonetic/spelling or even semantic equivalents exist that should facilitate the task, however, in fact they can embarrass the process because they misguide an interpreter suggesting a loan translation or pretending to be “*translator’s false friends*” (e.g. (pol.) *nudny* and (rus.) *nudnyj*). The term *potential positive interferences* is proposed to call this phenomenon.

Ключевые слова/Keywords: *интерференция, ложные друзья переводчика, потенциальные положительные интерференции, билингвизм, полилингвизм, внутриязыковая синонимия, эквиваленты, устный перевод.*

Интерференция особо сильно проявляется в близкородственных языках, какими являются польский и русский. На лексико-семантическом уровне наблюдается существование пар слов, схожих в плане выражения, но различных в плане содержания, например: *zapomnieć* (забыть) — *zapomnieć* (запомнить), *wrózka* (гадалка) — *wruszka*, *sklep* (магазин) — *sklep* или *gracz* (игрок) — *gracz*. Данные пары слов принято называть *ложными друзьями переводчика, межъязыковыми эквивалентами, лексическими параллелями, мнимыми эквивалентами, коварными словами, лексическими ловушками* (Кусаль, 2006: 638—639), *межъязыковыми аналогизмами* (Гарбовский, 2007: 328). Наряду с данным явлением, которое активно исследуется в последние годы, следует также отметить существование пар слов, схожих в плане выражения (о полном сходстве на межъязыковом уровне трудно говорить из-за различий в фонетических системах обоих языков) и совпадающих (частично, т.е. в одном из значений, или полностью) в плане содержания. Имеются в виду лексические пары типа *autentyczny* — *аутентичный*, *erudyta* — *эрудит*, определяемые в науке как *положительные интерференции* (Алимов, 2005: 195), *межъязыковые синонимы, верные друзья* (Дебрэнн, 2006). Следует отметить, что

исследователи пользуются указанными терминами прежде всего при сопоставлении русского с английским или французским языком, подразумевая любые пары слов, сходных по форме и семантике (например, англ. *alibi* и *алиби*) (Алимов, 2005: 208). Однако, рассматривая пары слов в близкородственных языках, мы предлагаем сузить данное явление, сводя его к следующей типичной ситуации: у слова в Я1 есть в Я2 эквивалент, не похожий на него в плане выражения, и одновременно существует его синоним (т.е. другой эквивалент), похожий по звучанию/написанию. Именно такая ситуация является отправной точкой для проведения дальнейшего анализа. Приведем примеры: *górník* — это *шахтер*, но также *горняк*, *prawdziwy* — это не только *настоящий*, но также *правдивый*; *podobny* — это как *похожий*, так и *подобный*, *spalić samochód* — это по-русски *сжечь машину*, но ее можно также *спалить*; *tron* — это и *престол* и *трон*, а *tudny* — это *скучный*, но и *нудный*. Мы предлагаем для данного явления применять термин *потенциальные положительные интерференты*.

Последнее определение указывает на то, что данные слова должны облегчать процесс перевода, приходиться на помощь переводчику, и в таком случае подробный их анализ мог бы показаться попыткой «ломиться в открытую дверь». Однако на практике, особенно в ситуации устного синхронного перевода, когда на принятие переводческих решений есть лишь считанные секунды, они доставляют большие трудности. Прежде всего их зачастую неправильно идентифицируют — как языковые ошибки или как *межъязыковые омонимы* (это может зависеть от переводимого коммуниканта: если русский не является его родным языком, переводчики готовы счесть данную единицу за ошибку или результат интерференции; если русский его родной язык, *потенциальный положительный интерферент* может быть неправильно опознан как *межъязыковой омоним*). Следует оговориться, что типичный переводчик — это так называемый *нестественный билингв* (Вишневская, 2001: 71), т.е. человек, для которого второй язык является иностранным, изученным вне естественной языковой среды. Кроме того, переводчики-синхронисты во избежание возможных ошибок стараются находить слова в ЯП, не похожие на слова ИЯ, что приводит к дополнительной, ненужной потере времени.

Особо важная разновидность названного явления связана с ростом культурного обмена, усилением международных контактов, процессами глобализации и интеграции во многих регионах мира (например, в Европе), которые содействуют интернационализации лексики и унификации научной терминологии (Wadas-Woźny, 2004: 29).

Это касается таких областей, как экономика, международная торговля, бизнес, информатика, международные отношения, политика, спорт, туризм, техника и др., в которых следует отметить прежде всего активное влияние английского языка. Рост количества заимствований влияет на появление *потенциальных положительных интерферентов*: наряду с эквивалентом в Я2, не похожим на слово в Я1, появляется другой эквивалент — результат переноса (как правило, с английского), доставляющий вышеуказанные трудности из-за своего внешнего сходства с исходным словом. Рассмотрим несколько примеров: *relatywny* — *относительный* и *релятивный*, *mobilny* — *подвижный* и *мобильный*, *rekonstrukcja* — *восстановление* и *реконструкция*, *eskalacja* — *расширение (распространение)* и *эскалация*, *pozytywny* — *положительный* и *позитивный*, *brutalny* — *жестокый* и *брутальный*, *ewentualny* — *возможный* и *эвентуальный*, *fatalny* — *роковой* и *фатальный*, *publiczny* — *государственный (общественный)* и *публичный*, *totalny* — *всеобщий* и *тотальный*, *sytuacja* — *обстановка (положение)* и *ситуация*, *regularny* — *постоянный* и *регулярный*, *ekspansja* — *расширение* и *экспансия*, *transformacja* — *изменение* и *трансформация*, *prywatny* — *частный* и *приватный*. Данное явление играет существенную роль по нескольким причинам. Во-первых, активизация международных контактов, растущая роль переводных документов (статуты международных организаций, распоряжения и т.п.), перевод которых не всегда выполнен на высшем уровне, а также рост явления билингвизма и полилингвизма в современном мире позволяют прогнозировать постоянное количественное пополнение данной группы слов. Во-вторых, в ситуации перевода с родного (в рассматриваемом нами случае — польского) языка на иностранный (русский) в случае появления заимствования перед переводчиком встает основной вопрос: применяется ли данная единица в русском, а если так, имеет ли она то же самое значение? — который осложняет его задачу, приводит к ненужной потере времени и иногда к принятию ненадлежащего решения. В-третьих, у переводчиков возникает соблазн применения слова родного языка в надежде на то, что оно существует и в иностранном языке на основании лишь того факта, что данное слово является интернациональным (Швей, Лещак, 2002). Примером ошибочного применения названной переводческой стратегии может послужить перевод польского *kontrowersyjna kwestia*, т.е. *спорный* или *дискуссионный вопрос*, как **контроверсионный вопрос* или *film akcji*, как **фильм акции* вместо *фильм экшн*. Стоит отметить, что такая переводческая операция является одним из способов создания так называемых *межъязыковых псевдоаналогизмов*, которые определяются как слова, «существующие только в одном из сопоставляемых языков, но по своей

фонетической форме и словообразовательной модели **кажущиеся** возможными в языке перевода» (Гарбовский, 2007: 336).

Следует также учесть пары слов, принадлежащие к разному стилистическому регистру, но совпадающие или близкие по значению в определенном контексте. Можно здесь привести следующие примеры: *wydawać się* — *казаться* и *сдаваться* (просторечие), *kat* — *палач* и *кат* (устар. и обл.), *chwalić się* — *хвастаться* и *хвалиться* (разг.), *zabijaka* — *драчун* и *забияка*, *partacz* — *халтурщик* и *портач* (прост.).

При рассмотрении выделенных нами лексических подгрупп *потенциальных положительных интерферентов* стоит остановиться на уже затронутой нами проблеме личности переводчика. Характер его билингвизма влияет, по нашему мнению, на специфику трудностей, которые возникают из-за *потенциальных положительных интерферентов*. В случае *неестественного билингва*, т.е., как правило, поляка-русиста — выпускника одного из польских институтов русского языка, мы зачастую сталкиваемся с незнанием тех эквивалентов русских слов, которые являются сходными как в плане выражения, так и в плане содержания.

Для пояснения данного явления мы предлагаем рассмотреть результаты проведенного нами эксперимента.

Группе из 23 студентов пятого курса русистики (переводческая специализация в Институте славянской филологии Вроцлавского университета) был представлен список, состоящий из 15 польских слов с задачей указать их русские эквиваленты. Во всех случаях существовала возможность подбора как эквивалентов, не похожих на исходные слова, так и *положительных потенциальных интерферентов*. Результаты данного эксперимента приводятся в таблице.

№ п/п	Исходное слово	Эквивалент, не схожий по форме (количество указаний)	<i>Потенциальный положительный эквивалент</i> (количество указаний)	Отсутствие эквивалента (количество указаний)	Неточные или неправильные эквиваленты (количество указаний)
1	górnik	шахтёр (21)	0	2	0
2	prawdziwy	настоящий (19)	0	0	4
3	podobny	похожий (22)	0	0	1
4	spalić samochód	сжечь машину (17)	0	1	5

№ п/п	Исходное слово	Эквивалент, не схожий по форме (количество указаний)	Потенциальный положительный эквивалент (количество указаний)	Отсутствие эквивалента (количество указаний)	Неточные или неправильные эквиваленты (количество указаний)
5	tron	престол (9)	трон (10)	3	1
6	nudny	скучный (23)	0	0	0
7	prywatny	частный (8)	0	5	10
8	bitwa	сражение (5)	битва (7)	0	11
9	mentalność	менталитет (14)	ментальность (2)	7	0
10	kara	наказание (23)	0	0	0
11	ławka	скамейка (11)	лавка (1)	0	11
12	likwidacja	0	ликвидация (8)	12	3
13	po ludzku	по-человечески (22)	0	0	1
14	mieszanina	смесь (14)	0	7	2
15	obrona	защита (19)	оборона (4)	0	0

Как видно из примеров, в подавляющем большинстве случаев *потенциальные положительные интерференции* не приводятся вообще (причем следует отметить, что не запрещалось приводить больше одного эквивалента; такие случаи также имели место, но сводились, как правило, к указанию неточного эквивалента, например для слова *bitwa* указывались в качестве вариантов — *бой* и *борьба*, для слова *prywatny* — *собственный* и *личный*). Лишь в примере № 5 — слово *tron* — на первом месте появляется *трон* (10 ответов), а в примере со словом *likwidacja*, который, судя по количеству отсутствующих ответов, создал определенные трудности: *ликвидация* является, безусловно, самым частотным ответом — 8 указаний при общей сумме 11. Можно добавить еще 3 случая — слова *obrona*, *mentalność*, *ławka*, — для которых, правда, приводятся эквиваленты из интересующей нас группы, т.е. *оборона*, *ментальность* и *лавка*, но они носят совсем маргинальный характер — соответственно 4, 2 и 1 употребление.

Результаты данного эксперимента подтверждают слабое знакомство филологов с русской лексикой, принадлежащей к рас-

смаатриваемой нами группе (стоит обратить внимание на слова *górnik, nudny*, выражение *po ludzku* — сто процентов ответов — это *шахтер, скучный* и *по-человечески*). На основании вышесказанного можно прийти к выводу, что возможность неправильной идентификации *потенциальных положительных интерферентов* в случае *неестественных билингов* вытекает прежде всего из пробелов в знаниях, которые являются результатом определенного метода подготовки студентов, т.е. можно предположить, что в процессе обучения, во-первых, имеет место изучение русской лексики, не совпадающей с польскими эквивалентами по внешней форме, во-вторых, недостаточное внимание уделяется вопросу о внутриязыковой синонимии, иначе, как можно предполагать, слова типа *горняк* или *нудный* появились бы на более раннем или позднем этапе обучения русскому языку.

Особого внимания требует вторая, условно выделенная нами подгруппа *положительных потенциальных интерферентов* — слова, сходные по семантике и форме, появившиеся и продолжающие появляться в результате заимствований. На наш взгляд, они могут осложнять перевод также так называемым *естественным билингом*, и основным способом решения данной проблемы является систематическое отслеживание нововведений, постоянный анализ языка современных российских СМИ.

В ходе анализа Толкового словаря русского языка (Ожегов, Шведова, 2002) было выявлено около 300 пар польско-русских *потенциальных положительных интерферентов*, в то время как словари межъязыковой русско-польской омонимии отмечают наличие около 1500 пар омонимов (Kusal, 2002), т.е. в несколько раз больше. Несмотря на это, а также на тот факт, что интересующая нас группа слов немногочисленна, следует ей уделить внимание. Во-первых, часть слов, входящих в состав данной группы, характеризуется высокой частотностью (это касается прежде всего заимствований в сфере экономики и международных отношений). Во-вторых, они могут осложнять процесс перевода.

По нашему мнению, выявление пар *потенциальных положительных интерферентов*, их четкое описание с учетом стилистического регистра, и в дальнейшем включение в рамки системы подготовки профессиональных польско-русских и русско-польских переводчиков, не только позволят избежать значительного количества ошибок и затруднений, но и могут непосредственно оказаться большим подспорьем во многих переводческих ситуациях. Именно описание *потенциальных положительных интерферентов* является надежным методом избежания ошибок, так как трудно обнаружить общую закономерность появления в польском и русском языках интернациональной лексики. Иначе

говоря, можно отметить сферы, в которых количество заимствований в одном языке больше, чем в другом, в результате чего в таком случае нельзя говорить об унификации интернациональной лексики. Хорошей иллюстрацией служит лексика из области информатики — на русском языке намного больше заимствований в этой сфере; достаточно сравнить слова *файл, браузер, принтер* с их польскими эквивалентами — *plik, przeglądarka, drukarka*. Причем стоит отметить также немногочисленные случаи, иллюстрирующие противоположную ситуацию: *ввод* — это по-польски *enter* или *установка* — *instalacja* (ср.: Виссон, 1999: 219—220).

Полученные выводы подтверждают обоснованность выявления и описания пар *потенциальных положительных интерференгов* и сознательного их использования в практике устного перевода, что значительно повысит его качество, сокращая количество ошибок и позволяя экономить время, играющее значительную роль в переводческой стратегии переводчика-синхрониста.

Список литературы

Wadas-Woźny H.U. Teoria i praktyka przekładu — wybrane zagadnienia (gramatyka porównawcza języka polskiego i rosyjskiego) // Избранные вопросы теории и практики перевода (сопоставительная грамматика польского и русского языков). Siedlce, 2004.

Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации). М., 2005.

Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. Приемы. Навыки. Пособия. М., 1999.

Вишневская Г.М. Билингвизм и межкультурная коммуникация // Вестн. Ивановского гос. ун-та. Сер. Филология. Вып. 1. Иваново, 2001.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М., 2007.

Дебрен М. Место межъязыковой девиатологии в общей теории ошибок // Труды Междунар. конф. «Диалог—2006» (www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/pdf/Debrenne.pdf).

Кусаль К. Субстандартная межъязыковая омонимия как объект лексикографирования // Слово в словаре и дискурсе: Сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М., 2006.

Швей М., Лецак О. Польско-русские и польско-украинские межъязыковые лексико-семантические диспропорции // Studia Rusycystyczne Akademii Świętokrzyskiej. T. 11. Kielce, 2002. С. 111—134.

Лексикографические источники

Kusal K. Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych // Русско-польский словарь межъязыковых омонимов. Wrocław, 2002.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2002.

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

О.С. Жаркова

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ СКОРОПИСИ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

The present article focuses on teaching notation in consecutive interpretation. The key question to deal with is whether it is necessary to teach notation systematically or students can learn it from experience. In the author's opinion, general principles (such as the analysis of the source text, abbreviations, symbols and the arrangement of elements) should be presented, discussed and trained in class. Nevertheless, nothing can be imposed on students; they are to have choice and to devise their individual approach to notation through exercise and experience. At the same time, monitoring their progress and comparing their results and notation samples after regular test interpreting sessions may give valuable material and contribute to understanding of a consecutive interpreter's activities and efforts.

Ключевые слова/Keywords: *устный последовательный перевод, переводческая скоропись, система записей, память, смысловой анализ, сокращения, символы, вертикальное расположение, исходный язык, переводящий язык.*

В российской образовательной системе в рамках специальности “Перевод и переводоведение” не проводится разграничение между подготовкой письменных и устных переводчиков, т.е. по выполнении пятилетнего учебного плана выпускнику присваивается квалификация, дающая право осуществлять деятельность как письменного, так и устного переводчика. Таким образом, учебная программа должна включать в себя обширный набор дисциплин, чтобы будущие переводчики были готовы к различным формам, видам и жанрам перевода.

Практические занятия устным переводом начинаются в рамках курса общего перевода. Приступая к последовательному переводу, необходимо определить, следует ли вообще систематически обучать переводческой скорописи или можно предоставить студентам право вести записи по своему усмотрению, опираясь на опыт (например, ведения конспектов), чтобы они смогли интуитивно и экспериментально прийти к выработке собственного способа записи в последовательном переводе. В том случае, если преподавателем принимается решение о необходимости

сти обучения переводческой скорописи, возникает целый ряд вопросов: на какую из существующих систем опираться, на каком языке вести записи, какой принцип организации записей позволит точно и полно отразить содержание высказывания, его логическую структуру и стилистические особенности, не будет ли затруднений для понимания при продуцировании текста перевода?

С самого начала необходимо обратить внимание на то, что скоропись не является самоцелью как в работе устного переводчика, так и в обучении последовательному переводу. В деятельности переводчика записи — это опора для памяти, позволяющая зафиксировать и воспроизвести значительный объем информации в ситуации стресса. На занятиях по устному переводу собственная скоропись не должна становиться целью, в противном случае занятия превратятся в неоправданные и бесполезные попытки навязать создание и изучение искусственного языка.

Необходимо также подчеркнуть, что не может существовать универсального способа записей при последовательном переводе. Каждый переводчик в процессе работы создает свою индивидуальную систему. И в то же время существуют системы переводческой скорописи, обобщающие практический опыт зарубежных и отечественных переводчиков. Примером многообразия подходов к системе записей в последовательном переводе могут служить расхождения в терминологии. Пометки, которые делает переводчик при последовательном переводе, называются “запись” (В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев), “скоропись” (Р.К. Миньяр-Белоручев, А.П. Чужакин), “нотация” (И.С. Алексеева), “семантография” (Е.В. Аликина). Попытки выработать наиболее точный и однозначный термин очевидны, но не привели еще к желаемому результату.

С первых же занятий начинается знакомство студентов с существующими системами записей. Речь идет именно о том, чтобы дать общее представление о нескольких подходах к проблеме. Особое внимание следует уделить как работам отечественных исследователей, так и переводческой традиции в странах изучаемого языка с тем, чтобы студенты смогли самостоятельно познакомиться с теоретическими работами специалистов по переводу на языке оригинала.

Не нужно стремиться обучить одной системе скорописи. Как известно, в чистом виде такие системы существуют только в теории, а каждый переводчик в своей практической деятельности, конечно, следует определенным принципам, но вносит свои индивидуальные черты, например использует собственные сокращения и символы и т.д. Студентов нужно ознакомить с основами

скорописи и предоставить им возможность выработать свою систему, которая будет наиболее удобна и эффективна в использовании.

Как уже было отмечено, записи не являются самоцелью при последовательном переводе и служат прежде всего опорой для памяти. Последовательному переводчику необходима натренированная рабочая память, поэтому со студентами нужно выполнять как можно больше упражнений по мнемотехнике.

Обучение последовательному переводу проходит на практических занятиях, и представляется целесообразным не превращать отдельные занятия в лекции, на которых студентам под запись разъясняются теоретические положения, а посвятить часть занятия системе скорописи и затем попробовать применить на практике изученные приемы и символы.

Наиболее логично начать изучение скорописи со смыслового анализа, следуя системе Р.К. Миньяр-Белоручева, изложенной им в работе “Записи в последовательном переводе”, и положениям интерпретативной модели перевода Д. Селескович. Необходимо обратить внимание студентов на то, что задачей переводчика является не столько перевод слов с одного языка на другой, сколько наиболее точная и полная передача смысла исходного сообщения на языке перевода. Следовательно, во время прослушивания исходного сообщения переводчик сосредоточен на выделении смысловых доминант. Умение анализировать высказывание во время рабочего аудирования требует развития и тренировки. Оно пригодится не только при последовательном устном переводе, но и при выполнении письменного перевода. Для проведения смыслового анализа можно предложить следующие схемы: актантную модель (выделение субъекта, действия и объекта), синтаксический анализ, ответы на пять основных вопросов: кто?, что?, где?, когда?, почему?

Выделенная в результате смыслового анализа информация должна быть выражена в максимально сжатой форме, а при продуцировании выходного сообщения, опираясь на запись, переводчик должен суметь “развернуть” записанную в сжатом виде информацию. Для выработки этих умений необходимо отрабатывать со студентами прием компрессии, а также использовать упражнения, развивающие речь (например, студентам предлагается начало предложения, которое они должны развить в законченный рассказ; упражнения на синонимию, антонимию, сочетаемость; упражнения, в которых одну и ту же ситуацию нужно описать, используя разные функциональные стили либо от лица разных персонажей). Необходимо отметить, что подобные упражнения должны предлагаться не только на иностранном, а преж-

де всего на родном языке. Они позволяют будущему переводчику активизировать и разнообразить свой лексический запас, избежать повторов. И в целом оттачивание владения родным языком является важнейшей составляющей подготовки переводчика.

Умение быстро анализировать исходное сообщение и выделять смысловые доминанты чрезвычайно важно для максимальной эффективной записи: элементы надо расположить на бумаге таким образом, чтобы показать связь между ними. Швейцарским переводчиком и теоретиком перевода Ж.-Ф. Розаном в книге «Записи в последовательном переводе» («La prise des notes en interprétation consécutive»), которая является первой работой, посвященной собственно скорописи, был предложен принцип вертикального ведения записей. Он признается и другими исследователями, которые обращались к проблеме переводческой скорописи позднее. Вертикальная запись считается наиболее адекватным способом, так как позволяет наглядно показать связь между различными элементами записи, а кроме того, позволяет тратить меньше времени на движение руки по горизонтальной оси.

Вертикальную запись удобно вести ступеньками: каждую новую смысловую группу помещать ниже и правее предыдущей. Р.К. Миньяр-Белоручев предлагает при записи всегда использовать прямой порядок слов: подлежащее—сказуемое—дополнение. Таким образом, при смысловом анализе в исходном сообщении выделяются смысловые элементы, в записи они располагаются, следуя прямому порядку слов, а при создании выходного сообщения смысловые элементы занимают места, соответствующие правилам порядка слов языка перевода. Промежуточный этап прямого порядка слов позволяет структурировать смысловые доминанты исходного сообщения, кроме того, позволяет избежать калькирования структуры предложения одного языка в высказывание на другом языке.

В связи с этим необходимо обратить внимание студентов на различия в порядке слов двух языков, а также на факторы, которые могут на него повлиять: актуальное членение предложения и функцию предложения в тексте, стилистическую нагрузку и т.д. Для этого студентам можно предложить следующие упражнения: составление предложений из разрозненных слов или абзацев из разрозненных предложений, объяснения различий между фразами, состоящими из одинаковых лексических единиц, расставленных в разном порядке, и т.д.

Умение структурированно записывать выделенные смысловые доминанты позволяет экономить время, но этой экономии недостаточно. Условия работы последовательного переводчика не по-

зволяют записывать слова полностью, значит необходимо прибегать к сокращениям и символам.

Исследователи описывают несколько способов, как вести сокращенную буквенную запись. Так, Ж.-Ф. Розан предлагает сокращать слова за счет букв в середине слова, т.е. записывать только начало и конец слова. Р.К. Миньяр-Белоручев не поддерживает эту точку зрения и предполагает: так как в русском языке основную смысловую нагрузку несут согласные (этот исследователь считает наиболее целесообразным вести записи на родном, т.е. в данном случае на русском, языке), то слова нужно сокращать за счет гласных букв.

На начальном этапе обучения студентам можно предложить сокращать слова так, как они привыкли, например, при записывании лекций и конспектировании источников. Необходимо обратить их внимание на то, что сокращения должны быть однозначными, по крайней мере в данном контексте, и ясными, чтобы не затруднить расшифровку записей при создании выходного сообщения. Особенно это касается имен собственных и паронимов, ведь в ситуации стресса легко можно сказать “Австрия” вместо “Австралия” или “Швейцария” вместо “Швеция”.

Необходимо ознакомить студентов и с сокращенной буквенной записью по принципу Миньяр-Белоручева. Несмотря на то что сначала она может показаться несколько сложной для восприятия и воспроизведения, опыт показывает, что уже после нескольких упражнений можно выработать навык записывания и чтения слов по этому принципу.

Наряду с буквенными сокращениями в переводческой скорописи широко используются символы. Это объясняется их тремя взаимосвязанными признаками: экономичностью, наглядностью и универсальностью. Символы принципиально отличаются от стенографии. Стенографический знак обозначает одно слово, в то время как символ отсылает к кругу взаимосвязанных понятий. Кроме того, схематичное изображение, используемое в символе, семантически связано с обозначаемым понятием. Таким образом, символы наглядны и обоснованны. В связи с тем что символы обозначают не одно конкретное слово, а целый понятийный пласт, при дешифровке могут возникнуть неточности и путаница. Чтобы этого избежать, можно использовать значки, обозначающие суффикс или окончание слова, которые сигнализируют бы о его грамматических признаках: части речи, роде и числе существительных и прилагательных, времени и наклонении глагола и т.д. Эти значки имеют вид надстрочного знака и помещаются в правом верхнем углу относительно символа.

Другая проблема использования символов связана с их многозначностью. При изучении символов необходимо для каждо-

го из них привести в обоих языках как можно больше лексических единиц, относящихся к данному семантическому полю. Это позволит расширить и активизировать словарный запас, и в стрессовой ситуации последовательного перевода меньше времени придется затрачивать на поиски нужного слова.

Особую роль в системе переводческой скорописи играют символы-стрелки. Они используются не только для обозначения понятий, но и для того, чтобы показать связь между смысловыми элементами.

Умение пользоваться переводческой скорописью необходимо отрабатывать с помощью упражнений и диктантов. Особенно на начальном этапе важно анализировать и комментировать работу студентов, чтобы выделить наиболее удачные элементы, которые подойдут для дальнейшего использования, и преодолеть возникающие трудности. Интересным будет обсудить предложенные варианты сокращений, символов и расположения записей, чтобы отметить удачные находки, а также выявить те элементы, которые могут усложнить использование записей, например сокращения или символы, которые могут быть поняты неоднозначно даже в данном контексте, и т.д.

Особое внимание следует обращать на связность текста и отражение логических связей в скорописи, ведь одной из основных сложностей при продуцировании текста перевода является построение связного текста из отдельных элементов, которые были поняты и записаны, и при этом необходимо избежать ошибок в выражении временных, причинно-следственных и других отношений между этими элементами.

Одним из принципиальных остается вопрос, на каком языке вести запись? У исследователей сложились разные мнения по этому поводу. Одни считают, что записывать надо на языке исходного сообщения, тогда переводчик не тратит силы на переход от одного языка к другому при прослушивании исходного сообщения. Другие думают, что ведение записи сразу на языке перевода является лучшей подготовкой непосредственно к самому переводу. Некоторые исследователи (например, Х. Матисек, Е.В. Аликина) выдвигают точку зрения, что для записи нужно пользоваться универсальным языком, состоящим в основном из символов, с использованием в случае необходимости буквенных сокращений как на языке оригинала, так и на языке перевода. Р.К. Миньяр-Белоручев полагает, что записывать при последовательном переводе нужно на родном языке, так как им переводчик владеет лучше всего и привык вести на нем записи в других сферах деятельности. Это мнение подтверждается статистическими исследованиями, проведенными Хелле Дам.

Количественные данные, приведенные в ее работе, показывают, что при переводе с языка А на язык В (по классификации АПС — Международной ассоциации переводчиков конференций) подавляющее большинство буквенных записей составляют записи на языке А. При обратном направлении перевода доля записей на языке А незначительно уменьшается, что можно объяснить влиянием звучащего сообщения на языке В. Таким образом, студентам лучше предложить самим выбрать язык для ведения записей, предупредив при этом, что в состоянии стресса существует опасность забыть, на какой язык следует переводить прослушанное сообщение. И чтобы не повторить только что прослушанную информацию на том же языке, стоит на всякий случай сделать в начале записей пометку, на какой язык следует переводить.

Как уже было отмечено, у каждого переводчика свой подход к ведению записей при последовательном переводе, при этом он часто основывается на системах, разработанных ведущими переводчиками и теоретиками перевода. В этой связи встают вопросы: что влияет на формирование индивидуальной системы записей? как происходит отбор оптимальных символов и сокращений? В настоящее время в Высшей школе перевода Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова ведется исследование, которое позволит проследить, как у будущих переводчиков складывается собственная система записей. Исследование проводится следующим образом: во-первых, еще до начала занятий последовательным переводом студентам предлагается устно перевести отрывок звучащего текста длительностью две-четыре минуты. Делать ли пометки, как именно записывать, — все это никак не ограничивается и не регламентируется, т.е. с точки зрения записей студентам предоставляется полная свобода действий. Перевод, выполненный студентами, записывается на диктофон, таким образом у исследователя в распоряжении есть исходный текст, текст перевода и записи переводчика, которые отражают действия, осуществляемые переводчиком при переходе от текста на ИЯ к тексту на ПЯ. Далее предполагается провести несколько подобных срезов. Например, целесообразно будет проводить такие исследования после рассмотрения и обсуждения на занятиях одной из существующих и описанных в литературе систем записей. Однако нельзя искусственно ограничивать студентов и требовать, чтобы в тот или иной момент они пользовались какими-то определенными принципами скорописи.

При сопоставлении результатов подобных срезов на протяжении некоторого времени будет возможно проследить, как

складывается индивидуальная система записей, какие факторы оказывают на это влияние, а также выяснить соотношение между записями и качеством текста перевода.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика. СПб., 2004.
- Аликина Е.В.* Переводческая семантография. Запись при устном переводе. М., 2006.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Записи в последовательном переводе. М., 1997.
- Чужакин А.П.* Мир перевода-7. Прикладная теория устного перевода и переводческой скорописи. М., 2003.
- Dam H.V.* Interpreters' notes. On the choice of language // Interpreting. International Journal of Research and Practice in Interpreting. 2002/2004. Vol. 6. N 1. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Seleckovitch D.* L'interprète dans les conférences internationales. Problèmes de langage et de communication. P., 1968.

Пан Кёён (Сеул, Корея)

ПРЕПОДАВАНИЕ ПЕРЕВОДА И АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЮ В КОРЕЕ

I examined the recent scientific trend of Korean translation and interpretation research by the contents analysis on two representative reviews, *Interpretation & Translation Investigation* and *International Conference Interpreting & Translation*. From 1996 to 2006, Korean I & T researchers conducted their scientific activities to 1) the deductive and descriptive studies (75%) more than the inductive ones (25%), 2) to the pragmatic approaches (51%) more than the structural ones (36%) and others, 3) quantitatively on the Interpretation (43%) and on the translation (57%), 4) to the interdisciplinary studies with the literary theories & Humanities (88%) much more than psychology and sociology (12%).

Ключевые слова/Keywords: *устный и письменный перевод, международная коммуникация, подготовка специалистов, теория перевода, методика преподавания перевода, смежные дисциплины.*

1. Предисловие. Исторические условия развития межъязыковой коммуникации в Корее

Вместе с началом модернизации в конце XIX в. Корея начала контакты с Западом. Но, учитывая геополитический фактор, как и до XIX в., Корея взаимодействовала с внешним миром через Китай и Японию. Вместе с началом модернизации, например таким, как “реформа года кабо” (1894), постепенно клонившаяся к упадку последняя королевская династия корейского полуострова Чосон ввела в систему государственной службы должность переводчика, на которую чиновники избирались в особом порядке и проходили специальную подготовку. После корейской войны (1950—1953) Южная Корея попала под сильное влияние США, а Северная — СССР. Было переведено огромное количество книг и документов с английского и русского языков. Поэтому, если иметь в виду весь Корейский полуостров, Корея могла встретиться с внешним миром посредством английского, русского, китайского и японского языков. И реальный спрос на эти четыре языка подтверждает данный факт.

После Корейской войны Республика Корея добилась стремительного роста экономики, называемого “чудом на реке Ханган”. Именно в этот период происходила активизация международных связей и внешней торговли, что не могло не привести к значительному увеличению спроса на переводческие услуги.

При поставленной задаче создать экономически развитое государство перевод был не вопросом выбора, а насущной необходимостью. В таких исторических условиях при поддержке корейского правительства был создан первый в стране Институт устного и письменного перевода (Graduate School of Interpretation and Translation, GSIT) при Университете иностранных языков “Ханкук” (Hankuk University of Foreign Studies). С точки зрения как исторического значения, так и своего места в системе образования этот институт является образцовым центром подготовки переводчиков в Корее.

2. Современный пример переводческого образования в Корее: Институт устного и письменного перевода (GSIT)

2.1. Основные положения основания Института

Институт устного и письменного перевода при Университете иностранных языков “Ханкук” был основан в 1979 г. В институте на базе высшего образования ведется обучение по специальностям устного и письменного перевода на восьми языках: английском, французском, немецком, русском, испанском, китайском, японском и арабском. Целью обучения является подготовка специалистов в области международных коммуникаций — переводчиков международных конференций (синхронистов) и письменных переводчиков. Данный институт признан лучшим среди стран Азии, Африки и Ближнего Востока с точки зрения уровня подготовки человеческих и интеллектуальных ресурсов. Ежегодно заявки на поступление подают около 2000 человек из более чем 130 корейских и 80 иностранных вузов. За последние 30 лет было выпущено более 2000 специалистов. В 2005 г. институт стал членом Международного объединения университетских институтов перевода (Conférence Internationale Permanente d’Instituts Universitaires de Traducteurs et Interprètes, CIUTI), а в 2006 г. в GSIT прошла генеральная ассамблея. Заключены соглашения о сотрудничестве, идут активные научные обмены с ведущими мировыми институтами перевода. Кроме того, ведется подготовка высококвалифицированных кадров в области теории и методики преподавания перевода, специалистов по взаимодействию с другими областями науки. С открытием в 1999 г. аспирантуры начался активный этап исследований в области переводоведения.

2.2. Особенности учебного процесса

На курс магистратуры могут поступать студенты, закончившие четыре года обучения в вузе и имеющие степень бакалавра. Окончив двухлетнюю программу обучения, слушатели при успешной сдаче выпускного экзамена получают степень магист-

ра. В зависимости от пройденного курса в дипломе указывается специальность “перевод международных конференций” или “письменный и последовательный перевод”.

После двухлетнего обучения в аспирантуре студенты защищают научную диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук (PhD). Для поступления в аспирантуру необходимо иметь степень магистра и опыт работы переводчиком.

2.3. Оценка знаний

С момента поступления до окончания слушатели магистратуры сдают, как правило, три экзамена — вступительный, экзамен по профориентации и выпускной.

2.3.1. Вступительный экзамен

Вступительный экзамен проходит в два этапа. На первом этапе сдаются иностранный и корейский языки, а также письменный перевод. Прошедшие первый этап абитуриенты сдают сочинение и проходят собеседование.

2.3.2. Экзамен по профориентации

В течение первого года все студенты проходят одинаковый курс обучения. Исключением является предмет “Совершенствование корейского языка” или “Совершенствование языка В*”: каждый студент выбирает один из двух предметов. По окончании первого года обучения желающие сдают экзамен по профориентации — последовательный перевод А—В, В—А. Успешно сдавшие данный экзамен студенты на втором году обучения проходят курс по специальности “переводчик международных конференций”, а не набравшие проходной балл или не сдававшие экзамен — по специальности “письменный и последовательный перевод”.

2.3.3. Выпускной экзамен

К выпускному экзамену допускаются студенты, чей средний балл по результатам первых трех учебных семестров превышает 80 из 100. Слушатели курса “переводчик международных конференций” сдают выпускной экзамен по последовательному, общему синхронному и специальному синхронному переводу. Слушатели курса “письменный и последовательный перевод” сдают экзамен по общему, экономическому, научно-техническому или политико-юридическому (один из двух по желанию) письменному переводу, а также по последовательному переводу.

---

* Язык А — родной, язык В — иностранный активный, язык С — иностранный пассивный.

2.4. Учебная программа

1 курс

Общие предметы для всех языковых групп:

Введение в устный и письменный перевод (Introduction to Interpretation and Translation);

Тематические лекции (Special Lecture).

Предметы по выбору:

Совершенствование языка В: I, II (Advanced B Language Discourse);

Совершенствование корейского языка: I, II (Advanced Korean Language Discourse).

Предметы по языку специализации:

Общий письменный перевод и перевод с листа В—А, С—А (Basic Translation: Written and Sight Translation);

Общий письменный перевод А—В (Basic Translation);

Экономический письменный перевод А—В, В—А, С—А (Translation of Economic and Commercial Texts);

Введение в последовательный перевод А—В, В—А (Introduction to Consecutive Interpretation);

Последовательный перевод и перевод с листа В—А, С—А: I (Consecutive Interpretation/Sight Translation);

Последовательный перевод А—В: I (Consecutive Interpretation);

Дебаты по актуальным вопросам (Debate in Current Affairs).

2 курс

Группа письменного и последовательного перевода:

Научно-технический письменный перевод А—В, В—А, С—А (Translation of Scientific and Technical Texts);

Политико-юридический письменный перевод А—В, В—А, С—А (Translation of Political and Legal Texts);

Семинар по письменному переводу (Seminar in Translation);

Практикум по письменному переводу (Practicum in Translation);

Последовательный перевод и перевод с листа В—А, С—А: II, III (Consecutive Interpretation/Sight Translation);

Последовательный перевод А—В: II, III (Consecutive Interpretation);

Специальный последовательный перевод А ↔ В: I, II (Consecutive Interpretation for Specific Areas);

Введение в синхронный перевод А—В, В—А (предмет по выбору) (Introduction to Simultaneous Interpretation).

Группа перевода международных конференций:

Последовательный перевод и перевод с листа В—А, С—А: II, III (Consecutive Interpretation/Sight Translation);

Последовательный перевод А—В: II, III (Consecutive Interpretation);

Синхронный перевод А—В, В—А: I, II (Simultaneous Interpretation);

Специальный синхронный перевод А ↔ В: I, II (Simultaneous Interpretation for Specific Areas);

Практика перевода конференций (инсценировка): I, II (Mock Conference);

Практический письменный перевод (предмет по выбору) (Practical Translation).

2.5. Техническое оснащение

Институт имеет оборудование, соответствующее высшим мировым стандартам: собственный конференц-зал на 230 человек с 8 кабинами для синхронного перевода, 2 аудитории с 8 кабинами, 3 аудитории с 4 кабинами. Конференц-зал, рассчитанный на 230 мест, оборудован наушниками, из них 56 дополнительно оборудованы микрофонами. В зале установлена система для синхронного перевода на 8 языков. 3 аудитории с кабинами для синхронного перевода рассчитаны на 15 человек, одна — на 71 и одна — на 41 человека, т.е. всего 5 аудиторий на 157 мест. В аудитории на 15 человек возможен синхронный перевод на 4 языка, а в аудиториях на 71 и 41 человека — на 8 языков. В кабинете спутникового телевидения имеется DVD-проигрыватель и кассетный видеомagnetofон, возможен просмотр CNN и более 100 других каналов на 19 языках. В 8 мультимедиааудиториях установлено новейшее оборудование: LCD-проекторы, экран диагональю 100 дюймов, DVD-проигрыватели и персональные компьютеры, позволяющие использовать Интернет во время лекций. Студенты могут получать свежую информацию из страны изучаемого языка, просматривая телепередачи спутникового телевидения, транслируемые круглосуточно. Установлено 27 персональных компьютеров, на которых студенты могут выполнять домашние задания, готовиться к докладам и распечатывать материалы. На компьютерах установлены раскладки клавиатуры на всех 8 изучаемых языках, что позволяет получать информацию о политике, экономике, социальной и культурной жизни стран соответствующей специализации.

3. Направления исследований в области перевода: анализ научных статей в специализированных изданиях

3.1. Объект анализа

Далее приводится анализ двух публикуемых в Корее специализированных изданий в области перевода — “Исследования

в области устного и письменного перевода” и “Устный и письменный перевод международных конференций”.

3.2. Категории понятий

Анализ научных работ проводился по четырем следующим категориям:

1. Методология исследований:
Индуктивный, дедуктивный или описательный подход к предмету.
2. Уровень рассмотрения предмета:
Макроуровень (с освещением культурных, социальных аспектов и т.п.), микроуровень (с освещением речевых аспектов) или исторический подход.
3. Область исследования:
Устный или письменный перевод.
4. Смежные дисциплины:
Литература и филология либо психология и социология.

3.3. Анализ и результаты

3.3.1. *Анализ 1:* Издание “Исследования в области устного и письменного перевода” Института устного и письменного перевода Университета иностранных языков “Ханкук”.

3.3.1.1. Методология исследований.

Рис. 1. Методология исследований (“Исследования в области устного и письменного перевода”)

3.3.1.2. Уровень рассмотрения предмета.

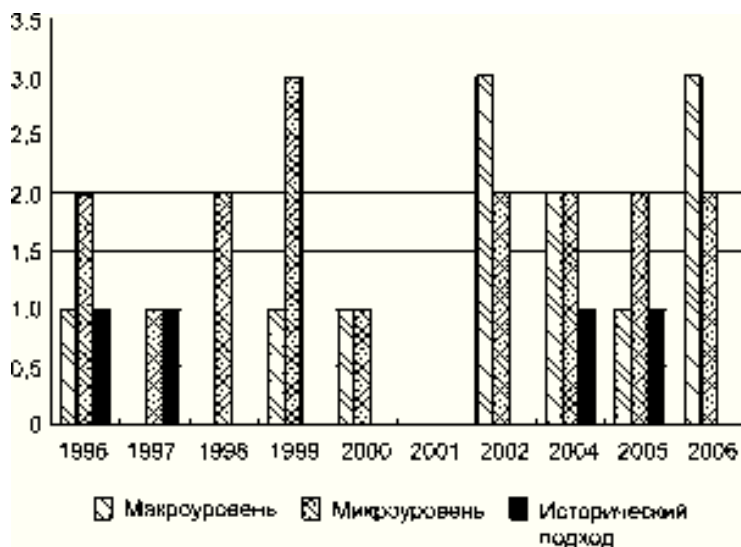

Рис. 2. Уровень рассмотрения предмета
("Исследования в области устного и письменного перевода")

3.3.1.3. Область исследования.

Рис. 3. Область исследования
("Исследования в области устного и письменного перевода")

3.3.1.4. Смежные дисциплины.

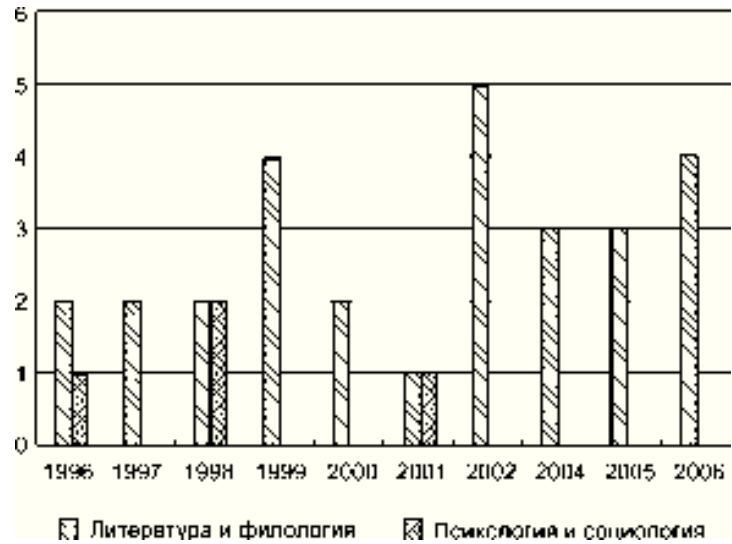

Рис. 4. Смежные дисциплины
 (“Исследования в области устного и письменного перевода”)

3.3.2. Анализ 2. Издание “Устный и письменный перевод на международных конференциях”.

3.3.2.1. Методология исследований.

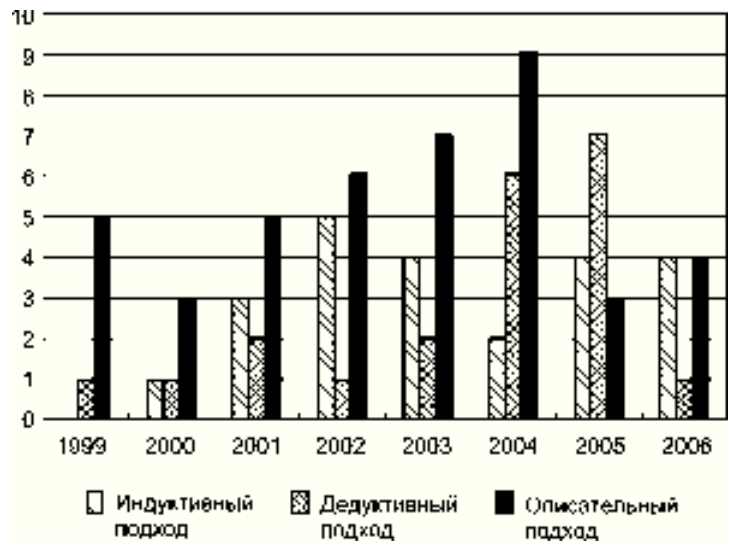

Рис. 5. Методология исследований
 (“Устный и письменный перевод международных конференций”)

3.3.2.2. Уровень рассмотрения предмета.

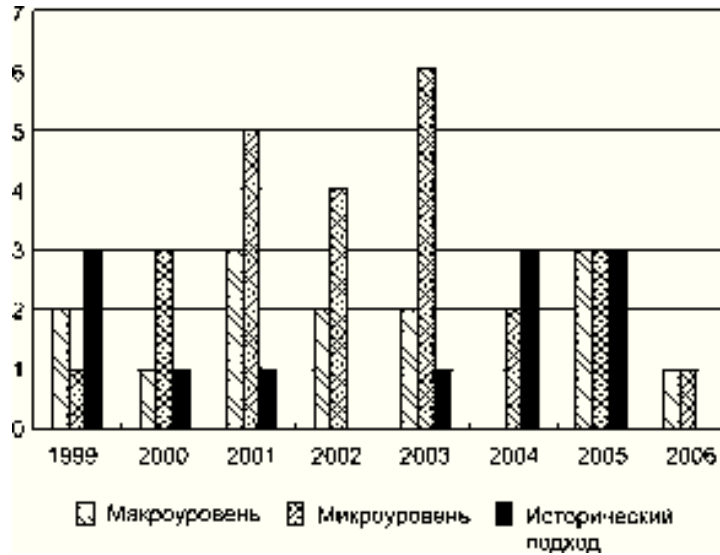

Рис. 6. Уровень рассмотрения предмета
 (“Устный и письменный перевод международных конференций”)

3.3.2.3. Область исследования.

Рис. 7. Область исследования
 (“Устный и письменный перевод международных конференций”)

3.3.2.4. Смежные дисциплины.

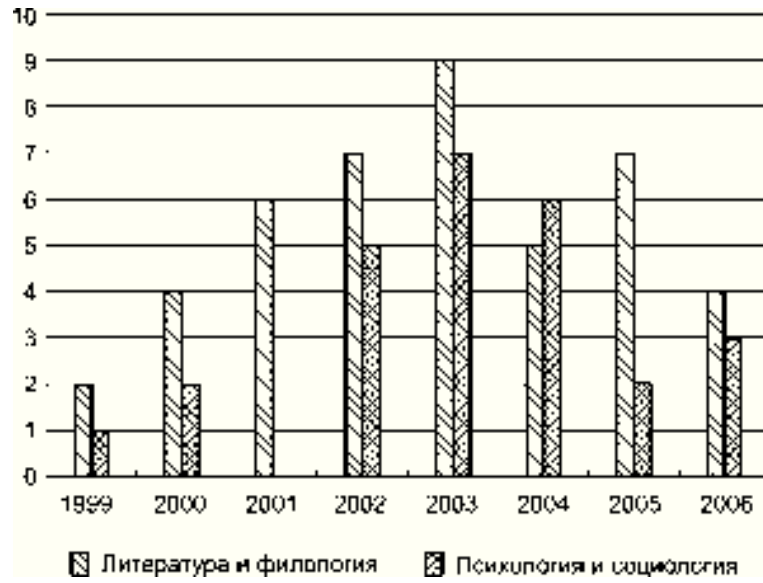

Рис. 8. Смежные дисциплины
("Устный и письменный перевод международных конференций")

3.3.3. Анализ 3. Сводный анализ.

3.3.3.1. Методология исследований.

Рис. 9. Методология исследований (сводная диаграмма)

Рис. 10. Тенденции в методологии исследований

3.3.3.2. Уровень рассмотрения предмета.

Рис. 11. Уровень рассмотрения предмета (сводная диаграмма)

Рис. 12. Тенденции в уровне рассмотрения предмета

3.3.3.3. Область исследования.

Рис. 13. Области исследования (сводная диаграмма)

Увеличение количества исследований в области устного перевода в 2002 г. можно объяснить проведением совместного Чемпионата мира по футболу в Корее и Японии.

Рис. 14. Тенденции в областях исследования

3.3.3.4. Смежные дисциплины.

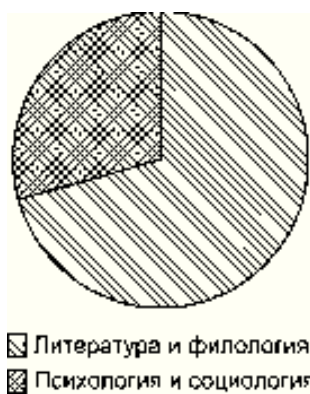

Рис. 15. Смежные дисциплины (сводная диаграмма)

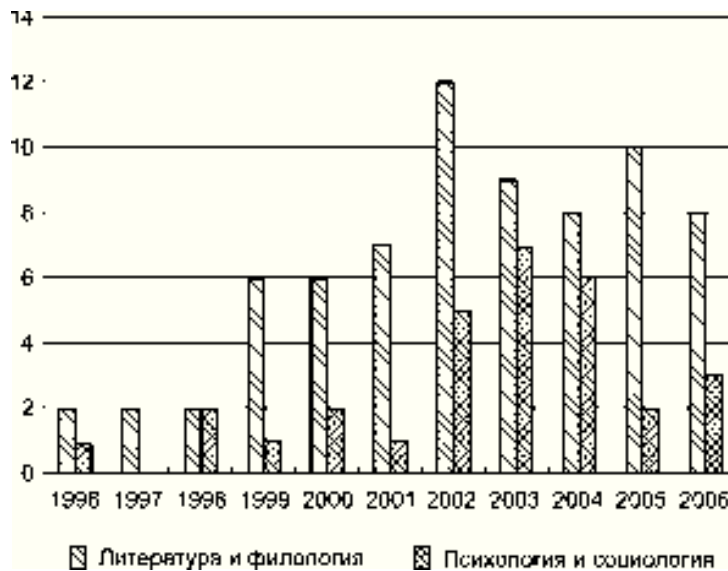

Рис. 16. Тенденции в изучении смежных дисциплин

4. Вывод. Тенденции исследований в области переводоведения и существующие проблемы

Модель преподавания перевода в Корее можно рассматривать на примере учебного процесса Института устного и письменного перевода Университета иностранных языков “Хангук”. Учитывая тот факт, что его учебная программа определяется основными направлениями проводимых в Корее исследований в области переводоведения, можно утверждать, что она отражает их общие тенденции.

Исследования в области переводоведения в Корее, как и система преподавания в Институте, сконцентрированы в основном на переводческой практике и изучении нынешней ситуации в данной сфере. Исторический подход также не выходит за рамки изучения текущего спроса и предложения на рынке услуг перевода, переводческих кадров и анализа методики преподавания письменного перевода в настоящее время. В исследованиях совмещены академический подход, направленный на качественное развитие переводоведения, и практический подход, изучающий непосредственно переводческую деятельность.

В то же время перевод является средством межъязыкового общения. В корейских исследованиях в области переводоведения уделяется равное внимание устному и письменному переводу.

После 2000 г. наметилась тенденция к изменению — появилось понимание важности внеязыковых и культурных факторов.

Признано, что в переводческой деятельности важно изучение не только ее практической стороны, но и филологии, психологии, социологии — всего того, что является основополагающими факторами при переводе. Именно в этом контексте можно объяснить важность междисциплинарных исследований.

Увеличение в последнее время доли междисциплинарных и теоретических исследований можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в переводческих кругах начали признавать ограниченность проводимых до этого научных исследований в области практики перевода. Было достигнуто понимание, что хоть на первый взгляд перевод может показаться чисто техническим навыком, на самом деле он относится к области межкультурной коммуникации. Во-вторых, развитие междисциплинарных и теоретических исследований стало следствием требований времени. В конце XX в. наблюдалось слияние жанров, исчезновение границ между отдельными научными дисциплинами, резкое увеличение объемов графической информации, осознание важности развития культуры. Данные процессы оказали значительное воздействие на все корейское общество, основанное на традициях разделения труда и структурного размежевания.

В то же время можно сказать, что недостатком переводоведческих исследований в Корее на данном этапе является ограниченность тематикой переводческой практики. Кроме того, вследствие преимущественно индивидуального характера деятельности профессиональных переводчиков исследования в этой области не систематизированы, не установлена взаимосвязь между преподаванием и теоретическими изысканиями в сфере лингвистики и литературы с преподаванием и созданием теоретической базы перевода. Однако с учетом того, что переводческая деятельность требует логического мышления и находчивости, можно сказать, что данные вопросы постепенно решаются. На данный момент ведутся междисциплинарные исследования, переводоведы готовятся к освоению новых областей, таких, как средства массовой информации, особенностями которых являются взаимодействие сторон, высокая доля развлекательного контента и быстрота изменения ситуации.

Список литературы

- Clifford J.* Writing Culture. Berkeley, 1986.
Fenton W. Area Studies in America's Universities. Washington, 1947.
Geertz C. Works and Lives. The Anthropologist as Author. 1988.
Hall R.B. Area Studies // Research in the Social Sciences. N.Y., 1947.
Language and Area Studies / Ed. by C. Jelavich. Chicago, 1969.
Rosenau N. International Studies and Social Sciences Problems. Beverly Hills, 1973.

РЕЦЕНЗИИ

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА СЕГОДНЯ*

Рубеж веков ознаменовался заметным расширением исследований в области истории, теории, критики и методики перевода. Однако большинство опубликованных в последние годы работ характеризуется тем, что либо в них рассматриваются какие-то частные или специальные аспекты теории перевода, либо они носят сугубо учебный характер и поэтому не претендуют на решение давно назревших серьезных теоретических проблем.

Монография Н.К. Гарбовского выгодно отличается от всех вышедших в предшествующие десятилетия работ своей универсальностью. Она органично сочетает в себе атрибуты серьезного исторического введения в науку о переводе, качества глубокой научной монографии по кардинальным проблемам теории перевода и высокий уровень вузовского учебника, отражающего новейшие достижения переводоведения и отвечающего самым высоким требованиям методики перевода.

“Теория перевода” Н.К. Гарбовского богата удачно подобранным практическим материалом на многих языках, профессиональный анализ которого позволил автору прийти к заслуживающим уважения теоретическим обобщениям и соответственно к важным научным результатам. В этой связи достаточно назвать главы о системном подходе к изучению перевода, о межъязыковой асимметрии, о деформации как переводческой стратегии и др.

Подобную книгу давно ждали все, кто так или иначе связан с переводом. И несомненно, что теперь монография Н.К. Гарбовского еще многие годы будет определять развитие переводоведческих исследований в России. Без нее не сможет обойтись и сегодня и в будущем ни ученый, занимающийся теоретическими вопросами переводоведения, ни вузовский преподаватель, читающий курсы по истории, теории и практике перевода, ни студент, изучающий перевод как специальность.

Заметим также, что книга написана блестящим строго научным языком, но в то же время живым, образным языком, совершенно лишенным столь широко распространенной сегодня наукообразности.

---

* Рецензия на книгу Н.К. Гарбовского “Теория перевода”. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Несомненно и то, что за этими выдающимися результатами кроется многолетний кропотливый труд автора, который, однако, не навязывает читателю свою выношенную за годы размышлений точку зрения на ту или иную проблему, а стремится весомыми аргументами и убедительными доказательствами обосновать излагаемые им идеи, оставляя за читателем право принимать их или выдвигать свои контрдоводы.

Книгу Н.К. Гарбовского “Теория перевода” с полным основанием можно назвать интеллектуальным бестселлером начала XXI в.

Отличие теории перевода от других филологических наук заключается в том, что, будучи по сути наукой глобальной, она тем не менее развивается в основном в рамках национальных школ. Российская школа переводоведения имеет свои значительные достижения. Работы К.И. Чуковского, А.В. Федорова, Е.Г. Эткинда, А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова, Р.К. Миньяра-Белоручева, Л.К. Латышева и других внесли существенный вклад в становление науки о переводе. Однако только с выходом в свет книги Н.К. Гарбовского можно говорить об окончательном конституировании переводоведения как отдельной науки с собственными категориями и законами, как науки, которая по праву заняла свое достойное место в ряду других наук XXI в.

Естественно, что в книге с таким масштабным охватом материала есть дискуссионные моменты. В частности, отнесение автором категории адекватности преимущественно к ожиданиям участников коммуникации и условиям осуществления перевода вряд ли может рассматриваться в качестве универсального теоретического постулата, поскольку исследования в области художественного перевода свидетельствуют о том, что в этой сфере переводческой деятельности онтологическая сущность адекватности не совпадает с ее природой в других видах перевода.

Тираж первого издания книги Н.К. Гарбовского разошелся быстро, но далеко не все университетские библиотеки России смогли приобрести необходимое для них количество экземпляров, не все российские преподаватели, аспиранты и студенты, специализирующиеся в области перевода, сумели её купить.

Поэтому можно только приветствовать выход в свет второго издания, в которое автором внесены незначительные поправки.

В заключение хочется выразить надежду, что в последующих изданиях книги Н.К. Гарбовского можно будет увидеть и некоторые новые главы, в том числе посвященные жанровым аспектам перевода, проблемам критики перевода и др.

Декан филологического факультета,
заведующий кафедрой немецкого языка
Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан),
доктор филологических наук, профессор

Р.Р. Чайковский

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НАУКА О ПЕРЕВОДЕ СЕГОДНЯ

*(Международная конференция по проблемам перевода,
1—3 октября 2007 г.)*

2007 год можно было бы назвать юбилейным для переводческого сообщества, ведь принято считать, что Св. Иероним Стридонский, небесный покровитель переводчиков всего мира, автор знаменитой “Вульгаты”, оставившей заметный след в истории мировой культуры, родился 1660 лет тому назад¹. “Наш великий святейший покровитель: нам следовало бы отпраздновать его именины, если только мы не выберем этот день в канун ласковой октябрьской учебной поры, чтобы взяться за новый перевод”, — писал об этом переводчике Библии Валери Ларбо. Именно к этому событию, ставшему уже традиционным профессиональным праздником, — Международному дню переводчика — и была приурочена конференция “Наука о переводе сегодня”, проходившая с 1 по 3 октября в Высшей школе перевода Московского государственного университета.

Наука о переводе в её сегодняшнем понимании родилась в середине XX столетия, в период бурно возросших потребностей в переводческой работе. Для обучения армий переводчиков понадобилось научное осмысление того, что такое перевод и как помочь переводчикам сделать так, чтобы люди лучше и быстрее понимали друг друга. Наука о переводе старалась дать обоснованные ответы на вопросы, возникавшие у переводчиков на протяжении многих тысячелетий. С самого начала науке о переводе было уготовано место среди прикладных наук, неких научно обоснованных технологий, призванных решать задачи, ежедневно возникающие в переводческой практике. Поэтому долгое время теория перевода развивалась как наука сугубо лингвистическая, объектом изучения которой был лишь инструмент переводчика, т.е. языки.

Но, по словам декана Высшей школы перевода профессора Н.К. Гарбовского, открывавшего конференцию, “уже довольно

---

¹ Точная дата рождения Иеронима неизвестна, но считается, что он родился около 347 г., а умер 30 сентября 420 г. Именно этот день обозначен в юлианском календаре как день Св. Иеронима. В этот день уже многие годы переводчики всего мира отмечают свой профессиональный праздник.

скоро стало ясно, что только в лингвистических терминах дать научную картину перевода невозможно. Для этого требуется привлечение множества наук — философии, логики, психологии, социологии, этики, истории и даже царицы наук — математики. Ведь перевод — это постоянное решение уравнений, задач со многими неизвестными, которое осуществляется методами, близкими к методам математики и логики”.

Неслучайно поэтому первая международная конференция, задача которой — всесторонний взгляд на проблемы перевода, прошла в стенах Московского университета. Как отметил в своем приветственном слове, адресованном участникам конференции, проректор МГУ профессор В.В. Белокуров, “университетская наука сильна своей междисциплинарностью, возможностями сосредоточения специалистов разных научных областей на одном объекте. Знаменательно, что в Московском университете перевод во всем языковом и функциональном многообразии своих проявлений оказывается таким объектом. Это должно, безусловно, способствовать превращению теории перевода из науки прикладной в фундаментальную”.

К обсуждению на конференции был предложен самый широкий спектр актуальных проблем науки о переводе — философия, социология, методология и дидактика перевода, переводческое литературоведение, психология переводческой деятельности, культурно-антропологические и лингвистические аспекты перевода, история перевода и переводческих учений, переводческая критика. Такой простор для научного обмена дал возможность каждому, кому близки и интересны любые аспекты многогранной переводческой деятельности, почувствовать себя желанным гостем на конференции независимо от формы участия (доклад на пленарном/секционном заседании, выступление на круглом столе, участие в дискуссиях).

Несмотря на то что наука о переводе — наука молодая, даже слишком молодая, чтобы говорить о давних научных традициях, ведь самых известных теоретиков в этой области, как отечественных, так и зарубежных, можно считать нашими современниками, предложение обсудить современное состояние теории перевода, определить дальнейшие направления ее развития и обменяться научным и методическим опытом нашло живой отклик среди отечественных и зарубежных ученых.

Поделиться своими взглядами на современную теорию перевода приехали коллеги из разных стран (Австрия, Алжир, Бельгия, Германия, Грузия, Индия, Индонезия, Иордания, Италия, Казахстан, Канада, Южная Корея, Кувейт, Литва, Польша, США, Турция, Франция, Украина, Эстония), профессора и преподаватели факультетов Московского университета (филологический,

исторический, ИСАА, иностранных языков и регионоведения, ФГУ, искусств, журналистики и др.), а также других вузов России (Санкт-Петербургский государственный университет, Казанский государственный университет, Саратовский государственный университет, Петрозаводский государственный университет, Белгородский государственный университет, Ставропольский государственный университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Краснодарский государственный университет культуры и искусств, лингвистические университеты Н. Новгорода, Иркутска), представители ведущих вузов Москвы, осуществляющих подготовку переводчиков (Военный университет, МГИМО, МГЛУ, РГГУ) и др.

Отрадно признать, что предложение обсудить, казалось бы, сугубо теоретические вопросы вызвало интерес как среди теоретиков перевода, так и среди переводчиков-практиков, специалистов, осуществляющих перевод в самых разных областях и работающих с самыми разными парами языков. Оживленная полемика между учеными ведущих мировых университетов, специалистами в гуманитарных и естественных отраслях научного знания, сотрудниками крупных научно-исследовательских центров по изучению перевода, преподавателями высших школ устных и письменных переводчиков, служащими государственных и частных компаний, сотрудниками бюро переводов, представителями общественных организаций, союзов переводчиков, работниками посольств служила лучшим опровержением распространенному в некоторых переводческих кругах тезису о бесполезности теории для практики, об отсутствии связи между ними. В этом еще одна сильная сторона конференции.

На открытии конференции с приветственным словом выступил президент Союза переводчиков России Л.О. Гуревич. Отметив со своей стороны необходимость постоянного взаимодействия теории перевода с практической деятельностью переводчиков, он пожелал участникам конференции плодотворной работы и новых научных достижений. Л.О. Гуревич выразил надежду на то, что московская конференция, посвященная вопросам теории перевода, станет традиционной, вызывая и в дальнейшем интерес в международных кругах теоретиков и практиков перевода.

В конференции принял участие один из “патриархов” отечественной теории перевода, переводчик-синхронист с многолетним стажем, заведующий кафедрой теории и истории перевода Московского государственного лингвистического университета М.Я. Цвиллинг. Он не только выступил с приветственным обращением к участникам конференции, но и провел своеобразный мастер-класс по синхронному переводу, обеспечив понимание русскоязычной публикой доклада коллеги из Австрии, профес-

сора Венского университета на тему “Обществу перевод. Переводу свободу?” (*Der Gesellschaft ihre Translation, der Translation ihre Freiheit?*). Этот доклад не только благодаря заявленной теме, весьма важной для современной теории перевода, но во многом и благодаря блестящему переводу вызвал живую дискуссию участников конференции и интерес студентов, которые если и не осознали, что такое “свобода перевода”, с вождением смотрели на кабину синхрониста, мечтая ощутить собственную свободу владения навыками перевода.

К слову сказать, синхронному переводу на конференции было отведено особое место, ведь рабочими языками на ней были объявлены русский, английский, немецкий и французский. Поэтому все доклады пленарных заседаний переводились синхронно преподавателями Высшей школы перевода. Такое многообразие рабочих языков и обеспеченность переводом во многом позволили расширить географию участников (более 20 стран), дать возможность всем желающим участвовать в научных обсуждениях, сопровождавших доклады, и показать, что преподавание перевода и построение теоретических моделей непосредственно связаны с переводческой практикой.

Следует отметить, что в ходе конференции обсуждались проблемы перевода во всем его многообразии и во всех его проявлениях.

Традиционно одной из многочисленных секций была секция лингвистических аспектов перевода. Это представляется весьма естественным в силу того, что взаимодействие языков в переводе дает неисчерпаемый материал для исследования. Вместе с тем большой интерес привлекли и вопросы переводческой деятельности в конкретных областях, в частности в области права, политики, науки. Особо хотелось бы выделить секцию, посвященную проблемам перевода кинофильмов, видеоматериалов, а также переводу интернет-сайтов. Не остались без внимания и вопросы художественного перевода. Проблемы расшифровки и порождения смысла в переводе и тесно связанные с ними вопросы герменевтики и семиотики перевода стали предметом обсуждения на отдельной секции “Перевод и смысл”. Оживленные дискуссии вызвали доклады, посвященные критике перевода и методам оценки результатов переводческой деятельности, в частности при обучении переводу. Эти вопросы обсуждались как на пленарном заседании, так и в рамках секции “Теории и методики преподавания перевода”.

Доклады участников конференции были опубликованы в сборнике материалов, вышедшем из печати ко дню открытия конференции. Однако наиболее интересные выступления, отобранные редакционной коллегией и оформленные в виде статей, будут

опубликованы на языке оригинала и в переводе на страницах нашего журнала.

На круглом столе, проходившем в день закрытия конференции, были подведены итоги трехдневной работы и намечены перспективы дальнейшего развития исследований в науке о переводе. Выступавшие на круглом столе отметили универсальность проблем, встающих перед переводчиками, преподавателями и исследователями, независимо от взаимодействующих в переводе пар языков, обратили внимание на новые возможности исследования, открывающиеся при интердисциплинарном подходе к переводу, и интерес, который представляет теория перевода для практики именно как наука фундаментальная. В заключение выступавшие на круглом столе выразили горячее желание, чтобы конференция, проводимая в Московском государственном университете, стала традиционной и продолжала собирать единомышленников в дни их профессионального праздника.

О.И. Костикова